

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2025 – 2

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – МА (Дортмундский технический университет); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2025

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2025 – 2

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – MA (TU Dortmund University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Пряжникова О.Н. Взаимодействие человека с окружающей средой в перспективе социологических исследований: <i>введение к тематическому разделу</i>	7
Немировский В.Г. Социально-экологические проблемы российских регионов в зеркале современных научных журналов	14
Казакова А.Ю. «Умный мусор» в «умном городе»: перспективные разработки и дисфункции	36
Пряжникова О.Н. Экотрещливость: некоторые особенности негативных и позитивных проявлений (Обзор)	53
Реф. ст.: Заттлеггер Л., Ничке Л., Штис И. Концептуализация социально-экологических практик	62
Чувычкина И.А. Рецензия на кн.: Lindvall D. Climate change and the endurance of democracy. [Линдвалл Д. Изменение климата и устойчивость демократии]	76

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Козин С.В., Жидяева Т.П. Георг Зиммель как классик социологии (опыт современного прочтения)	89
---	----

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Глотов С.А. Российский федерализм в зеркале отечественной прессы	107
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Ядова М.А. Рецензия на кн.: Чернова Ж., Шпаковская Л. Путевка в жизнь: социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России	128
--	-----

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты). (Пер. с англ. В.Г. Николаева)	135
--	-----

CONTENTS

ISSUE THEME: HUMAN INTERACTION WITH THE ENVIRONMENT: ISSUES AND TRENDS

Pryazhnikova O.N. Human interaction with the environment in the perspective of sociological research: <i>introduction to the thematic section</i>	7
Nemirovsky V.G. Socio-ecological problems of Russian regions in the mirror of modern academic journals	14
Kazakova A.Yu. “Smart waste” in a “smart city”: promising developments and dysfunctions	36
Pryazhnikova O.N. Eco-anxiety: some features of negative and positive manifestations (Literature review)	53
Article summary: Sattlegger L., Nitschke L., Stieß I. Conceptualizing social-ecological practices	62
Chuvychkina I.A. Book review: Lindvall D. Climate change and the endurance of democracy	76

THEORY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. Georg Simmel as a classic of sociology (experience of modern reading)	89
---	----

SOCIOLOGY OF LAW

Glotov S.A. Russian federalism in the mirror of the domestic press .	107
--	-----

SOCIOLOGY OF LIFE COURSE

Yadova M.A. Book review: Chernova Zh., Shpakovskaya L. A ticket to life: sociological essays on education, class inequality, and social exclusion in Russia	128
---	-----

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)	135
--	-----

**ТЕМА НОМЕРА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА
С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ**

УДК 504.03

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.01

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. Благодаря своему междисциплинарному характеру, экологическая социология углубляет понимание сложных взаимодействий между человеком и окружающей средой. Изучение социальных, психологических, культурных и политико-экономических факторов, формирующих экологические установки, поведение и практики людей, вносит значимый вклад в разработку стратегий по продвижению устойчивого образа жизни, поощрение проэкологического сознания и ответственного управления окружающей средой.

Ключевые слова: окружающая среда; экосоциология; инвйронментальная социология; экологическая справедливость; устойчивое развитие; экологические движения; междисциплинарный подход.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Взаимодействие человека с окружающей средой в перспективе социологических исследований: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 7–13. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.01

Статья поступила: 06.05.2025.

Принята к публикации: 10.05.2025.

---

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

PRYAZHNIKOVA O.N.** Human interaction with the environment in the perspective of sociological research: introduction to the thematic section

Abstract. Due to its interdisciplinary nature, environmental sociology deepens understanding of the complex interactions between humans and the environment. The study of social, psychological, cultural, political and economic factors that shape people's environmental attitudes, behaviour and practices makes a significant contribution to the development of strategies to promote sustainable lifestyles, encourage environmental awareness and responsible environmental management.

Keywords: environment; eco-sociology; environmental sociology; environmental justice; sustainable development; environmental movements; interdisciplinary approach.

For citation: Pryazhnikova O.N. Human interaction with the environment in the perspective of sociological research: introduction to the thematic section. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 7–13. DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.01

Received: 06.05.2025.

Accepted: 10.05.2025.

Отношения человека с окружающей средой обусловлены тесной связью между природными, с одной стороны, и социальными, экономическими, культурными процессами – с другой. Социальные структуры, культурные практики и поведение людей находятся под влиянием природной среды, в которой они живут и, в свою очередь, влияют на нее. Особенности данного взаимодействия исследуются в рамках разнообразных научных дисциплин, в том числе и социологии, а именно такого направления, как экологическая социология (экосоциология) или инвайронментальная социология (оба термина устойчиво употребляются отечественными специалистами).

Ключевой вклад в интеграцию экологических концепций в социологические исследования внесли представители Чикагской школы в начале прошлого века. Основываясь на биологической

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

концепции взаимосвязи между организмами и средой их обитания, Р. Парк и Э. Берджесс предложили видение города как своеобразной экосистемы, где между его обитателями разворачивается конкуренция за пространство и ресурсы. Они использовали такие понятия, как инвазия, доминирование и сукцессия, чтобы описать, как различные этнические и социальные группы взаимодействуют в городских пространствах, разделенных на особые экологические ниши, или «природные зоны», в которых люди имеют схожие социальные характеристики [Park, Burgess, McKenzie, 1925].

Изучение пространственных распределений и их влияния на социальные отношения находится на пересечении социологии окружающей среды и социологии города, в рамках которой также исследуются, например, такие факторы, как близость к ресурсам (допустим, школам и рабочим местам) и подверженность влиянию загрязнения воздуха и воды, в контексте социальной динамики и неравенства. Кроме того, на фоне растущих в последние десятилетия глобальных экологических проблем социологи и представители других дисциплин обратились к анализу того, как общества адаптируются к порой значительным изменениям природной среды и как влияют на эти изменения. Это включает изучение социально-политических аспектов изменения климата, управления ресурсами и практик устойчивого развития, неравенства, в том числе с точки зрения непропорционально более значительного ущерба, который несут маргинализированные социальные группы или сообщества перед лицом кризисных явлений, связанных с нарушением экологического равновесия.

При проведении исследований взаимодействия человека и окружающей среды экосоциологи используют: 1) количественные методы (такие как статистический анализ), необходимые для изучения корреляций между факторами окружающей среды и социальными явлениями; 2) качественные методы, например, в рамках этнографических или тематических исследований, которые помогают понять, как индивиды и сообщества воспринимают окружающую среду и взаимодействуют с ней; 3) методы пространственного анализа, позволяющие осуществить картирование и анализ географического распределения социальных явлений.

Среди основных областей исследований экологической социологии традиционно выделяют: 1) развитие и планирование городов, в частности влияние городской среды на поведение, здоровье населения, уровень преступности, модели жилья и социальную мобильность; 2) вопросы экологической справедливости, помога-

ющие понять, как экологически обусловленные выгоды или ущерб распределяются между различными группами населения; 3) анализ устойчивости сообществ, стратегий реагирования и процессов восстановления после экологических катастроф – природных или антропогенных; 4) влияние деятельности человека (культурных практик, экономической деятельности) на экологические системы и влияние изменений окружающей среды на общество.

В отечественных исследованиях современных социоприродных систем и их динамики, по мнению российского ученого О.Н. Яницкого, внесшего значимый вклад в развитие экосоциологии и социологии города, вызывает интерес концепция социоестественной истории Э.С. Кульпина; направление так называемой «глубинной экологии» А. Нэсса; изучение природоохранного дела как формы социального познания и практики; этнографические исследования коренных и малочисленных народов, сохранению культуры и среды проживания которых угрожает добыча природных ресурсов [Социально-экологические проблемы ... , 2005, с. 9]. О.Н. Яницкий в своих работах развивал «новую экологическую парадигму», предполагающую отказ от принципа антропоцентризма и видение человека как одного из существ глобальной экосистемы [Яницкий, 2007].

Важно отметить, что исследования социальных, культурных и психологических аспектов охраны окружающей среды далеко выходят за пределы экологической социологии. При этом будущее экосоциологии неразрывно связано с будущим дисциплины социологии в целом, которое во многом определяется ее потенциалом охватывать междисциплинарные проблемы. Экосоциологи часто сотрудничают с климатологами, географами, экономистами, политологами, градостроителями, историками, правоведами, антропологами, психологами и биологами, что позволяет создавать более всеобъемлющую картину социально-экологической реальности. Среди активно развивающихся областей мировой науки, изучающих роль социальных факторов в детерминировании тех или иных экологических эффектов, а также вопросы «неразделимости» человеческой и нечеловеческой природы, специалисты выделяют: 1) исследование в рамках политической экономии влияния современного капитализма на социально-экологическое благополучие; 2) изучение рисков и последствий природных и технологических катаклизмов с точки зрения ответов на такие угрозы со стороны индивидов, общественных организаций и социальных движений; 3) инвайронментальную криминологию (или «зеленую»

криминологию), которая исследует акты преступлений, влияющих на окружающую среду (практики биоопиратства¹, незаконной утилизации радиоактивных отходов или несоблюдение правил и нарушения законов, касающихся загрязнения воздуха и водных ресурсов, вырубки лесов, сокращения биоразнообразия); 4) исследования социальных движений, как стремящихся реформировать социальные системы, которые приводят к возникновению экологических кризисов, так и радикальных экологических движений, нацеленных на решительную борьбу с авторитарными институтами, государством и капиталистической системой; 5) направление, в рамках которого интегрируются исследования труда и экологической проблематики, а рабочее место рассматривается как пространство взаимодействия человека с окружающей средой; 6) критические исследования животных (critical animal studies) – растущее научное и политическое движение, продвигающее идеи отказа от эксплуатации животных и окружающей среды [Pellow, Nyseth Brehm, 2013; Jennifer, 2023].

В тематический раздел данного номера вошли публикации, посвященные кругу проблем, касающихся социально-культурных и психологических аспектов взаимодействия человека с окружающей средой.

В статье *В.Г. Немировского* приведен обзор научных публикаций, посвященных социально-экологическим проблемам, с которыми сталкиваются жители различных регионов нашей страны, показана их связь с экологическими протестами населения, неравенством, миграцией и другими социальными явлениями. Приведены результаты влияния социально-экологических проблем на направление миграционных потоков населения, неравномерность социально-экологического развития территории страны.

Обзорная статья *А.Ю. Казаковой* раскрывает тему «умного мусора» как части концепции «умного города», способствующей устойчивому развитию и экологическому равновесию в городах по всему миру. С одной стороны, практики «взаимоотношения» с мусором обусловлены культурными традициями, с другой – внедрение в этой сфере таких новшеств, как «умные» технологии, способствует росту экологического сознания и соответствующему

---

¹ Биоопиратство – практика патентования и использования в коммерческих целях различных медицинских, сельскохозяйственных и прочих ноу-хау, являющихся традиционным знанием аборигенных культур, без разрешения представителей данных культур и без выплаты им компенсаций.

изменению поведения горожан, но также может в какой-то степени усугублять проблемы социально-экономического неравенства.

Проблема влияния на психологическую устойчивость и благополучие человека эмоций, вызванных последствиями экологического кризиса, рассмотрена в обзоре *О.Н. Пряжниковой*. Представлены результаты исследований иностранных ученых, в которых изучаются особенности проявлений и последствий экотревожности, выявляются наиболее уязвимые к ней группы населения.

В подготовленном *О.А. Башевой* реферате статьи немецких исследователей Л. Заттлегера, Л. Ничке, И. Штиса «Концептуализация социально-экологических практик» раскрываются особенности предложенной авторами концепции анализа социально-экологических практик, позволяющей анализировать стабильность и изменения в практиках и их социально-экологических взаимосвязях.

Рецензия *И.А. Чувычкиной* посвящена книге шведского исследователя Д. Линдвалла «Изменение климата и устойчивость демократии», в которой автор прослеживает политические и социально-экономические последствия климатического кризиса. Особое внимание уделяется проблемам, которые создает изменение климата, угрожающим устойчивости демократии, продовольственной безопасности, социальному равенству и экономическому развитию.

Вошедшие в раздел публикации представляют профессиональный и научный интерес для исследователей, работающих в рамках разнообразных научных дисциплин, и специалистов, которые формируют политику устойчивого социально-экономического развития, учитывающую весь спектр проблем охраны окружающей среды.

Список литературы

Кульпин Э.С. Социоестественная история: предмет, метод, концепция. – Москва: Издательство Российского открытого университета, 1992. – 48 с.

Социально-экологические проблемы: научно-теоретический поиск и направления исследований («круглый стол») / Тайдаков В., Халий И.А., Денисовский Г.М., Сосунова И.А., Яницкий О.Н. [и др.] // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 1–21. – URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-3/tyadakov_rt.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

Яницкий О.Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. – Москва: Наука, 2007. – 271 с.

Jennifer S. The key concepts and significance of environmental sociology // *Sociology and criminology*. – 2023. – Vol. 11, N 2. – 1000282. – URL: <https://www.longdom.org/open-access/the-key-concepts-and-significance-of-environmental-sociology-101992.html> (accessed: 05.05.2025).

Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. *The city*. – Chicago: University of Chicago press, 1925. – 239 p.

Pellow D.N., Nyseth Brehm H. An environmental sociology for the twenty-first century // *Annual review of sociology*. – 2013. – Vol. 39. – P. 229–250.

References

Jennifer S. The key concepts and significance of environmental sociology. *Sociology and criminology*. – 2023. – Vol. 11, N 2. – 1000282. – URL: <https://www.longdom.org/open-access/the-key-concepts-and-significance-of-environmental-sociology-101992.html> (accessed: 05.05.2025).

Kulpin E.S. *Socio-natural history: subject, method, concept*. – Moscow: Publishing house of the Russian open university, 1992. – 48 p. (In Russian)

Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. *The city*. – Chicago: University of Chicago press, 1925. – 239 p.

Pellow D.N., Nyseth Brehm H. An environmental sociology for the twenty-first century. *Annual review of sociology*. – 2013. – Vol. 39. – P. 229–250.

Social and environmental problems: scientific and theoretical search and research directions (“round-table discussion”). Taidakov V., Khaliy I.A., Denisovsky G.M., Sosunova I.A., Yanitsky O.N. [et al.]. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 2005. – N 3. – P. 1–21. – URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-3/taydakov_rt.pdf (accessed: 05.05.2025). (In Russian)

Yanitsky O.N. *Ecological culture: essays on the interaction of science and practice*. – Moscow: Nauka, 2007. – 271 p. (In Russian)

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

Аннотация. Целью данной статьи является обзор и систематизация публикаций, посвященных анализу социально-экологических проблем российских регионов в зеркале современных отечественных научных журналов (2021–2024). Выделены основные направления исследований в этой сфере. Показаны социально-экологические проблемы, с которыми сталкиваются жители различных территорий Российской Федерации. Приводятся рейтинги экологического состояния регионов страны, построенные на основе различных показателей и индексов. Освещаются результаты исследований роли градообразующих предприятий в формировании негативной социально-экологической ситуации в регионах, а также их роли в ее улучшении. Рассмотрены факторы экологических протестов населения, показаны результаты влияния социально-экологических проблем на направление миграционных потоков населения. Сформулированы перспективные тенденции социологических исследований в данной области.

Ключевые слова: социально-экологические проблемы; российские регионы; экологический рейтинг регионов; экологическая активность.

Для цитирования: Немировский В.Г. Социально-экологические проблемы российских регионов в зеркале современных научных журналов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 14–35. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.02

---

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

Статья поступила: 25.03.2025.

Принята к публикации: 15.04.2025.

NEMIROVSKY V.G.** Socio-ecological problems of Russian regions in the mirror of modern academic journals

Abstract. The purpose of this article is to review and systematize publications devoted to the analysis of socio-environmental problems of Russian regions in the mirror of modern Russian academic journals (2021–2024). The main directions of research in this area are highlighted. The socio-ecological problems faced by residents of various territories of the Russian Federation are shown. The ratings of the ecological state of the country's regions are based on various indicators and indexes. The article highlights the results of research on the role of city-forming enterprises in the creation of a negative socio-ecological situation in the regions, as well as their role in its improvement. The factors of environmental protests of the population are considered, the results of the influence of socio-environmental problems on the direction of migration flows of the population are shown. Promising trends of sociological research in this field are formulated.

Keywords: socio-ecological problems; Russian regions; ecological rating of regions; ecological activity.

For citation: Nemirovsky V.G. Socio-ecological problems of Russian regions in the mirror of modern academic journals. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 14–35. DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.02

Received: 25.03.2025.

Accepted: 15.04.2025.

Введение

Актуальность настоящей статьи определяется отсутствием заметного улучшения социально-экологического состояния многих российских регионов, порождающего целый ряд негативных социальных последствий. Среди них – высокая заболеваемость

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

населения, уменьшение продолжительности жизни, массовая миграция жителей этих территорий в места с более благоприятной экологической ситуацией, что порождает снижение человеческого капитала и других деструктивных тенденций. Для их преодоления на государственном уровне были приняты долгосрочные программные документы, среди которых Указы Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹, «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»² и др.

Целью данной статьи является обзор и систематизация работ, посвященных анализу социально-экологических проблем российских регионов, которые были опубликованы в российских научных журналах в 2021–2024 гг. Следует отметить, что изучение этих проблем носит междисциплинарный характер, что нашло отражение в анализируемых нами статьях.

В общем массиве рассматриваемых публикаций по территориальному принципу были выделены три основные группы статей, посвященных изучению: различных аспектов сравнительного анализа социально-экологической ситуации в регионах России; социально-экологических проблем Арктической зоны Российской Федерации; состоянию экологической ситуации в других регионах России.

Необходимо сразу подчеркнуть, что структура статьи не отражает статистически обоснованную распространенность тематики публикаций, посвященных социально-экологическим проблемам регионов России.

Сравнительный анализ социально-экологической ситуации в регионах России

Значительный научный и практический интерес представляет статья М.В. Шмаковой и Ю.А. Кузнецовой, которая основана на анализе статистических данных различных органов государствен-

---

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 20.03.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879/print> (дата обращения: 03.05.2025).

ного управления. Для оценки характеристик экологического пространства использовался авторский методический подход, в ходе которого проведен количественно-качественный анализ 1402 контрактов, заключенных в 2020–2022 гг. в регионах России в рамках реализации национального проекта «Экология» [Шмакова, Кузнецова, 2023, с. 665].

В соответствии с полученными данными, осуществленный в процессе исследования «расчет показателя “количество выбросов (сбросов) на 1 человека”» свидетельствует, что наибольшее негативное воздействие от выбросов вредных веществ в атмосферный воздух испытывают Ямало-Ненецкий автономный округ (1,719 т/чел.), Красноярский край (0,849), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (0,723); наименьшее – г. Москва (0,0051), Республика Ингушетия (0,0038), Республика Дагестан (0,0035 т/чел.). При этом обращает на себя внимание исключительно высокая дифференциация данного показателя по регионам России, которая составляет 492,8 раза. Наибольшая величина сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты выявлена в Архангельской области (0,273 тыс. м³/чел.), Республике Коми (0,219), Республике Карелия (0,200), наименьшая – в Республике Алтай (0,0014), Республике Ингушетия (0,0017), Алтайском крае (0,0062 тыс. м³/чел.). Дифференциация показателей составила 202,3 раза [Шмакова, Кузнецова, 2023, с. 673]. На основе анализа показателей выбросов (сбросов) в расчете на человека в качестве характеристики неравномерности экологического пространства определена значительная дифференциация региональных параметров, делают вывод авторы работы [там же, с. 679].

А.А. Саламатов и соавторы, опираясь на экосистемный подход, разработали интегральный экологический показатель оценки качества жизни населения, в который были включены следующие частные показатели: «удельный вес улавливания загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников в общем количестве выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников, энергоемкость ВРП и удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации, в общем числе организаций» [Саламатов, Даванков, Ужегов, 2022, с. 140]. В соответствии с разработанной методикой были проанализированы все территории Российской Федерации по уровню экологического субиндекса качества жизни населения регионов. Из общего числа отобраны десять регионов-лидеров и десять – аутсайдеров. Авторы указали пятерку регионов-лидеров:

Пензенская область – 0,76; Удмуртская Республика – 0,60; Республика Бурятия – 0,59; Татарстан – 0,59; Чувашия – 0,54. К числу аутсайдеров относятся: Чеченская Республика – 0,14; области: Кемеровская – 0,16; Вологодская – 0,16; Республика Хакасия – 0,19; Тыва – 0,19 [Саламатов, Даванков, Ужегов, 2022, с. 145].

Ограниченный объем нашей работы не позволяет подробно проанализировать результаты этих исследований и обосновать свою точку зрения. Однако, учитывая данные множества подобных публикаций, их результаты представляются не вполне корректными; очевидно, у авторов могла возникнуть проблема в выборе показателей для построения интегрального индекса.

В публикации А.В. Семенова и соавторов представлена типология регионов Российской Федерации по степени интенсивности и устойчивости экологических протестов их жителей. Учеными установлено, что интенсивность протестов за 15 лет (2007–2021) увеличилась, при этом экологическая протестная активность распределена неравномерно. Была разработана типология российских регионов по двум ключевым индикаторам – устойчивости и интенсивности экологической мобилизации [Семенов, Снарский, Ткачева, 2024, с. 70]. В ней «оказалось 35 регионов с высоким уровнем экоактивности, в 19 из них экологическая активность неустойчива, менее трети российских регионов оказалось в центре экологического движения. 37 регионов вошло в группу слабо активных: в 22 регионах – устойчиво низкий уровень активности, в 15 – только спорадический. Наконец, в 11 регионах экологической активности не обнаружено» [там же, с. 71].

Целью статьи В.И. Алешниковой и Т.А. Бурцева является разработка оперативного интегрального измерителя экологического развития для диагностики и мониторинга проблем устойчивого развития регионов России. В ней представлены весьма глубокие, многоаспектные исследования, связанные с созданием алгоритма «построения интегрального измерителя экологического развития регионов. Проанализированы 69 показателей и отобрано 17 ключевых показателей, относящихся к экологическим, экономическим, сельскохозяйственным, промышленным и медицинским аспектам и оказывающих существенное влияние на окружающую среду и здоровье населения. На основе развернутой модели регрессии составлен рейтинг экологического развития 85 субъектов РФ» [Алешникова, Бурцева, 2023, с. 41]. Лидеры: 1. Республика Северная Осетия – Алания. 2. Чеченская Республика. 3. Республика Калмыкия. 4. г. Севастополь. 5. Республика Крым. 6. Кабарди-

но-Балкарская Республика. 7. Республика Ингушетия. 8. Калининградская область. 9. Республика Алтай. 10. Республика Тыва. Аутсайдеры: 81. Кемеровская область. 82. Ямало-Ненецкий автономный округ. 83. Свердловская область. 84. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. 85. Красноярский край [Алешникова, Бурцева, 2023, с. 46–47]. Как видим, аутсайдерами стали промышленно развитые регионы со сложной экологической ситуацией, что, на наш взгляд, было вполне ожидаемо.

Опираясь на статистические данные международных и российских экологических и криминологических индексов, В.А. Кузьменков показывает, что в странах с хорошей экологией ниже уровень убийств, но больше краж. Однако в регионах Российской Федерации исследователю не удалось выявить существование значимой статистической связи экологических индексов с показателями убийств, преступности несовершеннолетних, бедности, коррупции, дорожно-транспортных происшествий, заболеваемости новообразованиями и ВИЧ-инфекцией. Согласно заключению автора, «преступность в большей мере объясняется качеством государственного управления» [Кузьменков, 2024, с. 153–154].

Анализу основных факторов неравномерного развития российских регионов посвящена работа В.И. Пантина. Примечательно, что автор относит к их числу те проблемы социального неравенства, которые осознаются местными жителями как сугубо несправедливые, в том числе экологические проблемы [Пантин, 2023, с. 228].

Результаты исследования, представленного в статье С.А. Тулаевой и А.В. Немировской, показывают, что мобилизация населения опиралась на такие компоненты региональной идентичности, как противопоставление регионов центру, периферийность, этничность, историческое прошлое. Экологическая повестка оказалась значимой в связке с представлениями о социальной несправедливости. Природные объекты имели прежде всего социальную значимость для местных жителей. Экологические проблемы зачастую представлялись как угрозы национальной культуре, традиционному образу жизни, религиозным и культурно-историческим объектам. В то же время глобальные экологические ценности артикулировались в основном профессиональными экологами [Тулаева, Немировская, 2024].

Одним из значимых показателей состояния окружающей среды выступают экологические протесты, число которых за последние годы в различных российских регионах заметно увеличи-

лось. Как считают авторы рассматриваемой нами работы, «уровень протестной активности населения не находится в прямой зависимости от степени экологических угроз, а обусловлен различными политическими и социальными факторами». В качестве одного из факторов, способствующих мобилизации населения, исследователи называют региональную идентичность. В статье делается вывод о том, что «низовая экологическая мобилизация в России связана с представлениями о неравномерном распределении ресурсов и с ценностями выживания» [Тулаева, Немировская, 2024, с. 216].

Целью исследования, проведенного Е.В. Рюминой, выступает анализ таких показателей человеческого потенциала, как отношение населения к окружающей природной среде и природным ресурсам. Определены факторы, влияющие на эти характеристики экологического поведения, основным из которых являются среднедушевые денежные доходы. На наш взгляд, важно подчеркнуть следующий вывод автора: «Отмечено, что семьи склонны экономить свои расходы на водо- и энергопотребление, на обращение с отходами, но не сохранять осознанно сами эти природные блага» [Рюмина, 2024, с. 190]. Ею предложен индекс экологического поведения населения, который построен из частных индексов по водо-, энергопотреблению, образованию отходов в быту, а также проведен сравнительный анализ значений индекса по всем российским регионам. В работе убедительно доказано, «что пирамида потребностей в современном мире преобразилась, и удовлетворение первичных материальных потребностей ведет не к формированию духовных запросов, а к избыточному потреблению материальных благ» [Рюмина, 2024, с. 190].

Авторы еще одной публикации обоснованно заявляют о необходимости использования показателей, учитывающих проблему накопления загрязняющих веществ, что позволяет более четко судить о процессах модернизации / демодернизации регионов, оценивать качество жизни в конкретном регионе с учетом экологического состояния и проводить межрегиональные сравнения. Все представленные в статье показатели – измерители удельного антропогенного воздействия – могут использоваться и / или используются для оценки различных аспектов социально-экологического неравенства регионов [Глазырина, Забелина, 2021, с. 1060].

Социально-экологические проблемы регионов Арктической зоны Российской Федерации

В значительной части научных публикаций, посвященных анализу социально-экологических проблем российских регионов, рассматривается ситуация различных областей Российской Арктики. Территория данной зоны включает 4,8 млн км² (28% территории России), где проживают 2,6 млн человек¹. Ее активное хозяйственное освоение, повышение стратегического значения в контексте изменения современной геополитической ситуации, заметные климатические трансформации в мире, интенсификация миграционных процессов привлекают внимание ученых к исследованию этих проблем.

Так, А.Д. Волков с коллегами на основании эмпирических исследований (массового анкетного опроса населения на территории Арктической Карелии и глубинных интервью с экспертами, в качестве которых выступали сотрудники администраций муниципальных округов) определили градацию источников экологической опасности в массовом сознании респондентов: прежде всего это незаконные свалки отходов населения и предприятий, работа транспорта и связанные с этим негативные явления (разливы ГСМ, загрязнение воздуха), незаконная добыча природных ресурсов предпринимателями, деятельность горнодобывающих, металлургических и обрабатывающих предприятий, незаконные рубки леса гражданами. Умеренно опасна деятельность атомных и тепловых электростанций. В наименьшей степени, по мнению жителей региона, опасны для окружающей среды деятельность гидроэлектростанций, военная деятельность, деятельность нефтегазовых и рыбодобывающих предприятий [Экологические проблемы ... , 2021, с. 228]. Характерно, что в целом оценки населением и экспертами экологических угроз для региона совпадают, но большинство работников администраций делают акцент на промышленных источниках загрязнения окружающей среды [там же, с. 229].

Ряд работ, основанных на социологических исследованиях, посвящен экологическим проблемам моногородов Арктической зоны Российской Федерации. Так, результаты одного из них продемонстрировали, что в арктических регионах весьма остро скла-

---

¹ См. подробнее: Арктические регионы России / Председательство Российской Федерации в Арктическом Совете 2021–2023. – URL: <https://arctic-council-russia.ru/useful/> (дата обращения: 20.02.2025).

дывается ситуация с сортировкой и переработкой мусора. Почти все регионы Арктической зоны России находятся в аутсайдерах среди других субъектов Федерации. «Согласно рейтингу городов – загрязнителей атмосферного воздуха в России в 2022 г., подготовленному Росприроднадзором, моногород Норильск признан самым “грязным” городом страны. По информации Росприроднадзора, объем выбросов загрязняющих веществ в Норильске в течение 2022 г. достиг 1,8 млн т, 8-е место занимает Воркута (168 тыс. т выбросов). Разница между Норильском и Воркутой в рейтинге (1-е и 8-е места) составляет 11 раз!» [Питухина, Белых, 2023, с. 590].

Ученые продемонстрировали нетривиальный и при этом практически ориентированный подход, проанализировав роль градообразующих предприятий в борьбе с экологическими проблемами. Согласно полученным результатам, бережное отношение к вопросам охраны окружающей среды демонстрируют предприятия в 12 моногородах из 18 (Норильск, Мончегорск, Дудинка, Никель, Надвоицы, Кировск, Онега, Сегеж, Певек, Костомукша, Ревда, Беринговский). Бизнес в шести моногородах (Ковдор, Северодвинск, Воркута, Депутатск, Тикси, Инта) авторы статьи описывают как экологически безответственный [Питухина, Белых, 2023, с. 595].

Цель публикации В.В. Козловского и соавторов заключается в изучении «ценностных оснований» экологического сознания и доминирующих типов экологического поведения населения малых городов европейской части Арктической зоны Российской Федерации в области обращения с твердыми коммунальными отходами. Социологами использовался массовый опрос населения с последующим применением статистических методов анализа. Согласно выводам, сформулированным в данной статье, решающей проблемой для населения удаленных территорий Арктической зоны Российской Федерации в этой области «является слабая организация процесса обращения с отходами: отсутствие инвестиционной привлекательности для бизнеса, низкий уровень развития инфраструктуры, незначительное финансирование. Этими обстоятельствами преимущественно определяется невысокая мотивация и мобилизация населения на освоение различных экологических практик» [Козловский, Недосека, Тишков, 2022, с. 130].

На основе материалов социологического исследования, проведенного в рамках качественной методологии, Т.С. Лыткина и С.С. Ярошенко проанализировали практики природопользования и отношения к ним граждан России в целом и местного сообщества в частности [Лыткина, Ярошенко, 2023]. Авторы пришли к выво-

ду, «что современные практики природопользования представляют собой потребительские и квазитрадиционные стратегии развития Севера. Они не способствуют формированию устойчивых стратегий развития территорий, несмотря на растущее критическое отношение жителей региона к сложившейся ситуации и осознание того, что они лишены права владеть землей и природными ресурсами и распоряжаться ими» [там же с. 93].

Правило доступа к льготам, унаследованное с позднесоветских времен, не отвечает современным вызовам. Тем самым, в одних регионах осуществляется добыча ресурсов, тогда как прибыль направляется в другие, как правило, более развитые регионы. На северных территориях, где ведется добыча природных ресурсов, возникают различные формы зависимости, что приводит к обнищанию населения. В публикации выделены пять механизмов, которыми поддерживают несправедливость сложившейся ситуации: «мифологизацией благополучия Севера, эксплуататорским способом разработки природных ресурсов, перекалыванием затрат на их добычу на жителей региона, пренебрежением интересами местных сообществ, поощрением миграционных настроений и идентичности временных работников» [Лыткина, Ярошенко, 2023, с. 93].

Целью статьи А.Д. Волкова с коллегами выступает «идентификация актуальных экологических угроз, проблем и особенностей эколого-экономического развития Ненецкого автономного округа». Для этого были использованы данные социологического опроса населения АО (май 2022 г.; n=539) и результаты статистического анализа. Авторы пришли к выводам, согласно которым «сохраняется низкая степень переработки отходов, высокие риски техногенных аварий на предприятиях нефте- и газодобычи и транспортной инфраструктуре. К основным воспринимаемым населением экологическим угрозам относятся предприятия нефте- и газодобычи, бытовой мусор, незаконные свалки предприятий. В ряде территорий актуальны угрозы от оборонной деятельности, добычи и переработки рыбы, незаконного лова. В наименьшей степени население удовлетворено качеством водных ресурсов, чистотой среды, состоянием лесов и парков» [Волков, Каргинова-Губинова, Тишков, 2023, с. 172].

Анализу стратегического проектного управления при реализации социально-экологических программ в Арктической зоне РФ посвящена публикация А.А. Зарецкого и А.А. Козырева. В ней проанализированы и представлены государственные программы

поддержки и помощи людям, живущим и работающим в регионах Арктической зоны РФ, направленные на экономическую поддержку, развитие кадрового резерва и сохранение здоровья, экологические проекты. При этом отмечается приоритетное значение социально-экологических проектов сохранения первичной экосистемы [Зарецкий, Козырев, 2023, с. 131].

Одним из значимых выводов, к которому пришли ученые, нам представляется необходимость сохранения человеческого капитала на территориях Арктической зоны, который является ее важнейшим ресурсом. Между тем «экологические проблемы и недостаточно развитая социально-экономическая инфраструктура приводят к миграции населения Арктической зоны» [Зарецкий, Козырев, 2023, с. 140].

В другой работе А.Д. Волкова и соавторов рассматриваются проблемы и особенности эколого-экономического развития территорий Архангельской области и Республики Коми, входящих в состав Арктической зоны РФ. Исследователями осуществлено сопоставление данных специализированного социологического исследования, ведомственной и корпоративной информации. Одним из достоинств данной публикации является, к сожалению, нечасто встречающийся в современной отечественной социологии, статистический анализ полученных данных. Немалый научный и практический интерес представляют результаты исследования, показывающие, как респонденты, проживающие в Архангельской области и Республике Коми, оценивают состояние окружающей среды в месте непосредственного проживания, а также в масштабах региона, Арктики, России и мира [Экологическое благополучие ... , 2023, с. 264].

Наиболее значимая угроза в месте непосредственного проживания, «по мнению жителей арктических территорий Архангельской области (оценка осуществлялась по пятибалльной шкале), исходит от транспорта и связанных вопросов – загрязнения воздуха, разлития масла и пр. (96,1%), от незаконных свалок населения (96,6%) и предприятий (96%), от военной деятельности (92,9%), а также от незаконных рубок леса гражданами (92,5%) и незаконного лова рыбы и вырубке леса предприятиями (91,4%). Жители арктических территорий Республики Коми полагают, что наиболее значимой является угроза от незаконных свалок населения (92,5%) и предприятий (92,3%), от транспорта и связанных вопросов (87,7%), от деятельности горнодобывающих (73,2%) и

нефтегазовых (72,7%) предприятий» [Экологическое благополучие ... , 2023, с. 287].

Арктические регионы России включают значительные территории Северной Сибири. Поэтому в рамках обзора исследований, посвященных социально-экологической ситуации на территории Арктики, логично обратиться к их рассмотрению.

В работе О.П. Бурматовой проанализированы регионы Сибири, в которых техногенная нагрузка максимально приближается или даже выходит за пределы экологической емкости соответствующих территорий. Среди таких территорий выделены прежде всего нефтегазопромысловые районы Западной Сибири, Кузбасс (Кемеровская область), Норильский промышленный район, территория Среднего Енисея – Приангарья и озеро Байкал [Бурматова, 2023, с. 28].

На основании проведенных исследований автор делает довольно пессимистическое заключение, согласно которому экологическую обстановку «в Сибири можно оценить как ситуацию, при которой в целом ряде регионов (главным образом с высокой концентрацией промышленности и населения) наблюдается значительное превышение нормативных уровней загрязнения окружающей природной среды, сопровождаемое резким ухудшением здоровья людей и состояния природных комплексов» [Бурматова, 2023, с. 37].

Разноплановые факторы, породившие большинство экологических проблем, существующих в настоящее время в регионах России, возникли не сегодня и даже не вчера. В связи с этим немалый научный интерес представляет изучение последствий интенсивного, нерационального природопользования Северо-Западной Сибири для водных, земельных ресурсов и атмосферы, осуществленный Э.С. Красовитовой. Базой для этого оригинального исследования послужили ранее неопубликованные архивные материалы природоохранной прокуратуры Ханты-Мансийского автономного округа [Красовитова, 2024].

Согласно полученным выводам, главным загрязнителем в анализируемом регионе являются нефть и нефтепродукты. Среди экологических проблем наибольшее внимание привлекает загрязнение почвы и водных ресурсов, а также нарушение экологического баланса. По мнению автора, «на этом фоне возникают социальные проблемы: проблемы со здоровьем населения, снижение качества жизни, снижение возможностей для рекреации, природного туризма и отдыха; возникновение дополнительных факторов

социального неравенства и социальной напряженности» [Красови-това, 2024, с. 119].

Экологическая ситуация в других регионах России

На примере русла реки Оки (в границах Московской области) было проведено социологическое исследование (метод полуструктуризованного интервью в формате кейс-стади), которое сочеталось с предварительным количественным анализом ситуации. Его целью было изучение экологической обеспокоенности и экологической осведомленности населения региона о проблемах, связанных с добычей нерудных полезных ископаемых в русле реки. Последнюю, согласно результатам анализа, можно охарактеризовать как недостаточную [Социально-экологические ... , 2023].

Причем, как пишут авторы, «у наиболее активной части населения есть представление о том, что добыча песчано-гравийного материала сказывается на экологическом состоянии реки. Понимание значения водных ресурсов для успешного существования территории достаточно низкое. Экологическая озабоченность населения региона умеренно-настороженная: наблюдается субъективная обеспокоенность ухудшением экологического состояния реки, но есть понимание необходимости добычи для экономики региона», делает выводы автор работы [Социально-экологические ... , 2023, с. 57].

В результате исследований, проведенных в 2021 г. на территории четырех субъектов Северо-Западного федерального округа – Вологодской, Мурманской, Калининградской областей и Республики Карелии (n=2700), – выявлена незначительная территориальная неравномерность в оценках населения регионов относительно экологической ситуации. Наряду с этим были определены особенности реального участия граждан в деятельности по улучшению окружающей среды. Так, негативные оценки состояния экологии в большей степени характерны для жителей Республики Карелии и Вологодской области. При этом население Карелии демонстрирует более высокий уровень экологического гражданского участия, чем представители остальных рассматриваемых регионов. Мурманская область входит в регионы-аутсайдеры по экоактивизму [Косыгина, Уханова, Жданова, 2022, с. 1].

Мы полагаем, что немалый научный интерес представляют выводы, к которым пришли авторы этой публикации. В частности, ими установлена причинно-следственная связь: «чем критичнее

оценена экологическая обстановка, тем выше гражданская ответственность». Немаловажно, что «при высоком уровне декларируемой значимости экологических проблем обеспокоенность состоянием экологии среди населения обследуемых территорий носит преимущественно эмоциональный характер, мало затрагивая уровень реального поведения отдельного человека» [Косыгина, Уханова, Жданова, 2022, с. 11].

Социологические исследования, осуществленные «методами экспертных интервью, интервью представителей муниципальной власти и муниципальной общественности» в муниципалитетах Пермского края (Нытвенском городском округе и Краснокамском городском округе), показали, что экологические проблемы являются достаточно важными для исследуемых территорий. Среди проблем, по мнению информантов, могут быть выделены: несанкционированные свалки в жилых зонах и недостаточная оснащённость контейнерными площадками для ТКО, загрязнение окружающей среды (рек и водоемов, лесной природной зоны), выбросы крупных промышленных предприятий и необходимость очистных сооружений, озеленение муниципальных территорий и увеличение количества зеленых насаждений, благоустройство муниципальных территорий (в том числе создание и благоустройство парков, скверов, ремонт дорожной сети и пр.) [Грабевник, Прокофьева, 2024, с. 109].

Горные территории являются эпицентрами климатического кризиса, аккумулирующими не только природные риски, связанные с деградацией ледников и вечной мерзлоты, но и этнокультурные риски, основными потребителями которых являются коренные народы и их самобытные культуры, считают С.Г. Максимова и соавторы. В их работе представлены результаты социологических экспедиций, проведенных в 2022–2023 гг. в трех регионах Алтайской горной страны (Алтайском крае, Республике Алтай, Республике Тыва). На основе данных структурированных интервью с жителями (n=1345) установлено, что «вопросы климата занимают в общественном сознании жителей горных районов значимое место, однако если в национальных республиках они входят в разряд витальных, то в Алтайском крае – вторичны и конкурируют с экономическими и социальными проблемами. Восприятие временных характеристик гетерогенно: в Алтайском крае начальная точка изменений расположена более глубоко на временном континууме, тогда как жители республик склонны воспринимать изменения в

ближайшей ретроспективе» [Максимова, Омельченко, Щеглова, 2024, с. 14].

В публикации А.Н. Нурутдиновой и А.А. Хохлова изложены результаты исследования методом массового опроса (n=1413) жителей Республики Татарстан в ноябре – декабре 2022 г., цель которого – выявить оценку экологической ситуации в республике, актуальность экологических проблем и экологических практик. Согласно полученным результатам, у респондентов присутствует высокий уровень озабоченности экологической проблематикой, понимание личной ответственности за экологическую обстановку, готовность участвовать в экологических мероприятиях и выдвигать инициативы в природоохранной и экологической деятельности, поддерживать деятельность экологических движений, преувеличение позитивных оценок в изменении ряда параметров экологической обстановки своего населенного пункта за последние годы [Нурутдинова, Хохлов, 2023, с. 36].

Совместное решение актуальных для трех южных регионов – Ростовской области, ДНР и ЛНР – экологических проблем (в частности, реализация природоохранных мероприятий в бассейне реки Северный Донец) имеет важное значение в процессе интеграционного взаимодействия этих территорий, полагает С.А. Скибин [Скибин, 2023, с. 51].

Авторы работ, посвященных социально-экологическим проблемам регионов, нередко обращаются к изучению связанных с ними миграционных потоков населения. Подход, в соответствии с которым социально-демографические характеристики миграционных потоков могут быть представлены посредством экономических, социальных и экологических показателей, был применен О.А. Черновой с целью их анализа в регионах Южного федерального округа РФ. Согласно выводу автора, для большинства регионов наблюдается выраженная положительная корреляция между миграционными показателями и экономическими, а также экологическими индикаторами устойчивого развития [Чернова, 2023].

Интенсивная миграция жителей Сибири и Дальнего Востока в центральные, западные и южные регионы России выступает одной из важных проблем государственной политики развития восточных территорий страны. В совместной с коллегами статье А.И. Пыжева эти процессы рассматриваются сквозь призму острых экологических проблем, которые существуют в крупных промышленных центрах восточных макрорегионов России. Объектом изучения является город Красноярск, который в результате реали-

зации крупных советских мегапроектов XX в. превратился в один из важнейших экономических центров Сибири. Однако, как логично полагают авторы, обратной стороной этого успеха стали экологические проблемы, в первую очередь загрязнение атмосферного воздуха, которое в последние годы выступает одним из центральных элементов региональной общественной повестки [Пыжев, Шарафутдинов, Зандер, 2021].

Заключение

Важное место в массиве научных публикаций, посвященных изучению социально-экологических проблем российских регионов, занимает сравнительный анализ ситуации, сложившейся на различных территориях, а также порождающих их факторов. Во многих случаях для этого разрабатываются специальные комплексные показатели и индексы. В результате построены различные рейтинги регионов страны как по объективному уровню выраженности тех или иных экологических проблем, так и по степени их субъективных оценок населением регионов, экоактивности жителей и т.п. Именно на неравномерность социально-экологического развития территории страны обращают внимание авторы большинства работ.

В научных статьях представлена типология регионов Российской Федерации по степени интенсивности и устойчивости экологических протестов их жителей. Одним из важных выводов, сформулированных отечественными социологами, является тезис, согласно которому низовая экологическая мобилизация россиян определяется их представлениями о несправедливом распределении ресурсов между регионами и часто мотивируется базовыми ценностями выживания. Объективно это связано с перераспределением прибыли, получаемой от природных ресурсов: в одних регионах производится их добыча, в то время как прибыль направляется в другие, как правило, более развитые территории.

Высокая актуальность развития арктических регионов страны стала одним из факторов публикации большого числа значимых научных работ, основанных на социологических исследованиях, которые посвящены экологическим проблемам регионов Арктической зоны Российской Федерации, а также расположенным там моногородам. Многие из этих поселений страдают от серьезных социально-экологических проблем, занимая «призовые» места в рейтингах городов страны по уровню загрязнения воздуха,

воды, почвы, в целом комплексного негативного воздействия на окружающую среду. То же самое можно сказать и о некоторых арктических регионах страны. Важно отметить интерес исследователей к изучению роли градообразующих предприятий в борьбе с экологическими проблемами, который имеет, на наш взгляд, большое научное и практическое значение.

Похожая социально-экологическая ситуация складывается и в других регионах России, прежде всего речь идет о Сибири и Дальнем Востоке. Несмотря на повышенное внимание государства к развитию северных и восточных территорий страны, данные регионы часто оказываются наиболее пострадавшими от социально-экологических проблем. Основными источниками загрязнения окружающей среды здесь выступают промышленные предприятия, также осложняет ситуацию проблема неравномерного распределения прибыли от добываемых ресурсов. Все это порождает массовую миграцию населения в центральные, западные и южные регионы России. Соответственно, исследователи нередко обращаются к изучению миграционных потоков населения и порождающих их социально-экологических факторов.

Анализ представленных в статье публикаций позволяет сформулировать некоторые перспективные направления дальнейших исследований социально-экологических проблем российских регионов. В частности, на наш взгляд, в последние годы серьезные научные журналы не столь часто публикуют статьи, в которых изложены результаты социологического анализа социально-экологических проблем центральных и южных регионов России. Также хотелось бы чаще видеть использование авторами современных методов математической статистики.

Список литературы

Алешникова В.И., Бурцева Т.А. Интегральный измеритель экологического развития регионов // Регион: системы, экономика, управление. – 2023. – № 2 (61). – С. 41–49. – DOI: 10.22394/1997-4469-2023-61-2-41-49

Бурматова О.П. Регионы Сибири с напряженной экологической ситуацией: причины и решения // Развитие территорий. – 2023. – № 4 (34). – С. 28–39. – DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-28-39

Волков А.Д., Каргинова-Губинова В.В., Тишков С.В. Экологические проблемы и особенности эколого-экономического развития Ненецкого автономного округа // Арктика и Север. – 2023. – № 51. – С. 172–194. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.172

Глазырина И.П., Забелина И.А. Социально-экологическое неравенство в Российской Федерации и проблемы его измерения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 1047–1062. – DOI: 10.17516/1997-1370-0784

Грабевник М.В., Прокофьева А.В. Дефициты реализации политики устойчивого развития в муниципалитетах Пермского края: кейсы Краснокамского и Нытвенского городских округов // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 105–118. – DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-1-105-118

Зарецкий А.А., Козырев А.А. Стратегическое проектное управление социально-экологическим развитием Арктической зоны РФ // Управленческое консультирование. – 2023. – № 12. – С. 131–144. – DOI: 10.22394/1726-1139-2023-12-131-144

Козловский В.В., Недосека Е.В., Тишков С.В. Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации // Регионология. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 129–154. – DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154

Косыгина К.Е., Уханова Ю.В., Жданова А.Э. Экологическая обстановка в России: анализ общественного мнения в регионах // Социальное пространство. – 2022. – Т. 8, № 3. – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29384> (дата обращения: 19.03.2025). – DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.8

Красовитова Э.С. Социально-экологические последствия нерационального природопользования на Севере Западной Сибири в 1990-е годы // Россия: общество, политика, история. – 2024. – № 1 (10). – С. 119–134. – DOI: 10.56654/ROPI-2024-1(10)-119-134

Кузьменков В.А. Влияние экологической ситуации на преступность в мире и в регионах Российской Федерации // Ex iure. – 2024. – № 3. – С. 33–165. – DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-153-165

Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 5. – С. 93–127. – DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-93-127

Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Щеглова Д.К. Климатические изменения в общественном сознании жителей Алтайской горной страны (сопоставление социологических данных в трех регионах) // Society and security insights. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 13–36. – DOI: 10.14258/ssi(2024)2-01

Нурутдинова А.Н., Хохлов А.А. Экологическое сознание и практики жителей Республики Татарстан (по результатам массового опроса) // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 2 (59). – С. 36–42. – DOI: 10.26907/2079-5912.2023.2.36-42

Пантин В.И. Основные факторы неравномерного развития российских регионов // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 219–233. – DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12

Питухина М.А., Бельх А.Д. Экологические проблемы моногородов российской Арктики в оценках населения // Арктика: экология и экономика. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 590–600. – DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-590-600

Пыжжев А.И., Шарафутдинов Р.А., Зандер Е.В. Экологические последствия развития крупных промышленных городов в ресурсных регионах (на при-

мере Красноярска) // ЭКО. – 2021. – № 7 (565). – С. 40–55. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-7-40-55

Рюмина Е.В. Минусы экологического поведения семей: избыточное потребление // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № S1. – С. 190–201. – DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201

Саламатов А.А., Даванков А.Ю., Ужегов А.О. Экологические предикторы качества жизни населения региона // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 140–153. – DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(3)

Семенов А.В., Снарский Я.А., Ткачева Т.Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2021) // Социологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 62–74. – DOI: 10.31857/S0132162524010069

Скибин С.А. Особенности формирования механизма интегративного взаимодействия Ростовской области и новых регионов Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета, серия Экономика. – 2023. – № 2 (320). – С. 50–55. – DOI: 10.53598/2410-3683-2023-2-320-50-55

Социально-экологические аспекты в геоэкологической оценке добычи нерудных строительных материалов в русле р. Оки / Бондарев В.П., Загоревская А.О., Мякишева М.Б., Турыкин Л.А. // Известия Русского географического общества. – 2023. – Т. 155, № 2. – С. 57–72. – DOI: 10.31857/S0869607123020027

Тулаева С.А., Немировская А.В. «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 216–246. – DOI: 10.31119/jssa.2024.27.1.10

Чернова О.А. Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов // Регионоведение. – 2023. – Т. 31, № 4. – С. 634–649. – DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649

Шмакова М.В., Кузнецова Ю.А. Характеристики экологического пространства России: региональные различия // Регионоведение. – 2023. – Т. 31, № 4. – С. 665–683. – DOI: 10.15507/24131407.125.031.202304.665-683

Экологические проблемы Арктического региона: состояние и динамика в восприятии населения (результаты социологического опроса на территории Карельской Арктики) / Волков А.Д., Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Щербак А.П. // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 203–239. – DOI: 10.15372/REG20210309

Экологическое благополучие арктических территорий: соотношение официальных данных и оценок населения (на примере Республики Коми и Архангельской области) / Волков А.Д., Тишков С.В., Каргинова-Губинова В.В., Колесников Н.Г. // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 264–301. – DOI: 10.15372/REG20230211

References

Aleshnikova V.I., Burtseva T.A. Integral measurer of environmental development of regions. *Region: sistemyi, ekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics,

management]. – 2023. – N 2 (61). – P. 41–49. – DOI: 10.22394/1997-4469-2023-61-2-41-49 (In Russian)

Burmatova O.P. Regions of Siberia with a tense environmental situation: causes and solutions. *Razvitie territorij* [Territory development]. – 2023. – N 4 (34). – P. 28–39. – DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-28-39 (In Russian)

Chernova O.A. Socio-demographic aspects of migration and their impact on the sustainability of the development of Southern Russian Regions. *Regionologiya* [Russian journal of regional studies]. – 2023. – Vol. 31, N 4. – P. 634–649. – DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649 (In Russian)

Environmental problems of the Arctic region: its state and dynamics as perceived by the population (results of a sociological survey in Arctic Karelia) / Volkov A.D., Tishkov S.V., Karginova-Gubina V.V., Shcherbak A.P. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: economics and sociology]. – 2021. – N 3 (111). – P. 203–239. – DOI: 10.15372/REG20210309 (In Russian)

Environmental well-being of the Arctic territories: official data vs the public's views (the Komi Republic and Arkhangelsk Oblast case study) / Volkov A.D., Tishkov S.V., Karginova-Gubina V.V., Kolesnikov N.G. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: economics and sociology]. – 2023. – N 2 (118). – P. 264–301. – DOI: 10.15372/REG20230211 (In Russian)

Glazyrina I.P., Zabelina I.A. Socio-ecological inequality in the Russian Federation and problems of its measurement. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Journal of Siberian federal university. Humanities & social sciences]. – 2021. – Vol. 14, N 7. – P. 1047–1062. – DOI: 10.17516/1997-1370-0784 (In Russian)

Grabevnik M.V., Prokofyeva A.V. Deficits in the implementation of sustainable development policy in the Perm Krai municipalities: cases of Krasnokamsk and Nytva urban districts. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhduнародные отношения* [Bulletin of Udmurt university. Sociology. Political science. International relations]. – 2024. – Vol. 8, N 1. – P. 105–118. – DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-1-105-118 (In Russian)

Kozygina K.E., Ukhanova Yu.V., Zhdanova A.E. Environmental situation in Russia: analysis of public opinion in regions. *Sotsialnoe prostranstvo* [Social area]. – 2022. – Vol. 8, N 3. – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29384> (accessed: 18.03.2025). – DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.8 (In Russian)

Kozlovskiy V.V., Nedoseka E.V., Tishkov S.V. Environmental practices of waste management in the small towns of the European part in the Arctic zone of the Russian Federation. *Regionology* [Russian journal of regional studies]. – 2022. – Vol. 30, N 1. – P. 129–154. – DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154 (In Russian)

Krasovitova E.S. Socio-ecological consequences of irrational nature use in the North of Western Siberia in the 1990 s. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya* [Russia: society, politics, history]. – 2024. – N 1 (10). – P. 119–134. – DOI: 10.56654/ROPI-2024-1(10)-119-134 (In Russian)

Kuzmenkov V.A. Influence of ecological situation on crime in the countries of the world and in subjects of the Russian Federation. *Ex jure*. – 2024. – N 3. – P. 153–165. – DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-153-165 (In Russian)

Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. Expulsions of the Russian north: exclusion without rights to resources. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of economic sociology]. – 2023. – Vol. 24, N 5. – P. 93–127. – DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-93-127 (In Russian)

Maximova S.G., Omelchenko D.A. Shcheglova D.K. Climate change in the public consciousness of the Altai mountainous country residents (comparison of sociological data in three regions). *Obshchestvo i bezopasnost* [Society and security insights]. – 2024. – Vol. 7, N 2. – P. 13–36. – DOI: 10.14258/ssi(2024)2-01 (In Russian)

Nurutdinova A.N., Khokhlov A.A. Ecological consciousness and practices of the inhabitants of the Republic of Tatarstan (based on the materials of a mass survey). *Kazanskij socialno-gumanitarniy vestnik* [The Kazan socially humanitarian bulletin]. – 2023. – N 2 (59). – P. 36–42. – DOI: 10.26907/20795-912.2023.2.36-42 (In Russian)

Pantin V.I. Main factors of uneven development among Russian regions. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2023. – Vol. 14, N 4. – P. 219–233. – DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12 (In Russian)

Pitukhina, M.A. Belykh A.D. Environmental problems of the Russian arctic single-industry towns in the population estimates. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. [Arctic: ecology and economy]. – 2023. – Vol. 13, N 4. – P. 590–600. – DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-590-600 (In Russian)

Pyzhev A.I., Sharafutdinov R.A., Zander E.V. Environmental consequences of economic development of large industrial cities in resource regions (a case study of Krasnoyarsk, Russia). *ECO*. – 2021. – N 7 (565). – P. 40–55. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-7-40-55 (In Russian)

Ryumina E.V. Shortcomings of the environmental behavior of families: excessive consumption. *Narodonaselenie* [Population]. – 2024. – Vol. 27, N S1. – P. 190–201. – DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201 (In Russian)

Salamatov A.A., Davankov A.Yu., Uzhegov A.O. Environmental predictors of the life quality of the region's population. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Herald of Omsk university. Series "Economics"]. – 2022. – Vol. 20, N 3. – P. 140–153. – DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(3) (In Russian)

Semenov A.V., Snarski Ya.A., Tkacheva T.Yu. Temporal and cross-regional variance in environmental protest activity of Russians (2007–2021). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2024. – N 2. – P. 62–74. – DOI: 10.31857/S0132162524010069 (In Russian)

Shmakova M.V., Kuznetsova Yu.A. Characteristics of the ecological space of Russia: regional differences. *Regionologiya* [Russian journal of regional studies]. – 2023. – Vol. 31, N 4. – P. 665–683. – DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.665-683 (In Russian)

Skibin S.A. Formation features of the mechanism of integrative interaction of Rostov region and new regions of the Russian Federation. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Ekonomika"* [Bulletin of the Adyge state university, series "Economics"]. – 2023. – N 2 (320). – P. 50–55. – DOI: 10.53598/2410-3683-2023-2-320-50-55 (In Russian)

Socio-ecological aspects in geoecological assessment of nonmetal construction materials mining in the Oka riverbed. Bondarev V.P., Zagorevskaya A.O., Myakisheva M.B., Turykin L.A. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceed-

ings of the Russian geographical society]. – 2023. – Vol. 155, N 2. – P. 57–72. – DOI: 10.31857/S0869607123020027 (In Russian)

Tulayeva S.A., Nemirovskaya A.V. “Stop spoiling our land”: regional identity and environmental mobilization in the Russian regions. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. – 2024. – Vol. 27, N 1. – P. 216–246. – DOI: 10.31119/jssa.2024.27.1.10 (In Russian)

Volkov A.D., Karginova-Gubinova V.V., Tishkov S.V. Ecological problems and peculiarities of the environmental and economic development of the Nenets autonomous okrug. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. – 2023. – N 51. – P. 172–194. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.172 (In Russian)

Zaretsky A.A., Kozyrev A.A. Strategic project management of the socio-ecological development of the Arctic zone of the Russian Federation. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative consulting]. – 2023. – N 12. – P. 131–144. – DOI: 10.22394/1726-1139-2023-12-131-144 (In Russian)

**КАЗАКОВА А.Ю.* «УМНЫЙ МУСОР» В «УМНОМ ГОРОДЕ»:
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РАЗРАБОТКИ И ДИСФУНКЦИИ**

Аннотация. «Умный мусор» в «умном городе» предполагает оснащение процессов сбора и переработки отходов различными датчиками для решения задач оптимизации и эффективности ЖКХ, в частности сокращения времени и энергии, необходимых для предоставления услуг по управлению отходами. Это один из вариантов решения проблемы устойчивого развития городов в условиях перенаселенности, неблагоприятной экологии, санитарно-гигиенической обстановки в городах с точки зрения их влияния на медико-демографическое состояние населения; а в странах с кастовой системой, высокой степенью расово-этнической и экономической сегрегации – влияния еще и на уровень социальной напряженности. В условиях цифровизации возникает все больше попыток решения этих проблем с помощью инновационных разработок, позволяющих с помощью программного обеспечения и удаленных датчиков в режиме реального времени оптимизировать управление накоплением, хранением, сбором, вывозом и утилизацией мусора. Однако распространение новых технологий создает новые риски загрязнения городов из-за увеличения объема электронных и цифровых отходов.

Ключевые слова: урбанизация; устойчивое развитие городов; «зеленый город»; «умный город»; цифровизация; «умный мусор».

Для цитирования: Казакова А.Ю. «Умный мусор» в «умном городе»: перспективные разработки и дисфункции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 36–52. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.03

---

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

Статья поступила: 20.04.2025.

Принята к публикации: 02.05.2025.

KAZAKOVA A.Yu.** “Smart waste” in a “smart city”: promising developments and dysfunctions

Abstract. “Smart garbage” in a “smart city” involves equipping waste collection and recycling processes with various sensors to solve problems of optimization and efficiency of housing and communal services, saving time and energy required to provide waste management services. This is one of the ways to solve the problem of sustainable urban development in conditions of overpopulation, unfavorable ecology and sanitary conditions in cities in their impact on the medical and demographic state of the population; and in some countries with the caste system and high degree of racial, ethnic and economic segregation, also on the level of social tension. In the context of digitalization, there are more and more attempts to solve these problems with the help of innovative developments that make it possible to optimize the management of accumulation, storage, collection, removal and disposal of garbage using software and remote sensors in real time. However, the spread of new technologies creates new risks of urban pollution due to the increase in the volume of electronic and digital waste.

Keywords: urbanization; sustainable urban development; “green city”; “smart city”; digitalization; “smart waste”.

For citation: Kazakova A.Yu. “Smart waste” in a “smart city”: promising developments and dysfunctions. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 36–52. DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.03

Received: 20.04.2025.

Accepted: 02.05.2025.

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

Введение

В последние десятилетия возникли две хронологически и логически связанные друг с другом концепции городского развития: «зеленый город» и «умный город». «Зеленые города» стремятся к достижению нулевого углеродного следа и эффективному управлению отходами, а также ориентированы на минимизацию потребления (антиконсьюмеризм), деиндустриализацию и уподобление облика материальной среды и образа жизни населения природным формам и циркадным ритмам. Концепция «умного города» обещает приемлемую экологию без отказа от привычного для людей уровня потребления за счет технических инноваций, возобновляемых источников энергии, шеринговой экономики (экономики совместного потребления).

Расширение интеллектуальных технологий в обслуживании городской инфраструктуры нацелено на комплексное преодоление экологического кризиса. Согласно выводам турецких специалистов, Интернет вещей дает огромные преимущества в таких процессах, как мониторинг качества воды и воздуха, утилизация отходов в режиме реального времени, быстрое выявление основных источников и закономерностей сильного загрязнения воздуха, ресурсосбережение (прежде всего оптимальное расходование воды), сбор и вторичная переработка отходов, уменьшение транспортных заторов и повышение мобильности в городах [Yilmaz, Hasar, 2023]. «Умный мусор», таким образом, – неотъемлемая часть концепций «умный дом» и «умный город», причем «готовность региона к переходу в категорию умных городов» [Велитченко, 2021, с. 129] характеризуется долей успешно и безвредно утилизируемых отходов.

Мусорный коллапс, технические решения и социальные эффекты

В свете концепции «умного города» во всем мире, особенно на азиатском континенте (в таких странах, как Индия, Шри-Ланка, Индонезия, Малайзия, Бангладеш и др.), выходит огромное количество работ, посвященных внедрению технологий «умного мусора» для повышения устойчивости развития городов. Сторонники этой концепции неизменно начинают с указания на высочайшую остроту проблемы экологии, санитарии и гигиены как части стремительной урбанизации и перенаселенности.

Чем выше уровень жизни населения, тем больше возникает отходов как в жилой, так и в нежилой зоне. Изменившаяся структура питания населения спровоцировала рост объемов неразлагающегося упаковочного мусора. В зеленой цифровой экономике объемы мусора должны поступательно сокращаться, а его утилизация – облегчаться за счет отказа промышленных предприятий от пластиковой упаковки, место которой должны занять «перерабатываемые, компостируемые и биоразлагаемые материалы» [Пуртов, 2022, с. 6]. Наиболее габаритный и опасный мусор возникает в зонах промышленной деятельности и ведущегося строительства, и одно из направлений разработок в области «умного мусора» – это создание и применение технологий «умного сноса» и повторное использование остающихся после сноса материалов и конструкций в малоэтажном строительстве [Почему и как ... , 2023]. Но несмотря на то, что опросы фиксируют предпочтение людьми проживания в малоэтажных домах [Малоэтажки или высотки ... , 2023 ; Курбатов, 2022], реальное строительство ориентировано не на интересы потребителей, а на интересы застройщиков, стремящихся к получению максимальной прибыли. То же касается бытовой техники. В статье соавторов из университета Новой Англии (Австралия) и Валайлакского университета (Таиланд) отмечено, что по мере того, как техника (сельскохозяйственная, строительная, автомобильная и бытовая) «умнеет» и усложняется, потребитель испытывает все больше проблем с ремонтом, комплектующими, запчастями. Производитель заинтересован не в длительной службе проданного прибора, а в новых покупках, и ограничивает потребителя даже в доступе к инструкциям по эксплуатации и ремонту [Smith, Smith, 2024]. Ремонт становится настолько длительным, дорогим и сложным, что иной раз проще купить новую вещь, чем отремонтировать старую. Это тоже увеличивает объем отходов, которые не отправляются в переработку, а просто накапливаются. Нерегулярная очистка мусорных баков резко ухудшает эстетический облик современных городов [Smart and integrated ... , 2022] и их экологическое состояние [Smart city ... , 2022]. Антисанитария ведет к возникновению заболеваний и снижению качества жизни населения [Saji, 2016]. Отчеты Всемирной организации здравоохранения протоколируют преждевременную смерть от предотвратимых болезней в результате неправильной утилизации и управления отходами [Abuga, Nallanthighal, 2021]. С ростом отходов возрастает опасность пожаров, которые регулярно возникают на свалках и полигонах, «трудно поддаются тушению и практиче-

ски не прогнозируются» [Хайдаров, Панферов, Королева, 2022, с. 32]. В случае дождя и сильного ветра отходы разбрасываются на большом расстоянии от баков, попадают в почву, а открытые контейнеры привлекают грызунов, птиц, бродячих собак.

Помимо типичных для всего мира причин мусорного коллапса («экспоненциальный рост населения, высокая плотность городских районов, разнообразная культура, изменение пищевых привычек и образа жизни» [Kumar, Agrawal, 2020, p. 1]), азиатские авторы зачастую выделяют причины специфически региональные, глубоко уходящие корнями в культуру, религию, традиции. Неслучайно настоящий бум разработок в области «умного мусора» демонстрирует Индия с характерными для нее социальными табу, определяющими отношение населения к мусору и процессу его уборки, а также очень низким статусом тех, кто профессионально связан с этим процессом. В итоге в Индии и Индонезии фиксируется острейшая кадровая проблема – нехватка водителей грузовиков и уборщиков [Smart city ... , 2022] и высокая трудовая нагрузка, которая на них ложится [Internet of ... , 2023]. Система уборки мусора до сих пор жестко детерминирована кастовыми традициями, в соответствии с которыми в Индии веками «мусор выбрасывали на улицы. А там жаркое солнце высушивало его в пыль. Но с появлением современного пластика, упаковки, картона эта «система мусороочистки» уже не работает, а традиция осталась. Во многих индийских городах все еще не считают зазорным бросать мусор прямо себе под ноги, да и справлять малую нужду, несколько не стесняясь прохожих. <...> Проблема не только в недостатке той или иной семьи или в уровне образования. Многие обитатели даже состоятельных кварталов не хотят, чтобы напротив их парадных дверей стояли мусорные баки или лежали пакеты с отходами в ожидании, когда их заберут мусорщики. Состоятельные горожане скорее предпочтут отправить прислугу выбросить мусор на задних улицах. <...> Большинство индийских городов не имеют современной централизованной системы сбора и вывоза мусора из каждого двора. В Дели, например, мусор тщательно убирают лишь примерно на 25% территории. Тащиться с пакетами отходов до официальной свалки далеко. Неудивительно, что любой пустырь или заброшенный двор тут же превращается в свалку для жителей соседних кварталов» [Пахомов]. В рамках программы «Swachh

Bharat Abhiyan»¹ центральному правительству пришлось создать специальные пункты не только по обучению граждан способам сокращения отходов, но и по информированию их о недопустимости открытой, уличной, дефекации [Patil, Koluragi, Ashokkumar P S, 2022 ; Smart city automatic ... , 2017].

Таким образом, традиционные методы управления отходами, сложившиеся в городских экосистемах, уже не соответствуют темпам роста населения, производства, потребления и климатических изменений [Enhancing ... , 2024]. По оценке индийских IT-разработчиков, на сегодня не существует таких традиционных систем обращения с отходами, которые одновременно справлялись бы с тремя взаимосвязанными задачами: «а) своевременная проверка состояния баков для предотвращения переполнения; б) проверка точного расположения урн; и в) поиск оптимального маршрута к заполненным бакам» [A smart waste ... , 2023, p. 342]. В концепцию же «умного мусора» входят устройства и технологии, позволяющие снизить объемы самого мусора (за счет бережливого, экономного потребления), выполнять сигнальную и контрольную функцию для муниципальных служб и рядовых пользователей – например, «холодильники с функцией напоминания о кончающемся сроке годности продуктов и необходимости их употребить <...> Умные мусорные корзины для пенсионеров (если пожилой человек в течение двух недель не выбрасывал мусор, а это считывается специальными датчиками внутри корзины, то корзина отправляет сообщение близким людям либо врачу для принятия мер... <...> существуют умные корзины, составляющие будущий список продуктов на основе штрих-кодов выброшенных оберток или системы распознавания речи (умная корзина GeniCan). Существует множество уже готовых проектов: Bruno – умная корзина с функциями пылесоса, Kyosho – мусорное ведро с дистанционным управлением, Smart Trashbox – мусорная корзина с технологией Kinect и т.д.)» [Умный мусор]. В большинстве авторских разработок предлагаются комплексные системы управления твердыми отходами «умного города», состоящие из трех ключевых подсистем: «умные» мусорные баки, «умные» мусоровозы с оптимизацией городских маршрутов и информация о пользователях в режиме реального времени с поддержкой принятия решений

---

¹ Миссия «Чистая Индия» – кампания, инициированная правительством Индии в 2014 г. с целью искоренить открытую дефекацию и улучшить управление твердыми отходами в стране.

[Abuga, Nallanthighal, 2021]. Очевидно, потребуется какая-то защитная надстройка по отношению к самим этим системам, в том числе антивандальная. К этому необходимо добавить еще и потребность в прогнозировании правильных мест размещения того или иного количества накопителей мусора (урн, баков, контейнеров), поскольку образование мусора в различных зонах и кварталах города происходит неравномерно.

Помимо улучшения экологической ситуации, экономии городских активов и потенциального роста рынка как самих «умных» технологий, так и услуг в области ЖКХ, сбора и переработки мусора, внедрение «умных» систем управления отходами в городах, согласно замечаниям некоторых авторов, влияет и на социальную систему. Например, деловой электронный журнал «Инвест Форсайт» сообщил, что установка умного контейнера в ЖК «Серебряный Бор» повысила лояльность его жителей и стимулировала их к раздельному сбору мусора [Львов, 2021]. Зарубежные авторы подчеркивают, что внедрение «умных» технологий содействует сплочению городских сообществ, которые вовлекаются в инициативы по созданию «умных» пространств, обсуждение экологических стратегий, что ведет к более рациональному и осмотрительному сберегающему поведению [Yilmaz, Nasar, 2023]. Разработчики из Узбекистана также ожидают, что предусмотренные системы оповещения горожан о графике вывоза мусора и программах утилизации должны формировать у людей «ответственность и экологическое сознание» [Пищецкий, Юлдашев, Матякубов, 2023, р. 103].

О подобном эффекте свидетельствуют и факты высокой вовлеченности москвичей в голосование на площадке «Активный гражданин». Внимание к экологической повестке действительно растет, причем именно у молодого поколения: «Участники выбрали тематику учебно-познавательных программ для школьников, которые планируется проводить в Москве в детских технопарках. В голосовании участвовало почти 200 тыс. человек, и больше половины респондентов – юных жителей столицы пожелали, чтобы программы профорientации были посвящены экологии и зеленой экономике» [Пуртов, 2022, с. 8]. И.А. Кубрак, специально оценивший информированность москвичей о программах раздельного сбора мусора, тоже возлагает надежды в основном на молодое поколение, поскольку формирование культуры сбора мусора у взрослых малоэффективно: «любой социологический опрос населения об их готовности к участию в выборочном сборе отходов, скорее всего, даст результаты, близкие к верхнему пределу “по-

тенциала» (75%). Это означает, что люди, которые ответили положительно, понимают, что раздельный сбор отходов – это “хорошо”, а несоблюдение – “плохо”, но только часть из них готова немедленно применить свои знания на практике, а для привлечения остальных требуются дополнительные усилия. Доля несознательных граждан, не задумывающихся о том, куда девать мусор, или не читающих надписи на контейнерах, составляет около 25%. Не следует рассчитывать на их участие в раздельном сборе в ближайшем будущем <...> Увеличение числа людей, сортирующих свои бытовые отходы, является в основном задачей образования. Пропаганда должна проводиться с детства среди разных групп населения <...> Дети – лучший канал для воздействия на более консервативных взрослых» [Кубрак, 2021, с. 99–100]. И понятно, что экологическая культура не сводится к раздельному сбору мусора, а формируется органически, из ощущения человеком неразрывной связи с природной средой, которая чужда растущему в мегаполисе школьнику, или хотя бы из систематического рационально организованного комплекса учебных и воспитательных мероприятий (интерактивные, исследовательские, полевые проекты по биологии и географии, занятия физической культурой в зеленых зонах и на водоемах, а не в спортивных залах и бассейнах и т.д.).

Интересные мысли о возможности-невозможности формирования такого менталитета возникают исходя из описания Копенгагена как одной из цифровых столиц мира: «В жизненной философии центральное место занимает баланс жизни и работы. На работе не принято оставаться на сверхурочные. Все стремятся поскорее вернуться к семье. Государство поощряет это стремление – гарантирует годовой оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком после его рождения, выделяет государственные субсидии на покрытие расходов за детьми дошкольного возраста, образование и здравоохранение. Это покрывается за счет высоких налогов (самых больших в мире), причем граждане не скрывают своих доходов, потому что считают налоги оправданными» [Чаканов, 2022, с. 281]. Возможно ли в принципе добиться «ответственного экологического поведения» в условиях тотального отчуждения труда, превосходящих все разумные пределы переработок, когда все потребности помимо зарабатывания денег – общение с природой, с семьей, хобби и творчество, оздоровление – человеку необходимо как-то уместить в месяц отпуска?

Согласно данным опроса жителей десяти мегаполисов о возможностях внедрения «умных» технологий в городские системы здравоохранения, образования, безопасности и градостроительства, приведенным в статье о рисках «умных городов», где в пятерке лидеров цифровизации оказалась Москва, в столице сложилось выраженное противоречие между инфраструктурно-технологической и социальной готовностью города: «население крупнейших городов мира, в большинстве своем, еще не готово жить в “умных городах”, в то время как темпы внедрения смарт-технологий в городскую среду стремительно нарастают» [Стефанова, Хисравова, 2018, с. 125]. В целом очевидно, что готовность россиян к сортировке отходов, возможно, выше, чем в Индии, но она однозначно не стала для них частью образа жизни, как «для жителей Швеции, Германии, Чехии, Литвы и других стран Европы» [Велитченко, 2021, с. 129]. Успеху «умных» программ в российских городах препятствуют также недостаточность навыков повседневного использования горожанами цифровых технологий [Гераськина, 2021], недостаточная проницаемость мусороуборочного и перерабатывающего рынка для малого бизнеса, юридические несостыковки и плохая координация действий муниципальных операторов [Кубрак, 2021].

Кроме того, специальное исследование мусороуборочных кампаний, проведенное в Малайзии, показало, что после непродолжительного периода чистоты тщательно убранные с привлечением большого числа участников территории стремительно возвращаются к исходному уровню замусоренности [Hing, Gunggut, 2012]. Авторы делают вывод, что практически любая кампания по централизованной волонтерской уборке мусора в общественных местах терпит поражение потому, что она сосредоточена на мусоре, а не на тех, кто мусорит. Очевидно, что здесь безразлично, какая именно система очистки применяется – «умная», механизированная или ручная. Неслучайно во многих описанных авторами технических решениях предусмотрена еще и система видеофиксации для выявления нарушителей режима сбора мусора. Авторы из Португалии [Prata, Simões, Simoes, 2025] – одной из самых передовых по внедрению «умного мусора» стран – специально анализируют объемы собираемых штрафов за нарушения и их эффективность (см. рис. 1). О необходимости «выявления подозреваемых», тех, кто не соблюдает установленные правила уборки, и о незамедлительном наказании нарушителей как об обязательной части «умных» систем обращения с отходами говорит еще один автор-

ский коллектив из Индии [Krishna, Akhil, 2019]. Как видим, всем заметный, ожидаемый и едва ли позитивный эффект цифровизации – это риск тотальной слежки, который не сводится к контролю за нарушителями, да и в этом последнем случае способен вести, с одной стороны, к злоупотреблениям со стороны контролирующих, а с другой стороны – к протестному вандализму со стороны контролируемых, поскольку ясно, что штрафы и общественное порицание коснутся в первую очередь тех, чей уровень цифровых навыков, доступ к качественным многофункциональным мобильным или стационарным «умным» устройствам и приложениям окажется ограниченным.

Рисунок 1. Тепловая карта загрязненных контейнеров до (слева) и после отправки текстовых сообщений

Источник: [Prata, Simões, Simoes, 2025].

Не слишком оптимистичны и выводы китайских авторов, которые провели оценку эффективности пилотного внедрения «умных» технологий из 278 городов уровня префектур в период с 2007 по 2020 г. Их выводы позволяют однозначно связать низкую эффективность новых технологий в плане достижения целей устойчивого развития с существующим социальным неравенством, которое в условиях технологических сдвигов растет угрожающими темпами. В частности, они доказывают, что: реализация политики «умного города» значительно повышает инновационный потенциал городов, но ее влияние на совокупную экологическую повестку нестабильно и даже незначительно; развитие «умных го-

родов» идет за счет соседей, поскольку побочным эффектом является стягивание в них ресурсов и вытеснение из них отходов жизнедеятельности в «обычные» города. Наибольшее влияние в плане развития инновационного потенциала политика цифровизации оказывает на те города, которые уже и так принадлежат к числу самых экономически развитых [Yang, Su, Yu, 2024]. И внутри одного города в условиях сильного социально-экономического расслоения возможна ситуация, когда одна часть населения не в переносном, а в физическом смысле будет благоденствовать за счет роста антисанитарии, заболеваний и смертей другой части [Иджитканлар, Кугурульо, 2022].

Таким образом, технологии «умного города» имеют не только технический, экономический и экологический, но и социальный аспект, который может служить препятствием к достижению запланированных позитивных эффектов от их внедрения.

Заключение

Цифровизация способна не только решать застарелые проблемы и повышать эффективность городских служб, но одновременно усугублять существующие проблемы, создавать новые вызовы и для служб, и для потребителей, и для городских управленцев. Специалисты указывают на трудности, с которыми приходится сталкиваться при внедрении цифровых решений: конфиденциальность данных, рост издержек, необходимость в надежной инфраструктуре [Yilmaz, Nasar, 2023]. Вероятны злоупотребления, связанные с переизбытком контроля и дефицитом цифровых навыков, неминуем рост сегрегации. Но даже главный, целевой, позитивный эффект – минимизация отходов жизнедеятельности города – далеко не бесспорен.

Внедрение технологий «умного мусора», возможно, снизит количество жидких и твердых бытовых отходов, но неминуемо повысит количество электронных отходов, к которым относят «любое электрическое или электронное оборудование, являющееся отходами, включая все компоненты, узлы и расходные материалы, которые являются частью оборудования на момент, когда оборудование становится отходами» [Дети и свалки ... , 2022, с. XI]. Это телевизоры, экраны, компьютеры, планшеты, ноутбуки, их комплектующие, причем не только неисправные, но и просто быстроустаревающее, поскольку растущий рынок ИКТ ориентирован на опережающее развитие, непрерывное обновление про-

грамм и их версий, на появление все новых гаджетов и периферийных устройств. Неслучайно Всемирная организация здравоохранения обращает внимание на то, что именно электронные отходы, отнесенные к категории опасных, изначально токсичных для воды, воздуха, почвы или способных выделять вредные вещества при неправильной переработке, имеют серьезные негативные последствия для человеческого здоровья, особенно женщин и детей, которые преимущественно и заняты их сбором и переработкой в самых бедных и неблагополучных странах третьего мира [Дети и свалки ... , 2022]. Электронные отходы повсеместно показывают наиболее высокие темпы роста по сравнению с другими категориями твердых отходов, а утилизируются, напротив, хуже всего [Электронные отходы, 2023].

Кроме того, именно в результате цифровизации возникла и новая категория отходов – цифровые отходы. Они носят нематериальный характер, но отменяют именно те преимущества, которые предполагает концепция «умного города» и «умного мусора», а именно скорость, комфорт и рациональность в процессе осуществления повседневной-бытовой или профессиональной деятельности. В частности, чрезмерное количество детализированной информации, собираемой и постоянно обновляемой в ходе мониторинга, увеличивает нагрузку на хранилища и системы переработки данных, усиливает затраты энергии и ресурсов. Последнее, в свою очередь, становится механизмом преобразования нематериального воздействия в материальный, физически измеримый, ущерб, что способно вновь снижать комфортность и качество городской жизни, за которые выступают разработчики «умных» технологий.

Список литературы

Велитченко М.Н. Внедрение концепции умного мусора в регионах // Современные тенденции в развитии экономики энергетики: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского национального технического университета, Минск, 03 декабря 2020 года / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский национальный технический университет. – Минск: Белорусский национальный технический университет, 2021. – С. 129.

Гераськина И.Н., Козлова Д.А., Литовченко М.Н. Ресурсо-энергосбережение в концепции «умный город» // Цифровая экономика, умные инновации и технологии: сборник трудов Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – С. 331–334. – DOI: 10.18720/IEP/2021.1/104.

Дети и свалки электронных отходов: воздействие электронных отходов и здоровье детей: краткий обзор для лиц и органов, ответственных за разработку политики. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2022. – 20 р. – URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/341730/9789240028869-rus.pdf> (дата обращения: 02.05.2025).

Иджитканлар Т., Кузурульо Ф. Устойчивость искусственного интеллекта: взгляд урбаниста сквозь призму концепции умного и устойчивого города // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 35–64. – DOI: 10.17323/usp71202235-64

Кубрак И.А. Умные технологии городского хозяйства для устойчивого развития Московской агломерации // Вестник Российского нового университета. Серия Человек и общество. – 2021. – № 1. – С. 95–104. – DOI: 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.095

Курбатов М. Не смотри вверх. Частные дома становятся популярнее многоэтажек // Квадратный метр. – 2022. – 11 августа. – URL: <https://rg.ru/2022/08/11/ne-smotri-nerverh.html> (дата обращения: 02.05.2025).

Львов В. Последователи Греты Тунберг // Инвест-Форсайт. – 2021. – 8 мая. – URL: <https://www.if24.ru/posledovateli-grety-tunberg/> (дата обращения: 02.05.2025).

Малоэтажки или высотки: все за и против. Что выбрать? // Единый ресурс застройщика. – 2023. – 6 октября. – URL: <https://erzrf.ru/news/maloetazhki-ili-vysotki-vse-za-i-protiv-cto-vybrat> (дата обращения: 02.05.2025).

Пахомов Е. Можно ли подмести Индию? // BRICS business magazine. – URL: <https://www.bricsmagazine.com/ru/articles/mozhno-li-podmesti-indiyu> (дата обращения: 02.05.2025).

Писецкий Ю.В., Юлдашев Ж.Ф., Матякубов Б.К. Обзор мониторинга городских бытовых отходов с помощью умного мусорного бака // Oriental renaissance: innovative, educational, natural and social sciences. – 2023. – Vol. 3, N 9. – С. 99–105.

Почему и как необходимо бороться со строительными отходами / Бахметьев К.А., Куприенко П.С., Ашихмина Т.В., Буцка С.Н. // Химия, физика и механика материалов. – 2023. – № 4 (39). – С. 90–107.

Пуртов К.С. Зеленая экономика Москвы: устойчивое развитие для будущего // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2022. – № 1 (55). – С. 3–8.

Стефанова Н.А., Хисравова Я.Ш. Риски «умных» городов // Карельский научный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2 (23). – С. 125–126.

Умный мусор // Портал IoT.ru: новости Интернета вещей. – URL: <https://iot.ru/wiki/umnyu-musor> (дата обращения: 02.05.2025).

Хайдаров А.Г., Панферов М.А., Королева Л.А. Руководство данными как перспективное направление снижения пожарной и экологической опасности в сфере обращения с отходами // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2022. – № 1. – С. 30–40.

Чаканов Б. Копенгаген – цифровизация города скандинавского типа // Внедрение стратегий устойчивого развития ЕС для Индонезии и России: сборник научных трудов: в двух частях. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2022. – Ч. 2. – С. 279–288.

Электронные отходы // Всемирная организация здравоохранения. – 2023. – 18 октября. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/electronic-waste-%28e-waste%29> (дата обращения: 02.05.2025).

A smart waste management system framework using IoT and LoRa for Green city project / Laha S., Pattanayak B., Pattnaik S., Kumar S. // International journal on recent and innovation trends in computing and communication. – 2023. – Vol. 11, N 9. – P. 342–357. – DOI: 10.17762/ijritcc.v11i9.8370

Abuga D., Nallanthighal R. Real-time smart garbage bin mechanism for solid waste management in smart cities // Sustainable cities and society. – 2021. – Vol. 75. – 103347. – DOI: 10.1016/j.scs.2021.103347.

Enhancing urban waste management: development and application of smart garbage bin technologies / Fei X., He P., Ma H., Qiu Y. // Science and technology of engineering, chemistry and environmental protection. – 2024. – Vol. 1, N 1. – P. 1–4. – DOI: 10.61173/jprvvr82

Hing Ch., Gunggut H. Maintaining urban cleanliness: a new model // Procedia – social and behavioral sciences. – 2012. – Vol. 50. – P. 950–958. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.08.096

Internet of things-based garbage monitoring system integrated with Telegram / Tarmizi S., Nik Nur D.N.S., Abdullah R., Izawana S., Omar S. // Indonesian journal of electrical engineering and computer science. – 2023. – Vol. 32, N 3. – P. 1370–1377. – DOI: 10.11591/ijeecs.v32.i3.pp1370-1377

Krishna Mr., Akhil I. Implementation of smart garbage collection in smart cities // International journal of innovative technology and exploring engineering. – 2019. – Vol. 9, N 2. – P. 1425–1428. – DOI: 10.35940/ijitee.A5244.129219

Kumar A., Agrawal A. Recent trends in solid waste management status, challenges, and potential for the future Indian cities – a review // Current research in environmental sustainability. – 2020. – Vol. 2. – 100011. – DOI: 10.1016/j.crust.2020.100011

Patil Sh., Koluragi V., Ashokkumar P.S. Smart garbage and street light monitoring system for smart city // Artificial intelligence and communication technologies / ed. by S. Hiranwal, G. Mathur. – New Delhi: SCRS publications, 2022. – P. 349–360. – DOI: 10.52458/978-81-955020-5-9-35

Prata J., Simões C., Simoes R. Improvements to municipal solid waste collection systems using real-time monitoring // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, N 4. – 1405. – DOI: 10.3390/su17041405

Saji R. A Survey on smart garbage management in cities using IoT // International journal of engineering and computer science. – 2016. – Vol. 5, N 11. – P. 18749–18754. – DOI: 10.18535/ijecs/v5i11.04

Smart and integrated garbage management application – a step towards IoT-enabled society / Paul K., Mukherjee A., Debnath D., Malakar T. // Proceedings of international conference on industrial instrumentation and control / ed. by S. Bhaumik, S. Chattopadhyay, T. Chattopadhyay, S. Bhattacharya. – Singapore: Springer, 2022. – P. 181–190. – DOI: 10.1007/978-981-16-7011-4_18

Smart city automatic garbage collecting system for a better tomorrow / Sayyad S., Vengatesan K., Bhaskar R.M., Padmanaban S., Jaspreetkuar P. // International journal of pure and applied mathematics. – 2017. – Vol. 114, N 9. – P. 455–463.

Smart city garbage monitoring system / Imdaadh M., Saajidh M., Ahmed A., Ahagaash S. // *International journal for research in applied science and engineering technology*. – 2022. – Vol. 10, N 11. – P. 515–520. – DOI: 10.22214/ijraset.2022.47374

Smith R., Smith N. Right-to-repair, product durability and obsolescence: a legal perspective // *Journal of Indonesian legal studies*. – 2024. – Vol. 9, N 2. – P. 767–798. – DOI: 10.15294/jils.v9i2.1895

Yang S., Su Y., Yu Q. Smart-city policy in China: opportunities for innovation and challenges to sustainable development // *Sustainability*. – 2024. – Vol. 16. – 6884. – DOI: 10.3390/su16166884

Yilmaz M., Hasar H. Review on environmental aspects in smart city concept: water, waste, air pollution and transportation smart applications using IoT techniques // *Sustainable cities and society*. – 2023. – Vol. 94. – 104567. – DOI: 10.1016/j.scs.2023.104567

References

A smart waste management system framework using IoT and LoRa for Green city project / Laha S., Pattanayak B., Pattnaik S. Kumar S. *International journal on recent and innovation trends in computing and communication*. – 2023. – Vol. 11, N 9. – P. 342–357. – DOI: 10.17762/ijritcc.v11i9.8370

Abuga D. Nallantigal R. A real-time intelligent trash can mechanism for solid waste management in smart cities. *Sustainable cities and societies*. – 2021. – N 75. – 103347. – DOI: 10.1016/j.scs.2021.103347

Chakanov B. Copenhagen – digitalization of a Scandinavian-type city. *Implementation of EU sustainable development strategies for Indonesia and Russia: a collection of scientific papers in two parts*. – Moscow: Peoples' friendship university of Russia, 2022. – Part 2. – P. 279–288. (In Russian)

Children and e-waste landfills: the impact of e-waste and children's health. – Geneva: World health organization, 2022. – 20 p. – URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/341730/9789240028869-rus.pdf> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

Electronic waste. *World health organization*. – 2023. – October 18. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/electronic-waste-%28e-waste%29> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

Enhancing urban waste management: development and application of smart garbage bin technologies. Fei X., He P., Ma H., Qiu Y. *Science and technology of engineering, chemistry and environmental protection*. – 2024. – Vol. 1, N 1. – P. 1–4. – DOI: 10.61173/jprvr82

Geras'kina I.N., Kozlova D.A., Litovchenko M.N. Resource and energy conservation in the smart city concept. *Digital economy, smart innovations and technologies: proceedings of the National (all-Russian) scientific and practical conference with foreign participation, St. Petersburg, April 18–20, 2021*. – Saint Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2021. – P. 331–334. – DOI: 10.18720/IEP/2021.1/104 (In Russian)

Hing Ch., Gunggut H. Maintaining urban cleanliness: a new model. *Procedia – social and behavioral sciences*. – 2012. – Vol. 50. – P. 950–958. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.08.096

Ijtkanlar T., Kugurullo F. Sustainability of artificial intelligence: an Urbanist's view through the prism of the concept of a smart and sustainable city. *Gorodskie issle-*

dovaniya i praktiki [Urban research and practice]. – 2022. – Vol. 7, N 1. – P. 35–64. – DOI: 10.17323/usp71202235-64 (In Russian)

Internet of things-based garbage monitoring system integrated with Telegram. Tarmizi S., Nik Nur D.N.S., Abdullah R., Izawana S., Omar S. *Indonesian journal of electrical engineering and computer science*. – 2023. – Vol. 32, N 3. – P. 1370–1377. – DOI: 1370.10.11591/ijeecs.v32.i3

Khaidarov A.G., Panferov M.A., Koroleva L.A. Data management as a promising direction for reducing fire and environmental hazards in the field of waste management. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg university of The State fire service of the Ministry of emergency situations of Russia]. – 2022. – N 1. – P. 30–40. (In Russian)

Krishna Mr., Akhil I. Implementation of smart garbage collection in smart cities. *International journal of innovative technology and exploring engineering*. – 2019. – Vol. 9, N 2. – P. 1425–1428. – DOI: 10.35940/ijitee.A5244.129219

Kubrak I.A. Smart technologies of urban economy for the sustainable development of the Moscow agglomeration. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian new university. Series: Man and society]. – 2021. – N 1. – P. 95–104. – DOI: 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.095 (In Russian)

Kumar A., Agrawal A. Recent trends in solid waste management status, challenges, and potential for the future Indian cities – a review. *Current research in environmental sustainability*. – 2020. – Vol. 2. – 100011. – DOI: 10.1016/j.crsust.2020.100011

Kurbatov M. Don't look up. Private houses are becoming more popular than high-rise buildings. *Kvadratnyj metr* [Square meter]. – 2022. – August 11. – URL: <https://rg.ru/2022/08/11/ne-smotri-naverh.html> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

L'vov V. Followers of Greta Thunberg. *Invest-Forsajt* [Invest-Foresight]. – 2021. – May 8. – URL: <https://www.if24.ru/posledovateli-grety-tunberg/> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

Low-rise buildings or high-rise buildings: all the pros and cons. What should we choose? *Edinyj resurs strojshchika* [Developer's unified resource]. – 2023. – October 6. – URL: <https://erzf.ru/news/maloetazhki-ili-vysotki-vse-za-i-protiv-cto-vyb rat> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

Pakhomov E. Is it possible to sweep India? *BRICS business magazine*. – URL: <https://www.bricsmagazine.com/ru/articles/mozhno-li-podmesti-indiyu> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

Patil Sh., Kolaragi V., Ashokkumar P S. Smart garbage and street light monitoring system for smart city. *Artificial intelligence and communication technologies*. Ed. by S. Hiranwal, G. Mathur. – New Delhi: SCRS publications, 2022. – P. 349–360. – DOI: 10.52458/978-81-955020-5-9-35

Pisetsky Yu.V., Yuldashev J.F.U., Matyakubov B.K.U. An overview of urban household waste monitoring using a smart trash can. *Oriental renaissance: innovative, educational, natural and social sciences*. – 2023. – Vol. 3, N 9. – P. 99–105. (In Russian)

Prata J., Simões C., Simoes R. Improvements to municipal solid waste collection systems using real-time monitoring. *Sustainability*. – 2025. – Vol. 17, N 4. – DOI: 1405.10.3390/su17041405

Purtov K.S. Moscow's green economy: sustainable development for the future. *Vestnik Universiteta Pravitel'stva Moskvyy* [Bulletin of the Moscow government university]. – 2022. – N 1. – P. 3–8. (In Russian)

Saji R.A Survey on smart garbage management in cities using IoT. *International journal of engineering and computer science*. – 2016. – Vol. 5, N 11. – P. 18749–18754. – DOI: 10.18535/ijecs/v5i11.04

Smart and integrated garbage management application – a step towards IoT-enabled society. Paul K., Mukherjee A., Debnath D. Malakar T. *Proceedings of international conference on industrial instrumentation and control*. Ed. by S. Bhaumik, S. Chattopadhyay, T. Chattopadhyay, S. Bhattacharya. – Singapore: Springer, 2022. – P. 181–190. – DOI: 10.1007/978-981-16-7011-4_18

Smart city automatic garbage collecting system for a better tomorrow. Sayyad S., Vengatesan K., Bhaskar R.M., Padmanaban S., Jaspreetkaur P. *International journal of pure and applied mathematics*. – 2017. – Vol. 114, N 9. – P. 455–463.

Smart city garbage monitoring system. Imdaadh M., Saajidh M., Ahmed A., Ahagaash S. *International journal for research in applied science and engineering technology*. – 2022. – Vol. 10, N 1. – P. 515–520. – DOI: 10.22214/ijraset.2022.47374

Smart garbage. *Portal IoT.ru: novosti Interneta veshchej* [IoT.ru portal: news of the Internet of things]. – URL: <https://iot.ru/wiki/umnyy-musor> (accessed: 02.05.2025). (In Russian)

Smith R., Smith N. Right-to-repair, product durability and obsolescence: a legal perspective. *Journal of Indonesian legal studies*. – 2024. – Vol. 9, N 2. – P. 767–798. – DOI: 10.15294/jils.v9i2.1895

Stefanova N.A., Khisravova Ya.Sh. The risks of “smart” cities. *Karel'skij nauchnyj zhurnal* [Karelian scientific journal]. – 2018. – Vol. 7, N 2. – P. 125–126. (In Russian)

Velitchenko M.N. Implementation of the concept of smart garbage in the regions. *Sovremennye tendencii v razvitiu ekonomiki energetiki: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Belorusskogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta, Minsk, 03 dekabrya 2020 goda*. [Current trends in the development of the energy economy: a collection of materials from the International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian national technical university, Minsk, December 03, 2020]. – Minsk: Belarusian national technical university, 2021. – 129 p. (In Russian)

Why and how it is necessary to deal with construction waste. Bahmet'ev K.A., Kuprienko P.S., Ashihmina T.V., Buksha S.N. *Himiya, fizika i mekhanika materialov* [Chemistry, physics and mechanics of materials]. – 2023. – N 4. – P. 90–107. (In Russian)

Yang S., Su Y., Yu Q. Smart-city policy in China: opportunities for innovation and challenges to sustainable development. *Sustainability*. – 2024. – Vol. 16. – 6884. – DOI: 10.3390/su16166884

Yilmaz M., Hasar H. Review on environmental aspects in smart city concept: water, waste, air pollution and transportation smart applications using IoT techniques. *Sustainable cities and society*. – 2023. – Vol. 94. – 104567. – DOI: 10.1016/j.scs.2023.104567

УДК 159.922.25

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.04

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* ЭКОТРЕВОЖНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНЫХ И ПОЗИТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ (Обзор)

Аннотация. Изменение климата влияет на психическое здоровье, вызывая эмоциональный стресс, чувство горя, потери и разочарования как у отдельных социальных групп, так и у широких масс населения. В обзоре рассматривается понятие экотревожности, включающее в себя как негативные эмоциональные реакции, так и потенциальную возможность занять проактивную позицию в условиях экологического кризиса.

Ключевые слова: экотревожность; изменение климата; эмоциональные реакции; практическая тревожность.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Экотревожность: некоторые особенности негативных и позитивных проявлений (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 53–61. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.04

Статья поступила: 17.04.2025.

Принята к публикации: 28.04.2025.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Eco-anxiety: some features of negative and positive manifestations (Literature review)

Abstract. Climate change impacts mental health by causing emotional stress, grief, loss and disappointment in both vulnerable social groups and the general population. The review examines the concept of

---

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

eco-anxiety, which includes both negative emotional reactions and opportunities to take a proactive position in the context of the environmental crisis.

Keywords: eco-anxiety; climate change; emotional reactions; practical anxiety.

For citation: Pryazhnikova O.N. Eco-anxiety: some features of negative and positive manifestations (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 53–61. DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.04

Received: 17.04.2025.

Accepted: 28.04.2025.

Одним из следствий отношения к изменению климата является его влияние на психическое здоровье человека, которое выражается в так называемой экотревожности, или экотревоге (ЭТ). Под термином ЭТ обычно подразумевают широкий диапазон негативных эмоций, связанных с восприятием изменения климата и экологических угроз, которые характерны для тревожности в целом. Это негативные эмоции, сопровождаемые физическими симптомами и опасениями за будущее, в случае ЭТ – опасения по поводу последствий изменения климата. Многие люди, становясь свидетелями последствий изменения климата или сталкиваясь с информацией о разнообразных природных бедствиях (лесных пожарах, наводнениях, ураганах, засухах, сильной жаре, появлении новых болезней и т.д.), сообщают о страхе за себя, своих детей и будущие поколения, о чувстве потери, безнадежности и гнева.

Ряд национальных опросов подтверждают распространение негативных эмоций, связанных с изменением климата. В ходе опросов Американской психологической ассоциации от 2018 г. «Стресс в Америке»¹ и в рамках Йельской программы по коммуникации в области изменения климата (Yale program on climate change communication) от 2024 г. [Climate change ... , p. 14] 51% и 64% респондентов указали на изменение климата и глобальное потепление как на источник стресса. 56% австралийцев, проживающих в сельской местности, были обеспокоены изменением кли-

---

¹ Stress in America: Generation Z / American psychological association. – 2018. – URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2018/stress-gen-z.pdf> (accessed: 05.04.2025).

мата в 2015 г. От 20% до 40% европейцев (в зависимости от страны) в 2016 г. сообщали о том, что «очень обеспокоены» в связи обостряющейся экологической обстановкой [Clayton, Karazsia, 2020].

Анализ наиболее релевантных теме экотревожности исследований, опубликованных на английском языке в 2010–2023 гг. [Eco-anxiety ... , 2024 ; Understanding ... , 2021], выявил ряд характеристик, уязвимых с точки зрения ЭТ групп. Дети являются наиболее подверженными негативным последствиям влияния изменения климата на психическое здоровье (посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), депрессия и нарушения сна), так как они склонны сильнее реагировать, например, на экстремальные погодные явления. Исследование, проведенное во Франции и охватившее 831 ребенка, выявило, что: 1) дети младшего школьного возраста более экотревожны, чем подростки; 2) ранний подростковый возраст характеризуется снижением ЭТ; 3) ЭТ можно определить в качестве устойчивой черты личности уже в возрасте восьми-девяти лет; 4) девочки испытывают больше ЭТ, чем мальчики [Mallet, 2024, p. 1706].

Молодые люди (18–35 лет) ощущают влияющую на их жизнедеятельность ЭТ в большей степени, чем люди старшего возраста. Женщины испытывают более значительный стресс и беспокойство и имеют более высокие показатели ПТСР после природных катастроф по сравнению с мужчинами [Understanding ... , 2021].

Отмечается, что ЭТ может стать более распространенной среди представителей коренных народов, живущих в уязвимых с точки зрения последствий изменения климата районах, а также в большой зависимости от природной среды и обусловленных ею культурных практик. ЭТ в данном случае обусловлена также возможной непоправимой потерей культурного и духовного наследия, связанного с природным миром. Большой ЭТ подвержены люди, которые в целом озабочены экологическими проблемами и / или чувствуют большую связь с природным миром – из-за культурных особенностей или по личным причинам. Аналогичным образом люди, которые физически пострадали в результате экстремальных погодных явлений, остались бездомными или были перемещены из-за последствий изменения климата, с большей вероятностью будут испытывать более высокие уровни стресса и склонность к развитию тревоги, связанной с изменением климата. Представители профессий, предполагающих наличие углубленных знаний об

окружающей среде и эмоциональных связей с природным миром, также чаще страдают от ЭТ [Understanding ... , 2021].

Ю. Коффи и коллеги провели анализ зарубежной научной литературы, посвященной ЭТ, и выделили ряд характеристик этого понятия [Understanding ... , 2021]. Чаще всего в научной дискуссии об ЭТ используется определение, данное Американской психологической ассоциацией (American Psychological Association), где ЭТ описывается как хронический страх экологической гибели [Mental ... , 2017, p. 68]. На наш взгляд, словосочетания «экологическая гибель» или «инвайронментальная катастрофа» (по-английски environmental doom), употребляемые в данном определении в отечественных публикациях [Исследование восприятия ... , 2023], можно интерпретировать как неотвратимую деградацию окружающей среды, а ЭТ – как ощущение того, что экологические основы существования находятся в процессе разрушения.

Специалисты часто отмечают непоследовательность в использовании терминологии в научной литературе, которая посвящена эмоциональным состояниям, обусловленным проблемами экологии. Например, такие термины, как «тревога по поводу изменения климата» (climate change anxiety) и «экологический стресс» (ecological stress), могут использоваться при обсуждении вопросов, относящихся к ЭТ. Часто ЭТ используется для описания любых тревожных состояний, связанных с экологическим кризисом, наряду с понятием «климатической тревоги» (climate anxiety). Термин «климатическое горе» (climate grief) иногда используется как синоним ЭТ, например при описании солестальгии – боли, ощущаемой человеком при осознании того, что «место», где он живет и которое любит, находится на грани физического уничтожения [Understanding ... , 2021 ; Empirical ... , 2023, p. 538].

Среди негативных физических реакций, провоцируемых ЭТ, распространены панические атаки, неблагоприятные эмоциональные реакции, такие как раздражительность, слабость, бессонница, грусть, депрессия, оцепенение, беспомощность, безнадежность, вина, разочарование или гнев, а также чувство страха или неуверенности. При этом негативные эмоции в контексте ЭТ являются частью психологической адаптации и реакции на угрозу.

Ч. Курт и П. Пихкала [Kurth, Pihkala, 2022] разделили эмоциональные аффекты, возникающие в связи с ЭТ, на три функционально различные группы.

1. Тревожная реакция (нервозность, страх и испуг): эмоциональная реакция на неопределенные экологические угрозы и опасности, которая влечет за собой ту или иную защитную реакцию.

2. Саморефлексия (стыд, вина): эмоциональная реакция, связанная с нанесением вреда окружающей среде, которая вызывает желание возмещения нанесенного ущерба.

3. Реакция горевания (горя): эмоции, сосредоточенные на потере того, что человек считает важным, которые могут способствовать социальной изоляции, глубокой печали и т.д.

С. Клейтон и Б.Е. Каразия разработали шкалу климатической тревожности, включающей множество показателей, фиксирующих эмоциональные состояния, по сути своей отличные от тревожности. При использовании данной шкалы человек выбирает фразы, описывающие его эмоции. Например, «Я плачу из-за изменения климата» отражает грусть, а «Я чувствую себя виноватым, если трачу энергию впустую» описывает чувство вины [Clayton, Karazsia, 2020]. Ч. Курт и П. Пихкала указывают на то, что при таком широком понимании ЭТ под этой категорией могут объединяться отдельные аффективные явления (тревога, печаль, вина, гнев), которые просто случайно возникают вместе и проявляются одновременно. Тем не менее они согласны, что существует некоторая корреляция между опытом ЭТ и симптомами тревожных расстройств и депрессии, однако их анализ многочисленных исследований в данной области показывает, что только небольшая часть людей испытывает клинический (или неклинический, но высокий) уровень ЭТ [Kurth, Pihkala, 2022].

С.К. Станлея и коллеги в своих исследованиях ЭТ представили подход для оценки степени, в которой изменение климата заставляет людей чувствовать себя в состоянии экодепрессии (подавленными, несчастными), ЭТ (тревожными, напуганными) и экогнева (злыми, разочарованными) по шкале от 0 (совсем нет) до 100 (очень сильно). Разделив проявления ЭТ на несколько эмоциональных состояний, ученым удалось выявить, что ЭТ часто ощущается одновременно с гневом. При этом тревога «в чистом виде» подавляет способность действовать, тогда как при возникновении гнева прослеживается устойчивая положительная связь со склонностью к коллективным действиям [From anger ..., 2021].

Таким образом, эмоции, возникающие при ЭТ, могут стать источником мотивации для активной вовлеченности в проэкологическую деятельность, что, в свою очередь, будет способствовать росту положительных эмоций – чувства надежды, осознания соб-

ственной роли, прав и возможностей, ощущения связи с другими людьми, особенно при участии в коллективных действиях [Understanding ... , 2021, p. 2]. То, что ЭТ помимо ощущений угрозы и утраты также может вызывать положительные эмоции и адаптивные реакции, говорит о том, что это сложный конструкт. Если для некоторых людей ЭТ неконструктивно и связано с дисфункцией, для других она стимулирует конструктивный ответ, например в виде формирования «зеленой» самоидентификации [Verplanken, Marks, Dobromir, 2020].

Ввиду комплексного характера ЭТ Ч. Курт и П. Пихкала предлагают рассматривать ее как форму практической тревожности (practical anxiety). Они отмечают, что ЭТ можно описать, применяя основные поведенческие модели, характерные для практической тревожности, поскольку практическая тревожность требует размышлений и усилий по сбору информации перед лицом нового или трудного выбора. Понимаемая таким образом ЭТ может быть связана с постановкой человеком таких вопросов: «Стоит ли мне заводить ребенка, учитывая риск, который изменение климата представляет для его будущего? Стоит ли мне сменить профессию или попытаться привнести больше ответственности за состояние окружающей среды в свою работу? Стоит ли мне уделять больше времени повышению осведомленности об изменении климата в моем сообществе и стоит ли мне это делать, даже если это означает проводить меньше времени с семьей?» [Kurth, Pihkala, 2022].

Ч. Курт и П. Пихкала обращают внимание на то, что ЭТ, как и другим негативно окрашенным эмоциям, присуща аверсивность, которая определяет их развитие. Такие проявления ЭТ, как горевание, чувство вины, гнев в первую очередь «смотрят назад», в том смысле, что они как правило связаны с тем, что уже произошло. При этом исследователи подчеркивают, что ЭТ в большой степени «смотрит вперед», потому что она, как правило, связана и ориентирована на решения проблем, с которыми человек сталкивается в настоящее время или предвидит их возникновение в будущем. В целом ЭТ может делать людей более восприимчивыми в ситуациях, когда необходимо принять решение относительно чего-то, имеющего экологическую ценность. ЭТ стимулирует когнитивное вовлечение и мотивацию, что помогает справиться с трудностями. Таким образом, раскрытие потенциала ЭТ с точки зрения ее «обращенности вперед» делает ее проактивной эмоцией, которая заставляет человека заниматься проблемами экологического кризиса.

Очевидно, что по мере роста экологических проблем все больше людей будут нуждаться в помощи, в том числе специализированной, в целях эффективного регулирования эмоциональных состояний, подобных ЭТ. Этому может помочь большее понимание своего рода «правильной» модели ЭТ, точнее способность испытывать ее в нужное время и правильным образом [Kurth, Pihkala, 2022]. Несмотря на то что ЭТ может негативно влиять на нашу психологическую устойчивость и благополучие, важно искать подходы, в том числе на междисциплинарной основе, чтобы корректировать ее развитие и направлять ее проявления в более конструктивное русло. Такие задачи потребуют дальнейших углубленных исследований для выявления связей каждой эмоции, обусловленной ЭТ, с проклиматическим поведением и ощущением благополучия в целом, а также для поиска подходов к контролю и регулированию негативных эмоций, специфичных для ЭТ.

Список литературы

Исследование восприятия горожанами окружающей среды: экотревожность и ее преодоление / Касаткина Д.А., Миронова А.В., Нехорошева Е.В., Авраменко В.Г. / Московский городской педагогический университет. – Москва: Парадигма, 2023. – 44 с.

Clayton S., Karazsia B.T. Development and validation of a measure of climate change anxiety // *Journal of environmental psychology*. – 2020. – Vol. 69. – 101434. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2020.101434

Climate change in the American mind: beliefs & attitudes, Fall 2024 / Leiserowitz A., Maibach E., Rosenthal S., Kotcher J., Goddard E., Carman J., Myers T., Verner M., Marlon J., Goldberg M., Ettinger J., Fine J., Their K.; Yale university¹, George Mason university. – New Haven (CT): Yale program on climate change communication, 2025. – 86 p.

Eco-anxiety and climate-anxiety linked to indirect exposure: A scoping review of empirical research / Jarrett J., Gauthier S., Baden D., Ainsworth B., Dorey L. // *Journal of environmental psychology*. – 2024. – Vol. 96. – 102326. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2024.102326

Empirical evidence for climate concerns, negative emotions and climate-related mental ill-health in young people: a scoping review / Ramadan R., Randell A., Lavoie S., Gao C.X., Manrique P.C., Anderson R., McDowell C., Zbukvic I. // *Early intervention in psychiatry*. – 2023. – Vol. 17, N 6. – P. 537–563. – DOI: 10.1111/eip.13374

From anger to action: differential impacts of eco-anxiety, eco-depression, and eco-anger on climate action and wellbeing / Stanley S.K., Hogg T.L., Leviston Z.,

---

¹ Включен в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

Walker I. // The journal of climate change and health. – 2021. – Vol. 1. – 100003. – DOI: 10.1016/j.joclim.2021.100003

Kurth Ch., Pihkala P. Eco-anxiety: what it is and why it matters // *Frontiers in psychology*. – 2022. – Vol. 13. – 981814. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.981814

Mallet P. The development of eco-anxiety through middle childhood and adolescence // *Psychology*. – 2024. – Vol. 15, N 11. – P. 1697–1709.

Mental health and our changing climate: impacts, implications, and guidance / Clayton S., Manning C.M., Krygsman K., Speiser M. – Washington: American psychological association: ecoAmerica, 2017. – 69 p. – URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf> (accessed: 05.04.2025)

Understanding eco-anxiety: a systematic scoping review of current literature and identified knowledge gaps / Coffey Y., Bhullar N., Durkin J., Islam M.Sh., Usher K. // The journal of climate change and health. – 2021. – Vol. 3. – 100047. – DOI: 10.1016/j.joclim.2021.100047

Verplanken B., Marks E., Dobromir A.I. On the nature of eco-anxiety: how constructive or unconstructive is habitual worry about global warming? // *Journal of environmental psychology*. – 2020. – Vol. 72. – 101528. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2020.101528

References

Clayton S., Karazsia B.T. Development and validation of a measure of climate change anxiety. *Journal of environmental psychology*. – 2020. – Vol. 69. – 101434. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2020.101434

Climate change in the American mind: beliefs & attitudes, Fall 2024. Leiserowitz A., Maibach E., Rosenthal S., Kotcher J., Goddard E., Carman J., Myers T., Verner M., Marlon J., Goldberg M., Ettinger J., Fine J., Their K. Yale university¹; George Mason university. – New Haven (CT): Yale program on climate change communication, 2025. – 86 p.

Eco-anxiety and climate-anxiety linked to indirect exposure: A scoping review of empirical research. Jarrett J., Gauthier S., Baden D., Ainsworth B., Dorey L. *Journal of environmental psychology*. – 2024. – Vol. 96. – 102326. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2024.102326

Empirical evidence for climate concerns, negative emotions and climate-related mental ill-health in young people: a scoping review. Ramadan R., Randell A., Lavoie S., Gao C.X., Manrique P.C., Anderson R., McDowell C., Zbukvic I. *Early intervention in psychiatry*. – 2023. – Vol. 17, N 6. – P. 537–563. – DOI: 10.1111/eip.13374

From anger to action: differential impacts of eco-anxiety, eco-depression, and eco-anger on climate action and wellbeing. Stanley S.K., Hogg T.L., Leviston Z., Walker I. *The journal of climate change and health*. – 2021. – Vol. 1. – 100003. – DOI: 10.1016/j.joclim.2021.100003

Kurth Ch., Pihkala P. Eco-anxiety: what it is and why it matters. *Frontiers in psychology*. – 2022. – Vol. 13. – 981814. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.981814

---

¹ Включен в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

**Экотревожность: некоторые особенности негативных
и позитивных проявлений**

Mallet P. The development of eco-anxiety through middle childhood and adolescence. *Psychology*. – 2024. – Vol. 15, N 11. – P. 1697–1709.

Mental health and our changing climate: impacts, implications, and guidance. Clayton S., Manning C.M., Krygsman K., Speiser M. – Washington: American psychological association; ecoAmerica, 2017. – 69 p. – URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2017/03/mental-health-climate.pdf> (accessed: 05.04.2025)

The study of urban residents' perception of the environment: eco-anxiety and its overcoming. Kasatkina D.A., Mironova A.V., Nekhorosheva E.V., Avramenko V.G. Moscow city pedagogical university. – Moscow: Paradigma, 2023. – 44 p. (In Russian)

Understanding eco-anxiety: a systematic scoping review of current literature and identified knowledge gaps. Coffey Y., Bhullar N., Durkin J., Islam M.Sh., Usher K. *The journal of climate change and health*. – 2021. – Vol. 3. – 100047. – DOI: 10.1016/j.joclim.2021.100047

Verplanken B., Marks E., Dobromir A.I. On the nature of eco-anxiety: how constructive or unconstructive is habitual worry about global warming? *Journal of environmental psychology*. – 2020. – Vol. 72. – 101528. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2020.101528

УДК 316.4

Реф. ст.: ЗАТТЛЕГГЕР Л., НИЧКЕ Л., ШТИС И. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК¹

Ключевые слова: социально-экологические практики; теория практики; социальная экология; отношения общества с природой; трансформации; поездки на работу; садоводство.

Для цитирования: Башева О.А. [Реферат]. Заттлеггер Л., Ничке Л., Штис И. Концептуализация социально-экологических практик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 62–75. – Реф. ст.: Sattlegger L., Nitschke L., Stieß I. Conceptualizing social-ecological practices // Environmental sociology. – 2025. – P. 1–12. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23251042.2025.2473172> (accessed: 05.04.2025).

Реферат поступил: 07.04.2025.

Принят к публикации: 25.04.2025.

Article summary: SATTLEGGER L., NITSCHKE L., STIEß I. Conceptualizing social-ecological practices

Keywords: social-ecological practices; practice theory; social ecology; societal relations to nature; transformation; commuting; gardening.

For citation: Basheva O.A. [Article summary]. Social'nye i gumanitarne nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 62–75. – Article summary: Sattlegger L., Nitschke L., Stieß I. Conceptualizing social-ecological practices // Environ-

---

¹ Реферат выполнен по: Sattlegger L., Nitschke L., Stieß I. Conceptualizing social-ecological practices // Environmental sociology. – 2025. – P. 1–12. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23251042.2025.2473172>. – DOI: 10.1080/23251042.2025.2473172 (accessed: 05.04.2025).

mental sociology. – 2025. – P. 1–12. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23251042.2025.2473172> (accessed: 05.04.2025).

Received: 07.04.2025.

Accepted: 25.04.2025.

Введение

В марте 2025 г. в журнале «Environmental sociology» вышла статья сотрудников франкфуртского Института социально-экологических исследований¹ Лукаса Заттлеггера (Lukas Sattlegger), Луки Ничке (Luca Nitschke) и Иммануэля Штиса (Immanuel Stieß), в которой была предложена авторская концепция анализа социально-экологических практик. Данная концепция противопоставляется классическому подходу социальных практик и может быть использована при проведении эмпирических исследований.

Авторы критикуют подходы в рамках теории социальных практик, которые, как считается, позволяют анализировать рутину, привычки и изменения в поведении человека, но не могут описать естественную динамику воспроизводства практик и их трансформацию. Концепция отношений общества с природой (the concept of societal relations to nature) предоставляет своего рода линзу для изучения того, как практики вмешиваются в экологические структуры и процессы и как изменения в естественных средствах к существованию (natural livelihoods) влияют на практики. Представляя концепцию социально-экологических практик (the concept of social-ecological practices), авторы статьи предложили аналитическую модель для проведения эмпирических исследований отношений общества с природой с помощью праксиологического подхода. Данная модель позволяет анализировать стабильность и изменения в практиках, а также (не)устойчивость их социально-экологических взаимосвязей. Авторы выделили четыре основные связи, которые определяют воспроизводство практик: «вклад природы в практики», «экологические эффекты», «взаимосвязь практик» и «управление». Концептуализация практик как социально-экологических заостряет внимание на значимости отношений с природой в повседневной жизни и увеличивает потенциал для соединения практико-теоретических исследований со знаниями из наук об

---

¹ Institute for social-ecological research, ISOE. См.: URL: <https://www.isoe.de/en/> (accessed: 05.04.2025).

экологии. В качестве иллюстрации социально-экологических практик, имеющих как потенциал, так и барьеры для воспроизводства, авторы рассматривают городское садоводство и поездки на работу.

Концептуализация социально-экологических практик

Целью Л. Заттлеггера, Л. Ничке и И. Штиса было создание аналитической линзы для изучения социально-экологических проблем и их трансформаций в связи с включением природы в список объектов экологической социологии¹, а также для преодоления «великого разрыва» между природой и обществом, который ограничивает наше понимание мира и снижает возможности для решения критических экологических проблем². Говоря о социально-экологических практиках (вместо социальных), авторы сосредоточили внимание на взаимосвязи «социальных» и «природных» явлений, поскольку в большинстве научных работ, использующих теории социальной практики, упускаются из виду отношения человека и природы, за исключением случаев, когда природа представлена как ресурс³.

Авторы опираются на работу Теодора Шацки, утверждающего, что историю следует изучать как сферу и ход самоорганизующихся социоприродных связей практики и материальности. Шацки концептуализирует природу как реляционный компонент в связке «практика – организация» (the practice – arrangement nexuses), через которую развивается социальная жизнь⁴. История человечества, по Шацки, – это социально-естественная история, которая включает присутствие и различные роли природы в человеческом существовании; а технологии – это то, посредством чего люди управляют социальной жизнью и природой, являющейся ча-

---

¹ *Van Koppen C.S.A.* Incorporating nature in environmental sociology: a critique of Bhaskar and Latour, and a proposal // *Environmental sociology*. – 2017. – Vol. 3, N 3. – P. 173–185. – DOI: 10.1080/23251042.2016.1272180

² *Stuart D.* Crossing the “great divide” in practice: theoretical approaches for sociology in interdisciplinary environmental research // *Environmental sociology*. – 2016. – Vol. 2, N 2. – P. 118–131. – DOI: 10.1080/23251042.2016.1144242

³ *Maller C.* Turning things around: a discussion of values, practices, and action in the context of social-ecological change // *People and nature*. – 2023. – Vol. 5, N 2. – P. 258–270. – DOI: 10.1002/pan3.10272

⁴ *Schatzki T.* Nature and technology in history // *History & theory*. – 2003. – Vol. 42, N 4. – P. 82. – DOI: 10.1046/j.1468-2303.2003.00259.x

стью этой социальной жизни. Посредством технологий социально-естественная история обретает форму и развивается.

Авторы используют междисциплинарный подход для изучения проблем устойчивости, глубоко укорененных в повседневной жизни людей¹. Изучение образа жизни, включающего социально-экологические практики, позволяет анализировать то, как эти практики взаимодействуют, формируются, трансформируются и подвергаются влиянию материальных условий, других практик, а также экологической динамики на локальном и глобальном уровнях.

Выдвигая на первый план экологические процессы и динамику в анализе практик, авторы стремятся расширить эпистемологический потенциал практико-теоретических исследований двумя способами. Во-первых, с социологической точки зрения, экологические структуры и процессы можно анализировать как часть в связке практик с материальной организацией. Во-вторых, те же структуры и процессы можно изучать с точки зрения естественных наук. Предоставление природе и ее взаимосвязям с обществом места в связке практик и материальной организации способствует междисциплинарной связности теоретических исследований практики, создавая пограничный объект исследований экологической устойчивости. Это позволяет интегрировать социальные аспекты в экологические исследования и экологические аспекты в социологические исследования.

Материальность и природа в теории практики

В практико-теоретических подходах подчеркивается роль повседневных действий в социально-экологических преобразованиях, что смещает фокус с индивидуального поведения на привычные и социально разделяемые модели действий². Теория практики берет общие и коллективно доступные смыслы, формы знания и материальности в качестве аналитической отправной

---

¹ Plastic packaging, food supply, and everyday life / Sattlegger L., Stieß I., Raschewski L., Reindl K. // Nature and culture. – 2020. – Vol. 15, N 2. – P. 146–172. – DOI: 10.3167/nc.2020.150203

² Maller C. Op. cit.; Røpke I. Theories of practice – new inspiration for ecological economic studies on consumption // Ecological economics. – 2009. – Vol. 68, N 10. – P. 2490–2497. – DOI: 10.1016/j.ecolecon.2009.05.015; Shove E., Pantzar M., Watson M. The dynamics of social practice: everyday life and how it changes. – Los Angeles: SAGE, 2012. – 181 p.

точки, подчеркивая необходимость понимания действий в повседневной жизни как версии социально доступных практик. Как конгломерат различных элементов, практики связывают символические элементы, такие как ориентации, формы знания, значения и социальные нормы, с технологическими артефактами и объектами физического мира¹. Таким образом, объекты, навыки и ценности циркулируют между практиками, связывая их друг с другом во времени и пространстве². «Вдоль» этих связей формируются сети связанных практик³, которые в свою очередь представляют собой определенные организационные контексты, влияющие друг на друга. «Практики, воспроизводимые в домах, офисах и городах, обуславливают друг друга по-разному и с различными последствиями. Некоторые взаимодействия приводят к взаимной адаптации, другие – к разрушению, синергии или радикальной трансформации»⁴. Кроме того, сети практик могут иметь причинно-следственные связи, например в цепочках поставок, где одна практика зависит от элементов, которые являются результатом другой практики.

Для анализа роли природы в социальных практиках отправной точкой служит концептуализация материальности. Здесь можно выделить две основные перспективы: сетевой подход и нексус-подход⁵. Сетевой подход: 1) концептуализирует материальные элементы (объекты или технические устройства) как конститутивные компоненты, которые «проходят» через практики, стабилизируют их и создают связи и отношения между различными практиками; и 2) анализирует то, как материальные и символические элементы и процессы взаимосвязаны в конкретных практиках. А нексус-подход выделяет материальную организацию как среду

---

¹ Reckwitz A. Toward a theory of social practices // *European journal of social theory*. – 2002. – Vol. 5, N 2. – P. 243–263. – DOI: 10.1177/13684310222225432

² Castelo A.F.M., Schäfer M., Silva M.E. Food practices as part of daily routines: a conceptual framework for analysing networks of practices // *Appetite*. – 2021. – Vol. 157. – 104978. – DOI: 10.1016/j.appet.2020.104978

³ Diagramming social practice theory: an interdisciplinary experiment exploring practices as networks / Higginson S., McKenna E., Hargreaves T., Chilvers J., Thomson M. // *Indoor and built environment*. – 2015. – Vol. 24, N 7. – P. 950–969. – DOI: 10.1177/1420326X15603439

⁴ Shove E., Pantzar M., Watson M. Op. cit. – P. 86.

⁵ Nexus (от лат. «связь», «сцепление») – отношения или связь между людьми или предметами. – *Прим. редф.*

или контекст, в котором практики реализуются и на которую, в свою очередь, влияют.

Хотя в теории практики наблюдается определенный интерес к материальности, до сих пор предпринято мало попыток концептуализации роли природы в социальных практиках. Редко исследовалось то, как практики формируются и предопределяются экологическими структурами и процессами, и наоборот¹. Фокус на материальности довольно узкий и в основном касается социотехнических, а не социально-экологических взаимосвязей. В большинстве случаев материальность сводится лишь к технологиям или артефактам².

Но авторы рассматриваемой работы акцентируют внимание на то, что климатический кризис и сокращение биоразнообразия сделали экологический вопрос экзистенциальной проблемой для человечества и социальных практик, составляющих повседневную жизнь. Поэтому традиционные классификации таких понятий, как «материалы», «объекты» или «материальная организация» требуют уточнений и интеграции экологических структур и процессов в теории практики³. В этой связи работа Шацки дает отправную точку для более точной концептуализации связей между практиками и природой. Природа для Шацки – это любая вещь, процесс или событие, не находящиеся под контролем человека или не сформированные его деятельностью⁴. Тогда как социальное – это нечто, помогающее конституировать человеческое сосуществование или являющееся компонентом социальной жизни. С этой точки зрения, в какой-то степени противоречащей приведенному выше определению, природа является частью социальной сферы и сложным образом взаимосвязана с диадой «практика – организация».

---

¹ *Strengers Y., Maller C.* Dynamic non-humans in a changing world // *Social practices and dynamic non-humans: nature, materials and technologies* / ed. by C. Maller, Y. Strengers. – Cham: Springer, 2019. – P. 1–22.

² *Coutard O., Shove E.* Infrastructures, practices and the materiality of daily life: revisiting urban metabolism // *Handbook of infrastructures and cities* / ed. by O. Coutard, D. Florentin. – London: Edward Elgar, 2024. – P. 212–224; *Spurling N.* Matters of time: materiality and the changing temporal organisation of everyday energy consumption // *Journal of consumer culture*. – 2021. – Vol. 21, N 2. – P. 146–163. – DOI: 10.1177/1469540518773818

³ *Strengers Y., Maller C.* Op. cit.

⁴ *Schatzki T.* Op. cit. – P. 85.

Рассматривая роль природы в социальных практиках, Шацки выделил четыре типа отношений между практиками и материальным устройством – причинность (causality), формирование прообраза (prefiguration), конституция (constitution) и понятность (intelligibility), которые могут использоваться для концептуализации экологического измерения практик¹. Причинность – поскольку практики вмешиваются в мир и изменяют, создают или перестраивают природные сущности. Формирование прообраза – поскольку естественная среда делает определенные практики более простыми и вероятными, чем другие. Конституция – поскольку некоторые практики напрямую зависят от определенных природных элементов. И понятность – поскольку природные элементы наделены конкретными смыслами для людей, которые выполняют определенные практики.

Другая категоризация, полезная для изучения социально-экологических отношений как части практик, связана с различием «застывшей» материи (stuck matter) и «текучей» материей (loose matter)². Первая относится к материальности, которая остается, по существу, неизменной в ходе практик, а вторая состоит из биологических и физических потоков, которые проходят через связку «практика – организация». Эти потоки материи вряд ли могут быть концептуализированы как материальные элементы или устройство, но становятся ощутимыми при попытке различить экологические структуры и процессы³.

Концептуальная модель для исследования социально-экологических практик

Концепция общественно-природных отношений обеспечивает теоретическую основу для изучения социально-экологических взаимодействий. В ней «общество» и «природа» рассматриваются как фундаментальные и различаемые аспекты реальности, глубоко укорененные в повседневной жизни обществ, но не существующие

¹ *Schatzki T.* Materiality and social life // *Nature and culture*. – 2010. – Vol. 5, N 2. – P. 123–149. – DOI: 10.3167/nc.2010.050202

² *Ollinaho O.I.* Environmental destruction as (objectively) uneventful and (subjectively) irrelevant // *Environmental sociology*. – 2016. – Vol. 2, N 1. – P. 53–63. – DOI: 10.1080/23251042.2015.1114207

³ *Social ecology as critical, transdisciplinary science – conceptualizing, analyzing and shaping societal relations to nature / Hummel D., Jahn T., Keil F., Liehr S., Stieß I.* // *Sustainability*. – 2017. – Vol. 9, N 7. – P. 1050. – DOI: 10.3390/su9071050

независимо или отдельно друг от друга, поскольку они взаимосвязаны в «со-конститутивных» отношениях (co-constitutive relationship), вплоть до того, что их онтологическое разделение становится бесполезным.

Расширяя концепцию социальных практик, идея социально-экологических практик предлагает терминологию для лучшего понимания практик как проявления отношений общества с природой и тем самым подчеркивает материальность практик и их тесную взаимосвязь с экологическими структурами и процессами. Ссылаясь на К. Оррика, М. Доува и О. Шмитца¹, авторы не противопоставляют социально-экологические практики социальным практикам, а расширяют их фокус и сферу действия, подчеркивая, что природа составляет существенную часть материальности практик, и тем самым проливают свет на слепые пятна многих теоретических подходов к анализу практики.

Концептуализация отношений с природой и ее роли в воспроизводстве практик позволяет перейти от изучения сущностей к изучению реляционных социально-экологических процессов², рассматривая природу и общество как взаимопроницаемые и адаптируемые категории³.

Изучаемая связка «практика – организация» подразумевает определенные социально-экологические отношения, поэтому авторы предложили четыре основных типа таких отношений: вклад природы в практику (nature's contribution to practices), экологические эффекты (ecological effects), взаимосвязи практик (interrelations of practices) и управление (governance).

Вклад природы в практику включает материальные выгоды, такие как солнечная радиация или ветер, которые могут использоваться для выработки электроэнергии, или ресурсы для строительства и производства, а также эстетические выгоды или

---

¹ Orrick K., Dove M., Schmitz O.J. Human-nature relationships: an introduction to social-ecological practice theory for human-wildlife interactions // *AMBIO: a journal of the human environment*. – 2024. – Vol. 53, N 2. – P. 201–211. – DOI: 10.1007/s13280-023-01945-x

² A relational turn for sustainability science? Relational thinking, leverage points and transformations / West S., Haider L.J., Stålhammar S., Woroniecki S. // *Ecosystems & people*. – 2020. – Vol. 16, N 1. – P. 304–325. – DOI: 10.1080/26395916.2020.1814417

³ Freudenburg W.R., Frickel S., Gramling R. Beyond the nature/society divide: learning to think about a mountain // *Sociological forum*. – 1995. – Vol. 10, N 3. – P. 361–392. – DOI: 10.1007/BF02095827

ущерб. Эта концептуализация позволяет проследить, как «текучая» материя проходит через практики и преобразуется ими.

Экологические эффекты могут быть неотъемлемой частью исполнения практики, например в садоводстве или культивировании. Они могут возникнуть как косвенные и непреднамеренные последствия, к примеру, выбросы парниковых газов при поездках на работу на автомобиле. Практики и материальная организация могут оказывать негативное воздействие на экологические структуры и процессы, разрушая экосистемы или нарушая экологические процессы, но также и положительное воздействие, допустим, посредством природоохранных практик. Следует различать прямые экологические воздействия, например использование пестицидов в садоводстве, и опосредованные экологические воздействия, которые возникают из-за взаимосвязей с другими практиками и материальной организацией, к примеру фрагментация леса при строительстве шоссе.

Взаимосвязи практик. Практики и организация связаны и расположены в сетях различными способами. Во-первых, между ними существует пространственно-временная связь, например когда для нескольких практик используются одни и те же элементы или организация. Во-вторых, отдельные субъекты как носители практик являются центральным звеном между практиками и их элементами: люди ходят на работу и по магазинам, заботятся о других и занимаются хобби в последовательности и координации с другими людьми. Часто это приводит к временным или пространственным (взаимо) зависимостям между практиками: практики должны выполняться в определенном порядке или могут выполняться только тогда, когда одновременно выполняется другая практика.

Управление. Практики и материальная организация намеренно регулируются практиками политиков, от которых сильно зависит трансформация или стабильность связок «практика – организация». Изменение правил и положений может сильно трансформировать практики, поскольку практики управления задают рамки для многих практик повседневной жизни и формируют для них материальные условия. В то же время реконфигурация повседневных практик влияет на то, как эти практики управляются¹. Та-

---

¹ *Shove E.* Putting practice into policy: reconfiguring questions of consumption and climate change // *Contemporary social science.* – 2014. – Vol. 9, N 4. – P. 415–429. – DOI: 10.1080/21582041.2012.692484

ким образом, трансформация практик не является прямым результатом управления со стороны центров власти, а основана на всех пересечениях внутри сети практик и организации¹.

Разграничение этих четырех типов отношений открывает аналитическое пространство для изучения социально-экологической укорененности практик и позволяет выявить конкретные взаимозависимости между практиками и их социально-экологическими эффектами и причинами.

Поездки на работу и городское садоводство как социально-экологические практики

Иллюстрацией того, как модель социально-экологических практик может быть применена в эмпирических исследованиях, служат два примера: городское садоводство и поездки на работу. Они характеризуются разными социально-природными отношениями и ставят разные проблемы для эмпирических исследований.

Городское садоводство. Практика садоводства напрямую зависит от экологических процессов и состоит из них, поскольку они обеспечивают своего рода материальный субстрат, с которым и работают специалисты-садоводы. Этот субстрат состоит не только из фиксированных сущностей, но и включает в себя несколько важных потоков «текучего» вещества, включая воду, солнечный свет и даже животных, например опыляющих насекомых². Садоводы строго координируют свои действия с территориальными и погодными условиями и ростом растений³. Они могут конкурировать с экологическими процессами, которые препятствуют достижению их цели, например, борясь с сорняками, или чувствовать синергию и поддержку природы через действия полезных микроорганизмов, создающих здоровую структуру почвы. Вклад природы в практику садоводства может быть материальным, например прямая поддержка экологической динамики может проявиться через полив растений дождем; или символическим – в форме пережи-

---

¹ *Schatzki T. Practices, governance and sustainability // Social practices, intervention and sustainability: beyond behaviour change / ed. by Y. Stengers, C. Maller. – London: Routledge, 2015. – P. 15–30.*

² *Ollinaho O.I. Op. cit.*

³ *Čepić S., Tomičević-Dubljević J., Pálsdóttir A.M. Unveiling human-nature interaction: qualitative exploration of perceived benefits of urban gardening // Health & place. – 2024. – Vol. 88. – 103276. – DOI: 10.1016/j.healthplace.2024.103276*

вания природного опыта, который встроен в смысл практики через понимание ценности дикой природы, личное удовольствие и благополучие. Примерами таких переживаний служат ощущение вкуса домашних помидоров, запаха полевых цветов или радость от рассматривания разноцветных листьев осенью.

Изменчивость и текучесть садоводческих практик затрудняют оценку их экологических эффектов: садоводство может как увеличивать, так и сокращать биоразнообразие в саду и за его пределами¹. С одной стороны, сады служат средой обитания для диких видов и обеспечивают продовольствием и экологическими нишами насекомых и других животных, но с другой – монокультуры, такие как газоны, или использование химических гербицидов и инсектицидов создают довольно враждебные для животных и растений пространства.

Что касается социальной стороны вопроса, то теоретические исследования практики показали, что садоводство тесно взаимосвязано с другими практиками повседневной жизни, включая семейные и бытовые². А именно с переживанием природного опыта, приводящего к изменениям в управлении природой и местом, а также к изменению моделей городской мобильности, путешествий и покупок продуктов³. Следовательно, основные экологические эффекты городских садоводческих практик могут заключаться во взаимосвязях практик, а не в прямых эффектах самого садоводства. Выделение управления как особой формы взаимосвязи открывает поле для междисциплинарных дискуссий с лицами, принимающими решения. Связь частных садоводческих практик с регулируемыми практиками муниципального управления или садоводческих ассоциаций может способствовать совместному определению проблем в процессах трансформации.

---

¹ *Home R., Lewis O., Bauer N.* Effects of garden management practices, by different types of gardeners, on human wellbeing and ecological and soil sustainability in Swiss cities // *Urban ecosystems*. – 2019. – Vol. 22, N 1. – P. 189–199. – DOI: 10.1007/s11252-018-0806-2

² *Maller C.* Op. cit.

³ *Mumaw L.M., Maller C., Bekessy S.* Strengthening wellbeing in urban communities through wildlife gardening // *Cities and the environment*. – 2017. – Vol. 10, N 1. – P. 1–18; *Suski P., Augenstein K., Greiff K.* Life cycle assessment of consumption patterns – understanding the links between changing social practices and environmental impacts // *Journal of cleaner production*. – 2024. – Vol. 477. – 143813. – DOI: 10.1016/j.jclepro.2024.143813

Поездки на работу. Сложность поездок на работу как практики проявляется в их тесной взаимосвязи с другими практиками повседневной жизни, практиками управления и многообразными материальными условиями¹. Поездки на работу обычно проблематизируются как экологически неустойчивые, поскольку оказывают многочисленные прямые негативные экологические эффекты, например выбросы CO₂, оксидов азота и твердых частиц, фрагментацию экосистем или гибель животных на дорогах. Однако взаимосвязи с природой, множественные экологические эффекты поездок на работу легко теряются в эмпирических исследованиях среди огромного разнообразия задействованных антропогенных элементов (например транспортных средств, улиц, железнодорожных линий, смартфонов). Анализ подобных поездок как социально-экологической практики направлен на то, чтобы уделять больше внимания ее связям с природой и, в частности, тому, как их можно трансформировать, чтобы они стали менее пагубными.

Практика поездок на работу охватывает определенные смыслы (например потерянное время, стресс, гибкость), компетенции (например организация повседневной жизни, наличие водительских прав, параллельные поездкам на работу виды деятельности) и материальности (например автомобиль, собственное тело, смартфон). Материальная организация пространства поездок на работу состоит из таких аспектов, как например дорожная сеть, заправочные станции, другие участники дорожного движения.

Различные экологические структуры и процессы вносят разный вклад в практику поездок на работу. Одним из очевидных примеров является влияние погоды (например снег, дождь, жара, гололед) и (меняющегося) климата на то, как поездки на работу выполняются и воспринимаются. Экстремальные погодные условия, проявляющиеся через затопления, блокирование или разрушение улиц, мостов, подземных переходов или туннелей, влияют на поездки на работу напрямую материально, но также и символически – через воспринимаемую опасность или снижение комфорта. Другой пример – топография, которая формирует пространство

---

¹ *Cass N., Faulconbridge J. Commuting practices: new insights into modal shift from theories of social practice // Transport policy. – 2016. – Vol. 45. – P. 1–14. – DOI: 10.1016/j.tranpol.2015.08.002; Meinherz F., Binder C.R. The dynamics of modal shifts in (sub)urban commuting: an empirical analysis based on practice theories // Journal of transport geography. – 2020. – Vol. 86. – 102763. – DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2020.102763*

для поездок на работу, поскольку улицы в холмистых ландшафтах предполагают больше мостов и туннелей. Определенные топографии или климатические условия могут благоприятствовать поездкам на работу на автомобиле по сравнению с другими методами поездок. Наконец, для строительства и эксплуатации автомобилей, поездов, автобусов, улиц и железнодорожных путей необходимо потребить огромное количество природных ресурсов¹.

Природа также может быть символической частью поездок на работу с точки зрения экологической информированности. Частые экстремальные погодные явления, наблюдение за гибелью животных на дорогах или разрушенными экосистемами во время этих поездок могут повлиять на экологическую осведомленность водителей и пассажиров и, таким образом, изменить их приверженность к поездкам на машине в сторону более экологически устойчивых практик поездок. Все это касается негативных смыслов, но есть и позитивные. Придание таких смыслов, как «свободное время» и «релаксация», поездкам на (электро)велосипедах, если они осуществляются в зеленых зонах и при благоприятных погодных условиях, также может способствовать отказу от использования личного автомобиля².

Предложенная модель концептуализирует обратную связь между экологическими эффектами и управлением, которую можно легко контролировать.

Краткие выводы: анализ и поддержка устойчивых преобразований с помощью подхода социально-экологических практик

Концепция социально-экологических практик позволяет лучше понять, как практики и материальная организация изменяются в социально-экологических отношениях и как они пересекаются с крупномасштабными процессами, вызывающими социально-экологические кризисы. В большинстве исследований, вдохновленных теорией практики, экологические структуры и процессы отсутствуют или включены в обширный набор материальных аспектов, тогда как их вклад в обеспечение, формирование и ограничение

---

¹ *Urry J. Mobilities.* – Cambridge: Polity, 2007. – 366 p.

² *Schneider P.R. From elements to policies: a Shovian social practice perspective on pathways to facilitate daily E-bike commuting // Transport policy.* – 2023. – Vol. 143. – P. 36–45. – DOI: 10.1016/j.tranpol.2023.08.015

воспроизводства практик упускается из виду. Напротив, подход, предложенный авторами статьи, позволяет подробно рассмотреть, как практики зависят от вклада природы, вмешиваются в экологические структуры и процессы и стабилизируются или изменяются в ответ на сети практик. Это особенно актуально, поскольку влияние экологических структур и процессов на практики резко изменится в ближайшие десятилетия из-за последствий сокращения биоразнообразия и обостряющегося климатического кризиса. Отслеживая существующие социально-экологические отношения, предложенная модель позволяет не только исследовать то, как практики могут быть затронуты, но и как практики управления могут реагировать на них.

Внимание к вкладу экологических структур и процессов в материальную организацию практик может информировать о методах управления и планирования для снижения нагрузки на окружающую среду определенных инфраструктур. Примерами являются строительство транспортной инфраструктуры в большей гармонии с окружающей средой, управление использованием ресурсов или обеспечение большего контакта с природой в городах.

О.А. Башева*

---

* © Башева О.А., реферат, 2025.

Башева Ольга Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; OlgaAUsacheva@yandex.ru

Basheva Olga Alexandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; OlgaAUsacheva@yandex.ru

---

УДК 551.583

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.05

ЧУВЫЧКИНА И.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: LINDVALL D. CLIMATE CHANGE AND THE ENDURANCE OF DEMOCRACY. – Охон; New York: Routledge, 2025. – 156 p. [ЛИНДВАЛЛ Д. ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И УСТОЙЧИВОСТЬ ДЕМОКРАТИИ]

Аннотация. Представленная монография описывает растущую область исследований, которая изучает политические и социально-экономические последствия климатического кризиса. Исследуются проблемы, которые изменение климата создает для устойчивости демократии. Автор анализирует то, как климатический кризис может привести к продовольственной небезопасности, экономическим рецессиям и углублению социально-экономического неравенства. В книге обсуждаются вызовы и риски для демократической стабильности.

Ключевые слова: изменение климата; демократия; авторитаризм; продовольственная безопасность; общественное мнение; коллективные действия; неравенство; нестабильность.

Для цитирования: Чувычкина И.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 76–88. – Рец. на кн.: Lindvall D. Climate change and the endurance of democracy. – Охон; New York: Routledge, 2025. – 156 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.05

Рецензия поступила: 24.04.2025.

Принята к публикации: 05.05.2025.

---

* Чувычкина Инна Александровна – PhD in Economics and Social Sciences, научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН; chuvyckina@yandex.ru

CHUVYCHKINA I.A. ** Book review: Lindvall D. Climate change and the endurance of democracy. – Охон; New York: Routledge, 2025. – 156 p.

Abstract. The monograph describes a growing field of research that examines the political and socioeconomic consequences of the climate crisis. It demonstrates the problems that climate change poses to the sustainability of democracy. The author analyzes how the climate crisis can lead to food insecurity, economic recessions and deepening socioeconomic inequality. The book discusses the challenges and risks to democracy stability.

Keywords: climate change; democracy; authoritarianism; food security; public opinion; collective action; inequality; instability.

For citation: Chuvychkina I.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 76–88. – Book review: Lindvall D. Climate change and the endurance of democracy. – Охон; New York: Routledge, 2025. – 156 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.05

Received: 24.04.2025.

Accepted: 05.05.2025.

Связь между демократией и изменением климата сложна и многогранна. С одной стороны, демократические системы часто рассматриваются как более подготовленные к решению долгосрочных проблем, таких как изменение климата, благодаря своей прозрачности, подотчетности и механизмам общественного участия. С другой стороны, демократии также могут бороться с краткосрочными политическими и электоральными циклами, поляризацией общественных мнений и лоббированием краткосрочных бизнес-интересов, что может препятствовать решительным действиям по борьбе с изменением климата. Некоторые исследователи утверждают, что демократия плохо подготовлена к решению неотложных задач изменения климата, что может привести к авторитаризму [Brechin, Lee, 2023], в то время как другие предполагают, что проблемы климата могут активизировать демократическое участие и управление [Lindvall, Karlsson, 2024]. Представленная

** Chuvychkina Inna Alexandrovna – PhD in Economics and Social Sciences, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; chuvychkina@yandex.ru

монография шведского исследователя Дэниеля Линдвалла является продолжением его многолетних научных поисков в данной области и рассматривает то, как катастрофические события исторически влияли на человеческое мышление и деятельность, и как климатический кризис, вероятно, повлияет на демократическое развитие в будущем.

В первой главе Д. Линдвалл в полной мере доступно и понятно формулирует проблему своего исследования, которая затрагивает взаимосвязь между изменением климата и устойчивостью демократии, утверждая при этом, что антропогенное потепление представляет существенную угрозу демократическим институтам и свободам. Колебания климата, влекущие за собой разрушительные природные катастрофы, усугубляют социально-экономическое неравенство, провоцируют социальные беспорядки, а также влияют на средства к существованию людей и экосистем, нанося ущерб жилью и инфраструктуре и создавая нагрузку на экономические и социальные системы [Lindvall, 2025, p. 1–2]. Главной целью книги, как отмечается, является не изучение существующих ограничений демократии в борьбе с изменением, но анализ влияния последствий климатического кризиса на демократию, а именно на то, как трансформация климата изменяет устоявшиеся социальные нормы, деятельность человека и политические дискурсы [ibid., p. 3]. Линдвалл при этом отмечает, что в своем исследовании опирается на более широкое понятие демократии, предполагающее соблюдение основных прав человека и подотчетность закону всех граждан без исключения.

Актуальность исследования определяется тем фактом, что климатический кризис переплетен с такими глобальными явлениями, как экономическое неравенство, политическая поляризация и рост авторитаризма. Эти взаимосвязанные кризисы усиливают друг друга, создавая «поликризис»¹, который усложняет управление и устойчивость демократии. Вместе с этим в данном контексте автор особо акцентирует внимание на проблеме отрицания климатических изменений в рамках правого популизма, которая представляет двойную угрозу – и демократии, и эффективным действиям в борьбе с изменением климата. Популистские лидеры и партии

---

¹ Поликризис (polycrisis) – ситуация, при которой несколько глобальных кризисов происходят одновременно, усиливая друг друга и создавая комплексную трудноразрешимую проблему. Решение данного типа кризиса требует многогранного системного подхода и международной кооперации.

часто преуменьшают значимость проблемы изменения климата и проведения соответствующей политики, еще больше подрывая доверие к демократическим институтам. В заключение главы Линдвалл обосновывает необходимость новых подходов в социальных науках, которые учитывали бы роль природы. Как справедливо отмечает автор, взаимодействие между деятельностью человека и природными силами должно быть рассмотрено для понимания и решения социальных и политических последствий изменения климата. Данный подход был предпринят им в рассматриваемой монографии.

Центральной темой второй главы являются исторические и концептуальные связи между ископаемым топливом, демократией и изменением климата. При этом также рассматривается то, как антропогенная деятельность повлияла как на свободу человека, так и на ухудшение состояния окружающей среды. Детально описывая в начале главы последствия землетрясения в Лиссабоне в 1755 г., Линдвалл отмечает, что данная природная катастрофа стала поворотным моментом в человеческой мысли, бросив вызов божественным объяснениям стихийных бедствий и ускорив секуляризацию и распространение идей Просвещения. Землетрясение побудило ученых искать рациональные и естественные объяснения катастрофы. Началась смена парадигмы восприятия природы с той, где она видится как проявление божественной воли, на ту, где она рассматривается как контролируемый ресурс. Это во многом способствовало будущей индустриализации экономики и становлению современной демократии [Lindvall, 2025, p. 15]. Рассуждая о взаимосвязи между ископаемым топливом и демократией, с одной стороны, подчеркивается, что промышленная революция, основанная на использовании угля, а позднее нефти, способствовала беспрецедентному материальному процветанию и расширению демократических свобод. С другой – также отмечается негативное воздействие «ресурсного проклятия»¹, которое подрывает демократические институты, обогащая политические элиты и поддер-

---

¹ Ресурсное проклятие (resource curse) – это феномен, при котором страны, богатые природными ресурсами (нефть, газ, алмазы и др.), часто демонстрируют более низкие темпы экономического роста, слабые институты и повышенную социально-политическую нестабильность по сравнению с менее ресурсообеспеченными государствами. Ресурсное проклятие происходит в силу экономической зависимости от одного сектора добывающей промышленности, когда практически не создается добавленная стоимость и отсутствует достаточная диверсификация экономической деятельности.

живая авторитарные режимы. Вместе с тем автор подчеркивает вклад капитализма и колониализма в ухудшение состояния окружающей среды, особо акцентируя аспекты ответственности в рамках концепций капиталоцена (capitalocene) и колониалоцена (colonialocene) [ibid., p. 20–21]. Наряду с этим автор обсуждает взаимосвязь между климатическим кризисом и свободой человека, небезосновательно указывая, что данная свобода может быть ограничена, поскольку в условиях климатического кризиса могут возникать ограничения для тех или иных действий, как индивидуальных, так и коллективных. В заключение второй главы автор проводит исторические параллели, демонстрируя, что так же, как землетрясение в Лиссабоне преобразовало мышление людей в XVIII веке, изменение климата может аналогичным образом трансформировать современное человеческое мышление и политические действия. Растущая частота климатических катастроф может мотивировать общества к более активному решению экологических кризисов.

В рамках третьей главы рассматривается то, как экстремальные климатические явления (в частности частота и серьезность лесных пожаров) влияют на политические мнения и рассуждения людей, нарративы и идеологии. Описывая в качестве примера разрушительные пожары в Педроган-Гранде в Португалии в 2017 г. и лесные пожары в Австралии в 2019–2020 гг., получившие название «Черное лето», Линдвалл справедливо отмечает их психологическое и социальное воздействие на население и подчеркивает, что данные явления способны вызвать сильные эмоциональные реакции, включая экологическую тревогу, экологическую скорбь и экзистенциальный страх [Lindvall, 2025, p. 30]. Однако наряду с этим растет также осведомленность людей об эффектах климатического кризиса и происходит осмысление последствий пренебрежительного отношения человека к окружающей среде. Помимо этого, в главе анализируются политические эффекты изменения климата. Мнения о последствиях изменения климата существенно различаются среди разных социальных групп в зависимости от политических пристрастий и мировоззрения. Некоторая часть населения может интерпретировать лесные пожары, волны тепла, наводнения и ураганы как последствия изменения климата, другая же рассматривает их просто как стихийные бедствия. Наиболее наглядно контраст общественных мнений проявляется в политически поляризованных странах, таких как США, где сторонники демократической партии более склонны поддерживать действия по защите окружа-

ющей среды [ibid., p. 33]. Вместе с тем в некоторых случаях климатические катастрофы способны повлиять на результаты выборов. Так, например, последствия, связанные с разрушительными лесными пожарами и наводнениями на севере Нового Южного Уэльса и в г. Брисберне, способствовали поражению консервативного правительства на федеральных выборах в Австралии в 2022 г. Таким образом, автор демонстрирует, что климатические катастрофы изменяют общественные настроения, политический дискурс и демократические процессы, обладая как объединяющим, так и разделяющим потенциалом в зависимости от общественного и идеологического контекста. При этом подчеркивается важное значение наличия качественных политических институтов, которые способны агрегировать проблемы и интересы населения, способствовать социальной сплоченности и оперативным действиям в кризисных ситуациях [ibid., p. 37].

В четвертой главе климатические экстремальные явления рассматриваются как «критически важные моменты»¹, которые могут либо возродить демократию, либо ее подорвать и усилить авторитарные тенденции в зависимости от политического и социального контекста. К примеру, ураган Сан-Зенон в Доминиканской Республике в 1930 г. стал поворотным событием, предоставившим возможность авторитарным лидерам объявить чрезвычайное положение, а также утвердить и консолидировать свою власть. По большому счету климатические катастрофы в странах со слабыми демократическими системами и авторитарными режимами предоставляют повод не только для объявления чрезвычайных ситуаций и централизации власти, но также и для вытеснения политической оппозиции и подавления инакомыслия. К тому же стихийные бедствия усиливают коррупцию при распределении помощи и подрывают доверие, особенно в авторитарных или нестабильных государствах, что делает их более уязвимыми к последствиям изменения климата [Lindvall, 2025, p. 50]. Помимо этого, природные катастрофы способны нарушить демократические процессы (например выборы, управление) и углубить поляризацию. Например, в такой стране с нестабильной демократией, как Мозамбик, циклоны использовались для манипулирования выборами в 2019 г.

---

¹ Критически важные моменты (critical junctures) – переломные моменты, или изменения в истории стран, организаций или социальных систем, когда принимаемые решения или происходящие события существенно меняют дальнейшее развитие, задавая его долгосрочную траекторию.

В результате разрушенной инфраструктуры было затруднено участие избирателей в выборах в некоторых регионах страны, а помощь и распределение продовольствия и жилья использовались как стратегия предвыборной кампании правящей партии. Вместе с тем природные катастрофы представляют собой окно возможностей¹ и способствуют возникновению солидарности и мобилизации гражданского общества, а также усилению демократического участия и подотчетности. Примерами служат циклон Бхола в 1970 г., который подстегнул движение за независимость в Бангладеш, и землетрясение в Непале в 2015 г., которое способствовало конституционным реформам в стране. Линдвалл приходит к выводу, что экстремальные климатические явления оказываются непредсказуемыми катализаторами, способными укрепить автократию или активизировать демократическое обновление. Их конечный эффект зависит от институциональной устойчивости, социальной сплоченности общества и реакции на них политического руководства.

Пятая глава посвящена анализу взаимосвязей между продовольственной безопасностью, изменением климата и демократической стабильностью. Рост глобальной температуры, засуха и экстремальные погодные явления нарушают сельскохозяйственное производство, особенно в уязвимых регионах, таких как Северная Африка, Ближний Восток и страны Африки к югу от Сахары. Эти нарушения приводят к неурожаю, дефициту воды и резкому росту цен на продовольствие, что усугубляет продовольственную безопасность. Автор особо подчеркивает, что благодаря механизации и внедрению новых технологий (таких как химические удобрения, пестициды, современная ирригационная инфраструктура и качественные семена) урожайность резко возросла. Однако вместе с тем возросли и экологические риски. Существенным вызовом, как отмечается, станет обеспечение продовольственной безопасности для растущего населения мира и снижение воздействия сельского хозяйства на климат [Lindvall, 2025, p. 62]. При этом продовольственная безопасность может также выступать в качестве катализатора политических беспорядков.

---

¹ Окно возможностей (window of opportunity) – ограниченный по времени период, в течение которого складываются благоприятные условия для реализации каких-либо изменений: политических реформ, технологических прорывов, бизнес-решений или социальных преобразований.

Впрочем, связь между демократизацией и продовольственной безопасностью является предметом споров между учеными и экспертами. Линдвалл придерживается мнения, что Арабская весна в 2010–2011 гг. стала примером того, как ценовые колебания на продовольствие, вызванные климатическими событиями (такими как аномальная жара в России, которая привела к введению запрета на экспорт российского зерна из нашей страны), могут спровоцировать протесты против коррумпированных и авторитарных режимов [Lindvall, 2025, p. 60]. Тем не менее такие коллективные движения зачастую не в состоянии удерживать и реализовывать демократические достижения в долгосрочном периоде. Так, опыт Арабской весны показывает, что демократическим движениям может быть сложно конструктивно извлечь выгоду из продовольственного кризиса. Данное утверждение особенно справедливо в странах с низким уровнем дохода и там, где гражданское общество слабо и раздроблено, как это было в Египте [ibid., p. 70]. Что касается различий между демократическими и авторитарными странами с точки зрения продовольственной безопасности, то стоит отметить, что, хотя демократии менее подвержены голоду, в силу возможности для открытой мобилизации общества они все же уязвимы для беспорядков, вызванных ростом цен на продовольствие. Авторитарные режимы, в свою очередь, могут подавлять инакомыслие с помощью субсидий или репрессий, но их неэффективность часто усугубляет продовольственные кризисы [ibid., p. 67–68]. В заключение главы автор отмечает возможные будущие риски, заключающиеся в том, что изменение климата способно усугубить продовольственную нехватку, особенно в демократиях с низким уровнем дохода и слабыми институтами. Рост цен может обострить поляризацию, подстегнуть национализм и подорвать социальную сплоченность, создавая долгосрочную угрозу для глобальной демократической стабильности.

Фокус исследования Линдвалла в шестой главе направлен на экономические и демократические последствия изменения климата. При этом автор обоснованно отмечает, что экстремальные климатические явления будут становиться экономически обременительными и потенциально могут спровоцировать экономические рецессии и финансовую нестабильность. На примере последствий урагана «Митч» в 1998 г. в регионе Карибского моря Линдвалл демонстрирует, как климатические катастрофы могут ухудшить экономическое положение, особенно в уязвимых регионах. Ураган «Митч» нанес ущерб, эквивалентный 70% ВВП Гондураса, ниве-

лировал десятилетия экономического развития и дестабилизировал демократическое развитие страны [Lindvall, 2025, p. 79–80].

В шестой главе также акцентируется внимание на трех концепциях роста, в рамках которых возможен баланс между экономическим ростом и устойчивостью. Согласно концепции «зеленого роста» (green growth) экономическое развитие происходит без существенного вреда экологическим системам, так как внедряются новые и чистые технологии, производство становится более энергоэффективным, а сектор услуг расширяется. Это позволяет достигнуть роста ВВП при сокращении углеродных выбросов, в чем, по мнению автора, определенного успеха достигли некоторые страны ЕС. В соответствии с концепцией «антироста», или «построста» (degrowth or post-growth)¹, необходимо сокращение ресурсоемких секторов и чрезмерного потребления для соблюдения планетарных границ². Тем не менее, как отмечается, сценарий «построста» противоречит интересам бизнеса и скорее всего неосуществим из-за общественной поддержки экономического роста и соответствующей электоральной динамики [Lindvall, 2025, p. 83]. В рамках агностического подхода (agrowth)³ приоритет отдается устойчивым секторам (например возобновляемым источникам энергии) при значительном снижении важности вредных видов экономической деятельности и без прямого отказа от роста. Тем не менее, как утверждается в главе, остается неясным, будет ли достаточным масштабирование чистой энергии и зеленых техноло-

---

¹ Концепция «антироста» (или «построста») предусматривает отказ от роста ВВП как цели, от разрушительных и ненужных форм производства для сокращения использования энергии и материалов, и призывает сосредоточить экономическую деятельность на обеспечении человеческих потребностей и благополучия. Как предполагается, данный подход должен обеспечить быструю декарбонизацию и остановить экологический кризис, одновременно улучшая социальные показатели.

² Планетарные границы – концепция, разработанная в 2009 г. группой ученых под руководством Йохана Рокстрёма (Johan Rockström) и Уилла Стеффена (Will Steffen), которая определяет безопасные пределы антропогенного воздействия на Землю, необходимые для сохранения стабильности экосистем и жизни человечества.

³ Эта концепция, предложенная Й. ван ден Бергом (J. Van den Bergh), предполагает, что политические решения должны быть направлены на более широкие, чем рост, цели, такие как экологическое равновесие, здоровье, социальное равенство и благополучие населения. При этом отличительной чертой подхода является его нейтральность по отношению к любым моделям роста, он не поддерживает ни «зеленый рост», ни «антирост».

гий, чтобы надлежащим образом ограничить антропогенное давление на Землю [ibid., p. 92]. Вместе с тем Линдвалл рассматривает системные вызовы в рамках трилеммы «демократия, снижение загрязнений и экономический рост», среди которых перечисляются продолжающееся доминирование ископаемого топлива, предпочтение краткосрочному росту долгосрочной устойчивости, а также согласование в демократических странах требований избирателей в отношении экономического процветания с экологическими ограничениями. Таким образом, в главе разумно подчеркивается, что изменение климата вынуждает демократии находить баланс между экономическим ростом, экологическими ограничениями и политической стабильностью, а зеленые технологии и концепции экономического роста предлагают при этом прагматичные пути развития.

Седьмая глава развернуто рассматривает сложную взаимосвязь между изменением климата, социально-экономическим неравенством и упадком демократии. Линдвалл заостряет внимание на том, что изменение климата может также усугубить нищету и экономическое неравенство внутри стран и между странами и регионами. Приводя в пример ураган «Катрина» в США в 2005 г., автор описывает, как его последствия непропорционально повлияли на маргинализированные слои населения, увеличив разрыв в благосостоянии между социальными группами. Более бедные сообщества, часто не имеющие ресурсов для восстановления жизнедеятельности, сталкиваются с большими трудностями, в то время как более богатые люди и страны более устойчивы в таких ситуациях [Lindvall, 2025, p. 99]. К тому же климатические потрясения могут обострить политическую изоляцию и расовую дискриминацию или то, что некоторые называют «экологическим расизмом». Так, после урагана «Катрина» домохозяйства латиноамериканцев и афроамериканцев понесли более значительные потери [ibid., p. 102]. При этом глобальное потепление увеличивает разрыв в благосостоянии за счет растущих расходов на страхование и энергию, непропорционально обременяя группы с низким доходом. Растущее неравенство в контексте изменения климата способствует политической поляризации, подрывает доверие к институтам и усиливает популистские движения. Маргинализированные группы чувствуют себя исключенными и разочаровываются в демократических институтах, усугубляя эрозию демократии. В качестве политического решения проблем, связанных с неравенством и изменением климата, Линдвалл детально рассматривает роль прогрессивной шкалы углеродных налогов. Восприятие справедливости имеет при этом

решающее значение для общественного принятия. Как утверждается, политика в данном направлении должна избегать обременения уязвимых групп при одновременном воздействии на производителей большого количества выбросов. Тем не менее подчеркивается, что углеродный налог не является исчерпывающей мерой, и борьба с планетарным климатическим кризисом и растущим неравенством доходов требует и других финансовых мер, более эффективной социальной политики, инвестиций, распространения экологических норм и стандартов и следования им [ibid., p. 115]. В целом изменение климата является не просто экологическим кризисом, а катализатором социальной и политической нестабильности, требующей комплексных решений.

Заключительная восьмая глава посвящена влиянию изменения климата на возможность социальной мобилизации и массовых движений. Период сильной жары в Швеции в 2018 г. и последующие за ней протестные акции «Пятницы ради будущего» продемонстрировали, как экстремальные погодные условия могут стимулировать массовые движения. Проживание личного опыта климатических катаклизмов (например волны аномально высокой температуры или наводнения) может способствовать изменению общественного восприятия соответствующей проблемы и перехода общества от состояния абстрактной обеспокоенности к неотложным действиям, новой коллективной идентичности и формированию нарративов межпоколенческой справедливости [Lindvall, 2025, p. 126].

Линдвалл задается вопросом, выдержит ли демократия испытание климатическим кризисом, и детально описывает возможные пути решения. К примеру, рост использования источников возобновляемой энергии способствуют децентрализации потребления энергоресурсов, а пользователи солнечных батарей становятся не только потребителями, но и производителями энергии, так называемыми просьюмерами¹, сокращая свою зависимость и зависимость своих сообществ от углеводородного сырья как источника энергии. Эти процессы способствуют энергетическому переходу, который, в свою очередь, может послужить ослаблению

---

¹ Просьюмер (prosumer = producer + consumer) принимает участие в процессе производства товаров и услуг, потребляемых им самим. В контексте энергетического перехода просьюмеры часто становятся членами энергетических сообществ (кооперативов), которые имеют демократическую структуру управления. – *Прим. ред.*

авторитарных режимов, зависящих от экспорта ископаемого топлива, и изменить политическое соотношение сил в мире. В конечном счете, по мнению автора, устойчивость демократии в условиях трансформации климата определяется способностью людей развивать идеи, сотрудничать, мобилизовываться и действовать коллективно. Экстремальные климатические явления могут подвергнуть демократию давлению, но они также могут открыть окно перемен, которое можно использовать для вовлечения и мобилизации общества [Lindvall, 2025, p. 132].

Представленное в монографии исследование содержит комплексный анализ взаимосвязей изменения климата как с различными политическими и социально-экономическими аспектами жизни людей, так и с демократическим политическим режимом в целом. Поднимаемые в книге вопросы являются актуальными при обсуждении животрепещущих проблем, касающихся всех стран мира. В монографии приводится значительное количество примеров кризисных климатических явлений и их влияния на социальное и политическое развитие стран и регионов. Книга содержит обширный объем информации, связанной с адаптацией демократии к вызовам и рискам в условиях трансформации климата. В контексте климатического кризиса детально и подробно рассматриваются вопросы свободы человека, политические взгляды различных социальных групп, аспекты продовольственной безопасности и социально-экономического неравенства в обществе, а также проблемы социально-экономической нестабильности и вопросы социальной мобилизации и коллективных действий. Линдвалл в своей книге опирается на многочисленные теоретические и аналитические материалы, а также на опросы общественного мнения. В целом монография демонстрирует неопределенное будущее демократии и не дает однозначного ответа относительно ее устойчивости в дальнейшей перспективе. Тем не менее автор с определенной уверенностью утверждает, что изменение климата представляет собой не просто экологический кризис, но и ключевую силу, меняющую политические ландшафты. Хотя демократии более адаптивны в ситуации трансформации климата, потенциал их устойчивости зависит от коллективной мобилизации, справедливой политики и преодоления поляризации. Климатический кризис может либо углубить откат демократии, либо побудить к демократическим преобразованиям и их укреплению. Линдвалл обоснованно делает вывод о том, что для сохранения человеческой свободы и демократии современное общество должно рассматри-

вать поддержание экологического равновесия в качестве приоритета.

Список литературы

Brechin S.R., Lee S. Will democracy survive climate change? // *Sociological forum.* – 2023. – Vol. 38, N 4. – P. 1382–1392.

Lindvall D. *Climate change and the endurance of democracy.* – Oxon; New York: Routledge, 2025. – 156 p.

Lindvall D., Karlsson M. Exploring the democracy-climate nexus: a review of correlations between democracy and climate policy performance // *Climate policy.* – 2024. – Vol. 24, N 1. – P. 87–103.

References

Brechin S.R., Lee S. Will democracy survive climate change? *Sociological forum.* – 2023. – Vol. 38, N 4. – P. 1382–1392.

Lindvall D. *Climate change and the endurance of democracy.* – Oxon; New York: Routledge, 2025. – 156 p.

Lindvall D., Karlsson M. Exploring the democracy-climate nexus: a review of correlations between democracy and climate policy performance. *Climate policy.* – 2024. – Vol. 24, N 1. – P. 87–103.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.06

КОЗИН С.В., ЖИДЯЕВА Т.П.* ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ КАК КЛАССИК СОЦИОЛОГИИ (ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ)

Аннотация. Центральной фигурой в рамках данной статьи является немецкий социолог, философ, один из основных представителей поздней «философии жизни», а также классик западной социологии и философии рубежа XIX–XX вв. Г. Зиммель и его идеи по-прежнему находят свое применение. Следует отметить ту широту интересов, которая присутствовала у Г. Зиммеля: начиная с работ, посвященных социальным и психологическим исследованиям индивидов, коммуникации, и заканчивая философией моды, где подробнейшим образом мода описана как процесс, который тесно взаимодействует с урбанизацией, культурой, историей, властью и, собственно, самой психологией индивида. Возникновение социологии в середине XIX в. и ее попытка конституироваться в качестве самостоятельной научной дисциплины оказались связанными с идеями так называемого раннего позитивизма – с «социальной философией» О. Конта, Г. Спенсера. Подчеркивается, в частности, что становление социологии как позитивной науки способствовал научный пафос позитивизма, его рационалистические устремления, относительно прогрессивные для своего времени социальные принципы. Вместе с тем сформировался антипозитивистский тренд, которого придерживались социологи, философы, представители Баденской школы неокантианства и такие классики

---

* © Козин С.В., Жидяева Т.П., статья, 2025.

Козин Сергей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; mister.svk92@yandex.ru

Жидяева Татьяна Павловна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Алатырь; tanya21_84@mail.ru

зарубежной социологии, как М. Вебер и Г. Зиммель. Еще одной характерной чертой зарубежной социологии на рубеже XIX–XX вв. стало усиление интереса исследователей к марксизму (преимущественно в его неокантианской трактовке), воздействие марксистских идей проявилось и в трудах Г. Зиммеля.

Ключевые слова: Г. Зиммель; зарубежная социология; позитивная социология; марксизм; неомарксизм; культура; Франкфуртская школа.

Для цитирования: Козин С.В., Жидяева Т.П. Георг Зиммель как классик социологии (опыт современного прочтения) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 89–106. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.06

Статья поступила: 03.02.2025.

Принята к публикации: 15.03.2025.

KOZIN S.V., ZHIDYAEVA T.P.** Georg Simmel as a classic of sociology (experience of modern reading)

Abstract The central figure in this article is a German sociologist, philosopher, one of the main representatives of the late “philosophy of life”, as well as a classic of Western sociology and philosophy at the turn of the 19th–20th centuries. G. Simmel and his views are still being applied today. It is worth noting the breadth of interests that G. Simmel had. Thus, starting with works devoted to social and psychological studies of individuals, communications, and ending with the philosophy of fashion, where fashion was described in great detail as a process that closely interacts with urbanization, culture, history, power, and the psychology of the individual himself. The emergence of sociology in the middle of the 19th century and its attempt to establish itself as an independent scientific discipline turned out to be associated with the ideas of the so-called first positivism – with “social philosophy” by O. Comte, G. Spencer. It is emphasized in particular that the formation of sociology as a positive science was strongly promoted by the scientific paths of positivism, its rationalistic aspirations, and relatively progressive social principles for its time. At the same time, sociologists,

---

** Kozin Sergey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don; mister.svk92@yandex.ru

Zhidyayeva Tatyana Pavlovna – Senior Lecturer, Department of Humanities and Economic Disciplines, Alaty Branch, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Alaty; tanya21_84@mail.ru

philosophers, representatives of the Baden school of neo-Kantianism and such classics of foreign sociology as M. Weber and G. Simmel were of significant importance in the development of anti-positivist thoughts. Another characteristic feature of foreign sociology at the turn of the 19th and 20th centuries was an extreme increase in interest in Marxism (mainly in its neo-Kantian interpretation). It should be recognized that influence of Marxist ideas appeared in the works of G. Simmel.

Keywords: G. Simmel; foreign sociology; positivist sociology; Marxism; neo-Marxism; culture; Frankfurt school.

For citation: Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. Georg Simmel as a classic of sociology (experience of modern reading). Social'nye igumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 89–106. DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.06

Received: 03.02.2025.

Accepted: 15.03.2025.

Начнем с того, что Георг Зиммель (1858–1918) является одним из крупнейших философов и социологов конца XIX – начала XX в. Ныне исследователи практически безоговорочно причисляют Г. Зиммеля к числу классиков зарубежной социологии, однако за минувшие десятилетия, прошедшие со дня его смерти, отношение к его социологическому наследию пережило достаточно сложную эволюцию (см., например: [Abel, 1959 ; Amat, 2017 ; Arditì, 1996]). Упомянем сразу, что сегодня его воззрения интересны и российским ученым, что подтверждают многочисленные публикации на эту тему в таких авторитетных журналах, как: «Социологический журнал» [Левин, Баньковская, 1994 ; Малинкин, 2023а ; Малинкин, 2023б ; Огане, 1994 ; Степаненкова, 1999 ; Филиппов, 1994], «Социологическое обозрение» [Беграмбеков, 2022 ; Рамштедт, 2020 ; Филиппов, 2002], «Социология власти» [Зиммель, 2013], «Журнал социологии и социальной антропологии» [Кузнецов, 2019], «Социологические исследования» [Голосенко, 1979 ; Гусев, 2009 ; Давыдов, 1996 ; Зиммель, 1984] и пр.

При жизни Зиммель был одним из самых известных и популярных социологов Европы. Но уже после смерти ученого труды его если и не были забыты вовсе, то во всяком случае отошли на второй план социологических и социально-политических дискус-

сий. Одни его социологические работы оказались слишком философскими, другие – не слишком злободневными. Критики отдавали должное глубине и смелости его аналитического ума, но при этом отрицали способность к систематической и последовательной разработке коренных проблем социологической науки. В последующем широко распространилось мнение о «мелкотемье» его работ, об эссеистической природе его научного творчества и, главное, об отсутствии у него целостной концепции общества и социального развития [Davis, 1973 ; Faught, 1985 ; Guizzardi, Martignani, 2012].

Однако уже в 1960–1970-е годы интерес к Зиммелю неожиданно возродился. Одна за другой стали выходить книги и статьи, посвященные его творчеству, перепечатываться и переводиться на иностранные языки его собственные работы, включая эссе. Был интерес к его работам и в СССР [Козин, 2019]. В трудах Зиммеля исследователи вдруг увидели и широкий кругозор, и достаточную систематичность; некоторые даже стали говорить о «зиммелевском ренессансе». Задача настоящей статьи – осветить воззрения Зиммеля, которые в последующем оказали сильное влияние на представителей социологической и философской мысли конца XIX – начала XX в.

Что такое «зиммелевский ренессанс»?

Итак, почему же выдвинутые Зиммелем идеи после продолжительного относительного забвения вновь обрели актуальность и значимость? По существу, это вопрос о смысле «зиммелевского ренессанса», поскольку ни обнаружения в трудах мыслителя «системы», ни открытия органического единства стиля и содержания в его работах недостаточно, чтобы вызвать широкий интерес к пропагандируемым им идеям. Для этого нужно, чтобы данные идеи оказались созвучными духу времени и духу культуры [Lewkow, 2018 ; Lukács, 1991 ; Portioli, 2016]. Думается, что в «зиммелевском ренессансе» можно выделить, пожалуй, два аспекта. Первый относится к теоретико-методологическому содержанию социологии Г. Зиммеля, второй – к целостному социально-философскому видению Г. Зиммелем процессов и противоречий в современной буржуазной культуре. Оговоримся сразу, что оба эти аспекта тесно взаимосвязаны. Сосредоточимся сначала на первом из них.

Попытки Зиммеля конституировать социологию в качестве самостоятельной научной дисциплины изначально оказались связанными с идеями так называемого первого позитивизма (что в переводе с *лат.* *Positivus* – звучит как положительный), социальной философией О. Конта (1798–1857) и Г. Спенсера (1820–1903), глобальными эволюционистскими построениями авторов первых натуралистических концепций социологии. Однако уже в момент кризиса, разразившегося на рубеже XIX – начала XX в. и по-своему отразившего общий кризис социальной системы капитализма, ранние натуралистические воззрения обнаружили свою неадекватность: предполагаемые позитивистами теоретические конструкции вновь и вновь оказывались не соответствующими социальной действительности капиталистического мира. Наряду с теоретическими построениями позитивистской социологии под удары критики попала и характерная для нее натуралистическая методология. Назрела необходимость дать более надежное методологическое обоснование социального знания, отвечающее специфике его предмета [Rumbelsperger, 2015 ; Simmel, 1950 ; Staiti, 2017]. Теоретические и методологические метания в зарубежной социологии того времени заставили многих ее представителей обратиться к марксизму (см., например: [Красин, 2018 ; Шевченко, 2018]).

На наш взгляд, Зиммель ярко выразил характерные для своего времени периода тенденции. В работах ученого, особенно последних лет, было показано его критическое отношение к крупномасштабным органицистским и эволюционистским построениям. Анализ форм социального взаимодействия выдвигался Зиммелем как реальная альтернатива этим, не удовлетворяющим требованиям современности, концепциям. Также и «понимающая» методология должна была, по его мнению, служить более полному и точному схватыванию подлежащей изучению социальной реальности. Наконец, как неоднократно отмечалось в трудах, посвященных зиммелевской социологии культуры, заметное влияние на идеи Зиммеля оказали работы К. Маркса.

Большинство современников Г. Зиммеля, в первую очередь М. Вебер, отдав определенную дань анитипозитивистским построениям и попытавшись выработать более сбалансированную теоретико-методологическую концепцию, все же не свернули окончательно с позитивистско-натуралистического направления социологии. С некоторым упрощением можно сказать, что в период между первой и второй мировыми войнами зарубежная социоло-

логия развивалась преимущественно как позитивистская. Э. Дюркгейм, Ф. Тённис, В. Парето, П.А. Сорокин преимущественно трудились в рамках этого направления, тогда как Зиммель с его воззрениями не слишком вписался в этот ряд классиков.

Наследие Г. Зиммеля

Идеи Г. Зиммеля нашли отражение прежде всего у последователей двух направлений: в работах представителей Чикагской школы (Р. Парк, П. Берджесс, Дж.Г. Мид и др.) и в социальной философии неомарксизма (К. Корш, А. Грамши, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Л.П. Альтюссер, Г. Маркузе и др.), в первую очередь в трудах Д. Лукача, который, как Э. Блох и В. Беньямин, принадлежал к числу непосредственных учеников Зиммеля. Однако зиммелевское наследие как целое, по сути, не было осознанно представителями этих теоретических направлений. Американские ученые сосредоточили свое внимание на микросоциологии Зиммеля, широко применяя его идеи относительно закономерностей развития социальных групп, функционирования социальных типов, структур межличностного общения и т.д. Разумеется, тогда активно переводились и всячески популяризировались его статьи по проблемам урбанистики, моды и пр. [Coser, 1958 ; Simmel, 1957]. Именно тогда сложилось господствовавшее в течение долгого времени представление о Зиммеле как микросоциологе. В свою очередь неомарксисты, пытавшиеся примирить непримиримое – объединить в своих трудах идеи марксизма и поздней философии жизни, черпали у Зиммеля представления о диалектике социальной жизни, процессе отчуждения, объективации культуры, превращения ее в массовую культуру, ограничивающую свободное творческое развитие членов общества. Поясним, что критический пафос неомарксизма был направлен против культуры как таковой: именно в ее окостеневающих формах они видели главное мировое зло – силу, препятствующую жизненной самореализации. Кроме того, именно неомарксистская линия (ее культурфилософский и культурсоциологический аспекты) оказалась определяющей в ходе развертывания «зиммелевского ренессанса».

Необходимо особенно подчеркнуть, что в первые послевоенные десятилетия ситуация в зарубежной социологии была довольно обыденной. Так, ее ключевые черты: почти безраздельное господство «большой теории» – структурного функционализма Т. Парсонса и его последователей; более «мягкие», релятивист-

ские, концепции типа символического интеракционизма, представлявшие «лояльную оппозицию» и не претендовавшие на полномочное представительство от имени социологической науки; в конкретных исследованиях властвовали «абстрактный эмпиризм», следующий позитивистским методологическим канонам; европейская социология в общем и целом была американизирована. Эта ситуация напоминала во многом кризисную ситуацию в социологии, сложившуюся на рубеже XIX–XX вв., т.е. спокойствие в социологии было спокойствием перед бурей. И буря не замедлила разразиться: в середине 1960-х годов поднялась волна критики структурного функционализма, вызвавшая смятение в социологическом лагере. В 1960-е годы начался второй кризис западной социологии. Об этом кризисе много писали как западные авторы, так и марксисты, а особенности кризиса были проанализированы многократно и всесторонне. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых его характерных чертах, наиболее важных по отношению к судьбе зиммелевского наследия.

Во-первых, оба кризиса были отмечены падением глобальной системы социологического позитивизма. На смену различным вариантам структурного функционализма постепенно пришли разного рода «радикальные», «критические», «гуманистические» и иные версии социологии, интересующиеся человеком во всем разнообразии его жизнедеятельности. Во-вторых, исследователи сосредоточились на поиске более адекватной социологической методологии (так же, как это было в пору первого социологического кризиса), умеющей «схватывать» общественные реалии в их личностном измерении. В этой области лидирующее положение заняли различные концепции понимающей социологии, например, феноменологическая социология австрийского социолога, философа А. Шюца, сформировавшаяся еще в предвоенное время и ставшая актуальной в 1960–1970-е годы.

В-третьих (и это тоже напоминает характерную черту первого кризиса), буржуазная социология в поисках теоретико-методологических альтернатив обратилась к марксизму – на этот раз к марксизму в его неомарксистском, подготовленном трудами франкфуртской школы варианте. Зиммель оказался актуален как никогда. Известно его неприятие того, что он называл «социологическими функциями» – объективированных и гиперболизированных в их социальной значимости конструкторов типа «социального организма» или «социальной системы». Идея формальной социологии, рассматривающей общество как процесс вечно фор-

мирующихся, но никогда не обретающих законченных форм межличностных взаимодействий, выдвинутая Зиммелем в противовес холистским представлениям позитивистской социологии, оказалась в условиях второго кризиса злободневной и была развита впоследствии в интеракционистских и феноменологических традициях. При этом близкими современным социологам оказались и соображения Зиммеля о смысле и задачах «понимающей» методологии.

Главную же роль в актуализации социологического наследия Зиммеля сыграли его культурологические идеи, усвоенные и развитые неомарксистами. Мы уже ранее говорили о влиянии, оказанном Зиммелем на раннего Д. Лукача и – далее – на «критическую социологию» Франкфуртской школы. В свою очередь, теоретические концепции, разработанные представителями этой школы, проникли буквально во все сферы духовной жизни западного мира. Относительно социологии можно смело утверждать, что идеи франкфуртцев (М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма, В. Бенямина, Ф. Поллока, Ю. Хабермарса, О. Негта и др.) сыграли решающую роль как в критике позитивистского натурализма, так и в поиске новых путей социологического анализа, активно развивавшегося в кризисные 1960–1970-е годы. Однако в период бурного успеха франкфуртцы не афишировали своей близости к Зиммелю и его философии жизни, предпочитая выступать преимущественно от имени марксизма. И лишь в последние годы, когда острота дискуссий несколько спала, а волна молодежных движений, подстегнутая в значительной мере «антибуржуазными» лозунгами франкфуртцев, пошла на спад, наступило время теоретической рефлексии, и стали осознаваться подлинные источники культурологического пафоса франкфуртского неомарксизма.

Речь идет о том, что источники эти были обнаружены в философии жизни, взятой в «классических» ее формах. Для нее характерно противопоставление «становящегося» и «ставшего», «жизни души», проявляющейся в бесконечном духовном творчестве, и объективного духа как совокупности объективированных всеобщих духовных структур. При этом уже у А. Шопенгауэра и Ф. Ницше это противопоставление приняло характер неразрушимого трагического конфликта, который впоследствии вновь и вновь воспроизводится у французского философа А. Бергсона, немецкого социолога О. Шпенглера и у других представителей философии жизни.

В книге «Неомарксизм и проблемы социологии культуры» (1980) главный научный сотрудник Института социологии РАН

Ю.Н. Давыдов писал, что неомарксизм полностью воспринял философию жизни как культурологическую схему с присущей ей драматизацией «неизбывной противоположности» между «становлением» и «ставшим». В неомарксизме эта антитеза выглядит как трагический разрыв с неуловимо текучей «тотальностью» человеческой природы [Неомарксизм и проблемы ... , 1980, с. 264]. Этот факт позволяет, справедливо считает он, рассматривать неомарксизм как современный вариант философии жизни, унаследовавшей все ее антикультурные устремления. Однако признание глубинного родства неомарксизма с философией жизни в классическом ее варианте не объясняет того, каким образом неомарксистам удалось перейти от характерной для философии жизни культурфилософии к социологии культуры; а именно социология культуры, описавшая в социологических терминах отмеченную выше принципиальную дихотомию культуры и жизни, стала основным орудием неомарксистского анализа современного социума. И здесь наше внимание неизбежно обращается к Зиммелю. Ведь именно сквозь призму его идей пролегла важнейшая линия развития современной философии и социологии, ведущая от истолкованного неомарксистами Маркса, с одной стороны, и классической философии жизни (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр) – с другой, к молодому Лукачу и далее уже и Адорно, Маркузе и другим идеологам современного неомарксизма. Как показывает рассмотрение зиммелевской социологии культуры, синтез этих двух исходных традиций, приведших к столь значительным для буржуазной идеологии последствиям, был впервые в столь крупном масштабе осуществлен Зиммелем.

Ю.Н. Давыдов был, безусловно, прав, говоря, что философию жизни приходится всерьез принимать во внимание как «факт биографии» не только западноевропейской философии, но и социологии XIX в. [Неомарксизм и проблемы ... , 1980, с. 25]. Полное выяснение значения этого факта требует серьезного исследования культурсоциологической концепции Зиммеля. И такое исследование уже началось, причем интерес к наследию Зиммеля оказался шире историко-философского или историко-социологического аспектов. Мы считаем, что его воззрения показали «дух» культуры того исторического периода, и это стало основой «зиммелевского ренессанса» в современной западной социологии. Из сказанного следует, что марксистский анализ зиммелевской социологии культуры, который в полном объеме еще не совсем осуществлен, должен продемонстрировать внутреннюю противоречивость, антиномичность зиммелевского видения культурного мира,

показать попытки соединить и примирить две кардинально различающиеся по своим глубинным интенциям традиции философской и социологической мысли. Речь идет о том, что одновременно он должен дать богатейший материал для понимания и истолкования чрезвычайно важных процессов, происходящих сегодня в культуре.

Выявленные и описанные Зиммелем кризисные процессы в культуре не только проявились в каких-то завершенных культурных формах, но и углубились за минувшую четверть XXI в. Особо подчеркнем, что это применимо фактически ко всем выделявшимся Зиммелем сферам культуры: к искусству, философии, религии, морали и т.д. Сравним последовательно ситуацию, как она описывалась Г. Зиммелем, и современное положение в каждой из названных сфер культуры.

Итак, первое – искусство. В соответствии со своими общими культурнофилософскими и культуросоциологическими установками Г. Зиммель, разбирая современные ему художественные течения (экспрессионизм, футуризм), вел речь о борьбе чистой жизненной стихии против всякой формы вообще. Именно борьбой против самого принципа формы, считал он, объясняется тот факт, что современное искусство равнодушно к понятию красоты и бесчинства, объединенных с проявлениями форм, так же как и жизнь обуславливается не целью, а потоком сил, движущихся по ту сторону красоты и безобразия [Зиммель, 1923, с. 22]. Однако «продуктам» художественного творчества, рожденного новой эпохой, свойственно глубокое противоречие, которое не обнаруживалось в произведениях прошедшей эпохи: когда творческий жизненный процесс оказывается воплощенным в материалах творчества и жизни, пишет Г. Зиммель, оказывается, что произведение это не имеет автономного значения и ценности, какого мы требуем от произведения, объективно существующего, изолированного от своего творца, ибо жизнь, выражая только саму себя, точно из чувстваревности лишила его этого смысла [Зиммель, 1923, с. 22].

Здесь происходит двоякий процесс: искусство приближается к жизни, как она дана художнику в своей непосредственности, и одновременно искусство утрачивает свою собственную природу, понимаемую как отражение и воплощение жизни. Между художником и реальностью уже не стоит форма как принцип построения произведения; в результате утрачиваются критерии выбора художественного объекта и критерии его воплощения, граница между прекрасным и безобразным исчезает; искусство разлагается, стремясь стать жизнью, а жизнь «покидает» его, ибо оно перестает

быть искусством. Этот трагический внутренний конфликт, только начавший вырисовываться на рубеже XIX–XX вв. и тонко отмеченный Зиммелем, в современном западном искусстве достиг острых форм, особенно в так называемом предметном искусстве, претендующем на непосредственность отношения к жизни и утрачивающем всякую связь с искусством вообще. То же самое происходит в сфере философии: стремление выразить жизнь в ее непосредственности, характерное для новейших течений феноменологии, экзистенциализма, философии лингвистического анализа, ведет к крайней «субъективизации» и «релятивизации» познания – к тому, о чем писал Зиммель, разбирая современные ему концепции прагматизма [Краснопольская, Солодова, 2012 ; Левин, 1994 ; Огане, 1994].

Зиммель искал внутренние интенции такого типа философствования и в стремлении рассмотреть жизнь с точки зрения самой жизни, вне априорных познавательных форм и схем. С данной точки зрения, утверждал исследователь, «любая беспристрастность (предмет познания) обязана быть устремлена в бытие (жизнь), чтобы процесс познавания, интерпретированный как функция жизни, истинно был ратифицирован в том, что перед ним безукоризненно проницаемый для него и равный по существу объект. Если таким образом прагматизм «растворял» в жизненном потоке картину мира со стороны субъекта, то теперь то же самое произошло со стороны объекта. Заметим, что от самой формы, как мирового внежизненного принципа, обладающего специальным значением своего предназначения, ничего больше не оставалось. Все, что может быть в этой общей картине окрещено формой, могло бы быть едва лишь по милости самой жизни» [Зиммель, 1923, с. 29–30]. Так же, как в искусстве или в философии, разгром традиционных форм выражения жизненных содержаний был обнаружен Зиммелем в религии, половой морали, в других важных сферах культурной жизни [Зиммель, 1994 ; Зиммель, 1994 ; Simmel, 1905].

Важно подчеркнуть, во-первых, наличие трагического конфликта, неизбежно проявляющегося в стремлении культуры дать жизненной стихии совершенно адекватное выражение, и, во-вторых, тот факт, что конфликт этот по мере развития культуры постепенно усиливается. Важно и то, что разложение традиционных религиозных институтов (форм религиозной жизни), отмечавшееся Зиммелем более 100 лет назад, достигло ныне гигантских масштабов и привело к возникновению новых форм так называемой прямой неинституционализированной религиозности с ее верой в

потусторонние силы. Если следовать терминологии Зиммеля, жизнь «ломала» новую организовавшуюся форму, но не представила взамен иной; новая анархическая религиозность во все большем роде ведет к отрицательным культурным последствиям (плодам): разрушению традиционных норм, черной магии, сатанизму и т.п. Дело не в том, что предыдущая религиозная идеология была «хороша» или «плоха»; ситуация в том, что, сломав традиционную религию, не получилось открыть свежие идеи, которые могли бы стать ядром людского общежития. Это и почти неосуществимо, ибо новые идеи обладают потенциалом возникнуть исключительно вследствие становления самой жизни (бытия), превосходящей непосредственность своего бытия и формирующей внутри себя новые смыслы. Таким образом, жизнь следует понимать исторически, как материальный процесс развития человеческого общества; лишь в данном случае прогресс культуры имеет значимость и цель (см.: [Levine, 1989 ; Levine, 1991 ; Levine, Carter, Gorman, 1976 ; Simmel, 1910]). Если же этого нет, а бытие анализируется как бескрайне тождественный самому себе, неструктурированный поток бытия; тогда имеющий место процесс разложения культурных форм дает иллюзию неизбежного драматического конфликта, кризис культуры начинает восприниматься как гибель культуры, а философия истории перерастает в эсхатологию.

Именно это и случилось с зиммелевской концепцией конфликта современной культуры. Выше мы показали, что исторический путь зиммелевского учения был обусловлен реальными социокультурными процессами в обществе. Новейший же «зиммелевский ренессанс» в существенной степени оказался возрождением зиммелевской эсхатологии. По сути, конфликты в современном обществе и культуре имеют столь большую степень остроты, что конфликто-ориентированное, драматическое видение социокультурного мира Зиммеля стало гораздо ближе к мировосприятию современного интеллигента, чем «благонамеренные» бесконфликтные описания, развиваемые в рамках множества нынешних социологических концепций.

Есть еще одно объяснение причин интереса современных исследователей к идеям Зиммеля. Зиммель считал борьбу против установленных форм уделом молодых. Юное поколение, писал он, разбирая культурную ситуацию, сложившуюся на рубеже прошлых веков, более всего настроено в непосредственность жизни, ему важно направить туда профицит собственной колоссальной энергии. Иначе говоря, юношеское осмысление жизни наиболее

созвучно популярному направлению культуры, которая ставит во главу угла лишь самую жизнь [Зиммель, 1923, с. 25–26]. Стоит подчеркнуть, что 1960-е годы стали для ведущих стран капиталистического мира годами бурных протестов молодежи против, в том числе, культуры (формы) как таковой. Конечно, эти выступления не были вдохновлены непосредственно Зиммелем (хотя его идеи проникали в молодые умы посредством идей неомарксистов, борцов с массовой культурой и культурным конформизмом), но можно сказать, что он был одним из первых буржуазных теоретиков, давших модель отношения к миру, воплотившуюся в практических акциях юных «борцов против формы». Зиммель был аналитиком, а не трибуном, и описанная им модель представляет собой не призыв к борьбе, а беспристрастный анализ исследователя. На наш взгляд, стремясь отыскать психологические корни молодежного протеста, он, в отличие от неомарксистов, не восторгался юностью, действующей сокрушительно по отношению к дряхлой, изжившей себя культуре [Зиммель, 1923, с. 26].

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить следующие важные моменты. Во-первых, история молодежных протестов 1960–1970-х годов наглядно показала, что Зиммель в своем скептицизме и осмотрительности оказался умнее современных неомарксистских «буревестников». Во-вторых, можно смело утверждать, что социология Зиммеля – не архаичный продукт ранних этапов развития социологического мышления, она жива и вполне применима для изучения множества культурных и социальных процессов в современном мире. В-третьих, следует подчеркнуть ее главный недостаток – неспособность описать и объяснить крупномасштабные закономерности социально-исторических изменений современности. Именно это заставляет прогрессивных социологов Запада от неомарксизма возвращаться «назад к Зиммелю», а от него – к Марксу, так как с марксистских позиций, основывающихся на научном анализе всего хода человеческой истории, возможно достичь адекватного понимания основных социокультурных процессов современности.

Список литературы

- Беграмбеков А.Л.* Георг Зиммель и Семен Франк: от Канта к философии жизни // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 57–81. – DOI: 10.17323/1728-192x-2022-4-57-81
- Голосенко И.А.* Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социологические исследования. – 1979. – № 4. – С. 162–170.
- Гусев А.Н.* Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 123–129.
- Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и Михаил Бахтин (к введению в социологию XX в.) // Социологические исследования. – 1996. – № 10. – С. 3–14.
- Зиммель Г.* Как возможно общество / пер. и прим. А.Ф. Филиппова // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 102–114.
- Зиммель Г.* Конфликт современной культуры. – Петроград: Начатки знаний, 1923. – 40 с.
- Зиммель Г.* Мост и дверь // Социология власти. – 2013. – № 23. – С. 145–150.
- Зиммель Г.* Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Социологические исследования. – 1984. – № 2. – С. 170–178.
- Зиммель Г.* Человек как враг // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 114–119.
- Козин С.В.* Воспитание советских граждан в 70–80-х гг. XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 9–14. – DOI: 10.21306/2542-1840-2019-3-1-9-14
- Красин Ю.А.* Марксизм: взгляд из XXI века // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 45–55. – DOI: 10.7868/S0132162518050057
- Краснопольская И.И., Солодова Г.С.* Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 24–35.
- Кузнецов И.С.* Метафизическая (квазирелигиозная) природа доверия в работах Георга Зиммеля // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22, № 2. – С. 7–33. – DOI: 10.31119/jssa.2019.22.2.1
- Левин Д.Н., Баньковская С.П.* Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 91–101.
- Малинкин А.Н.* Концепция социальной философии С.Л. Франка. Опыт сравнительного анализа: Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер // Социологический журнал. – 2023а. – Т. 29, № 4. – С. 151–168. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.8
- Малинкин А.Н.* С.Л. Франк на пути к социальной философии. Опыт сравнительного анализа (Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер) // Социологический журнал. – 2023б. – Т. 29, № 3. – С. 93–108. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5
- Неомарксизм и проблемы социологии культуры / Давыдов Ю.Н., Ли О.С., Митина С.М., Чупрынин А.И. – Москва: Наука, 1980. – 352 с.
- Огане Т.* Социология на рубеже веков: Георг Зиммель / пер. А.Ф. Филиппова // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 82–91.
- Рамштедт О.* Актуальность социологии Зиммеля / пер. А.Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 348–367.
- Степаненкова В.М.* «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зим-

*Георг Зиммель как классик социологии
(опыт современного прочтения)*

меля // Социологический журнал. – 1999. – № 3/4. – С. 123–138.

Филитов А.Ф. Аспекты денежной культуры: новые работы по «Философии денег» Георга Зиммеля // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 2. – С. 64–69.

Филитов А.Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 65–81.

Шевченко В.Н. Маркс и марксизм: взгляд из XXI века // Философские науки. – 2018. – № 1. – С. 7–26. – DOI: 10.30727/0235-1188-2018-1-7-26

Abel T. The contribution of Georg Simmel: a reappraisal // American sociological review. – 1959. – Vol. 24, N 4. – P. 473–479. – DOI: 10.2307/2089534

Amat M. Simmel's law of the individual: a relational idea of culture // Simmel studies. – 2017. – Vol. 21, N 2. – P. 41–72. – DOI: 10.7202/1043790ar

Arditi J. Simmel's theory of alienation and the decline of the nonrational // Sociological theory. – 1996. – Vol. 14, N 2. – P. 93–108. – DOI: 10.2307/201901

Coser L.A. Georg Simmel's style of work: contribution to the sociology of the sociologist // American journal of sociology. – 1958. – Vol. 93, N 6. – P. 635–641.

Davis M.S. Georg Simmel and the aesthetics of social reality // Social forces. – 1973. – Vol. 51, N 3. – P. 320–329. – DOI: 10.2307/2577137

Faught J. Neglected affinities: Max Weber and Georg Simmel // The British journal of sociology. – 1985. – Vol. 36, N 2. – P. 155–174. – DOI: 10.2307/590799

Guizzardi L., Martignani L. Échange, don, réciprocité: l'acte de 'donner' chez Simmel et Durkheim // Durkheimian studies / Études Durkheimiennes new series. – 2012. – Vol. 18. – P. 98–118. – DOI: 10.3167/ds.2012.108.107

Levine D.N. Simmel and Parsons reconsidered // American journal of sociology. – 1991. – Vol. 96, N 5. – P. 1097–1116.

Levine D.N. Simmel as a resource for sociological metatheory // Sociological theory. – 1989. – Vol. 7, N 2. – P. 161–174. – DOI: 10.2307/201893

Levine D.N., Carter E.B., Gorman E.M. Simmel's influence on American sociology. P. I // American journal of sociology. – 1976. – Vol. 81, N 4. – P. 813–845. – DOI: 10.1086/226143

Lewkow L. Diferenciación y desigualdad: el problema de la estratificación social en la obra de Georg Simmel // Estudios sociológicos. – 2018. – Vol. 36, N 107. – P. 257–282. – DOI: 10.24201/es.2018v36n107.1583

Lukács G. Georg Simmel // Theory, culture & society. – 1991. – Vol. 8, N 3. – P. 145–150. – DOI: 10.1177/026327691008003010

Portioli C. Italian translation of Simmel's works and writings (1896–2016) // Simmel studies. – 2016. – Vol. 20, N 1/2. – P. 85–100. – DOI: 10.7202/1040119ar

Rumbelsperger R. Max Weber and Georg Simmel: two perspectives (cognitive and policies) on modernity // Problemata. – 2015. – Vol. 6, N 2. – P. 117–150. – DOI: 10.7443/problemata.v6i2.22563

Simmel G. A contribution to the sociology of religion // American journal of sociology. – 1905. – Vol. 11, N 3. – P. 359–376. – DOI: 10.1086/211407

Simmel G. Fashion // American journal of sociology. – 1957. – Vol. 62, N 6. – P. 541–558. – DOI: 10.1086/222102

Simmel G. How is society possible // American journal of sociology. – 1910. – Vol. 16, N 3. – P. 372–391. – DOI: 10.1086/211904

Simmel G. The sociology of Georg Simmel / ed. by K.H. Wolff. – Glencoe (IL):

The Free press, 1950. – 445 p.

Staiti A. The moral significance of death in Georg Simmel's metaphysics of life // Simmel studies. – 2017. – Vol. 21, N 1. – P. 73–88. – DOI: 10.7202/1041337ar

References

Abel T. The contribution of Georg Simmel: a reappraisal. *American sociological review*. – 1959. – Vol. 24, N 4. – P. 473–479. – DOI: 10.2307/2089534

Amat M. Simmel's law of the individual: a relational idea of culture. *Simmel studies*. – 2017. – Vol. 21, N 2. – P. 41–72. – DOI: 10.7202/1043790ar

Arditi J. Simmel's theory of alienation and the decline of the nonrational. *Sociological theory*. – 1996. – Vol. 14, N 2. – P. 93–108. – DOI: 10.2307/201901

Begrambekov A.L. Georg Simmel and Semyon Frank: from Kant to the philosophy of life. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review]. – 2022. – Vol. 21, N 4. – P. 57–81. – DOI: 10.17323/1728-192x-2022-4-57-81. (In Russian)

Coser L.A. Georg Simmel's style of work: contribution to the sociology of the sociologist. *American journal of sociology*. – 1958. – Vol. 93, N 6. – P. 635–641.

Davis M.S. Georg Simmel and the aesthetics of social reality. *Social forces*. – 1973. – Vol. 51, N 3. – P. 320–329. – DOI: 10.2307/2577137

Davydov Yu.N. Max Weber and Mikhail Bakhtin (for an introduction to sociology of the XX century). *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 1996. – N 10. – P. 3–14. (In Russian)

Faught J. Neglected affinities: Max Weber and Georg Simmel. *The British journal of sociology*. – 1985. – Vol. 36, N 2. – P. 155–174. – DOI: 10.2307/590799

Filippov A.F. Aspects of monetary culture: new works on the “Philosophy of money” by Georg Simmel. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review]. – 2002. – Vol. 2, N 2. – P. 64–69. (In Russian)

Filippov A.F. Substantiation of theoretical sociology: an introduction to the concept of Georg Simmel. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 1994. – N 2. – P. 65–81. (In Russian)

Golosenko I.A. Realism and nominalism in the history of bourgeois sociology. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 1979. – N 4. – P. 162–170. (In Russian)

Guizzardi L., Martignani L. Échange, don, réciprocité: l'acte de 'donner' chez Simmel et Durkheim. *Durkheimian studies / Études Durkheimiennes new series*. – 2012. – Vol. 18. – P. 98–118. – DOI: 10.3167/ds.2012.108.107

Gusev A.N. The category of social distance in the works of G. Simmel. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 2009. – N 4. – P. 123–129. (In Russian)

Kozin S.V. Education of Soviet citizens in the 70–80's of the XX century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Kemerovo state university. Series: Humanities and social sciences]. – 2019. – Vol. 3, N 1. – P. 9–14. – DOI: 10.21306/2542-1840-2019-3-1-9-14 (In Russian)

Krasin Yu.A. Marxism: a view from the 21st century. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 2018. – N 5 (409). – P. 45–55. – DOI: 10.7868/S0132162518050057 (In Russian)

**Георг Зиммель как классик социологии
(опыт современного прочтения)**

Krasnopolskaya I.I., Solodova G.S. The perception of a crank by a group in G. Simmel's sociology. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. – 2012. – N 4. – P. 24–35. (In Russian)

Kuznetsov I.S. The metaphysical (quasi-religious) nature of trust in the works of Georg Simmel. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. – 2019. – Vol. 22, N 2. – P. 7–33. – DOI: 10.31119/jssa.2019.22.2.1 (In Russian)

Levin D.N., Bankovskaya S.P. Some key problems in Simmel's works. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. – 1994. – N 2. – P. 91–101. (In Russian)

Levine D.N. Simmel and Parsons reconsidered. *American journal of sociology*. – 1991. – Vol. 96, N 5. – P. 1097–1116.

Levine D.N. Simmel as a resource for sociological metatheory. *Sociological theory*. – 1989. – Vol. 7, N 2. – P. 161–174. – DOI: 10.2307/201893

Levine D.N., Carter E.B., Gorman E.M. Simmel's influence on American sociology. P. I. *American journal of sociology*. – 1976. – Vol. 81, N 4. – P. 813–845. – DOI: 10.1086/226143

Lewkow L. Diferenciación y desigualdad: el problema de la estratificación social en la obra de Georg Simmel. *Estudios sociológicos*. – 2018. – Vol. 36, N 107. – P. 257–282. – DOI: 10.24201/es.2018v36n107.1583

Lukács G. Georg Simmel. *Theory, culture & society*. – 1991. – Vol. 8, N 3. – P. 145–150. – DOI: 10.1177/026327691008003010

Malinkin A.N. The concept of S.L. Frank's social philosophy. The experience of comparative analysis: G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. – 2023a. – Vol. 29, N 4. – P. 151–168. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.8 (In Russian)

Malinkin A.N.S.L. Frank on the way to social philosophy. The experience of comparative analysis (G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. – 2023b. – Vol. 29, N 3. – P. 93–108. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.5 (In Russian)

Neo-Marxism and problems of the sociology of culture / Davydov Yu.N., Lee O.S., Mitina S.M., Chuprynin A.I. – Moscow: Nauka, 1980. – 352 p. (In Russian)

Ogane T. Sociology at the turn of the century: Georg Simmel. Translated by A.F. Filippov. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. – 1994. – N 2. – P. 82–91. (In Russian)

Portioli C. Italian translation of Simmel's works and writings (1896–2016). *Simmel studies*. – 2016. – Vol. 20, N 1–2. – P. 85–100. – DOI: 10.7202/1040119ar

Ramstedt O. The relevance of Simmel's sociology. Translated by A.F. Filippov. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review]. – 2020. – Vol. 19, N 2. – P. 348–367. (In Russian)

Rumbelsperger R. Max Weber and Georg Simmel: two perspectives (cognitive and policies) on modernity. *Problemata*. – 2015. – Vol. 6, N 2. – P. 117–150. – DOI: 10.7443/problemata.v6i2.22563

Shevchenko V.N. Marx and Marxism: a view from the 21st century. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. – 2018. – N 1. – P. 7–26. – DOI: 10.30727/0235-1188-2018-1-7-26 (In Russian)

Simmel G. Communication. An example of pure or formal sociology.

Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies]. – 1984. – N 2. – P. 170–178. (In Russian)

Simmel G. Fashion. *American journal of sociology*. – 1957. – Vol. 62, N 6. – P. 541–558. – DOI: 10.1086/222102

Simmel G. How is society possible. *American journal of sociology*. – 1910. – Vol. 16, N 3. – P. 372–391. – DOI: 10.1086/211904

Simmel G. How is society possible. Translated by A.F. Filippov *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. – 1994. – N 2. – P. 102–114. (In Russian)

Simmel G. Man as an enemy. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. – 1994. – N 2. – P. 114–119. (In Russian)

Simmel G. The bridge and the door. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. – 2013. – N 23. – P. 145–150. (In Russian)

Simmel G. *The conflict of modern culture*. – Petrograd: Rudiments of knowledge, 1923. – 40 p. (In Russian)

Simmel G. *The sociology of Georg Simmel*. Ed. by K.H. Wolff. – Glencoe (IL): The Free press, 1950. – 445 p.

Simmel G. A contribution to the sociology of religion. *American journal of sociology*. – 1905. – Vol. 11, N 3. – P. 359–376. – DOI: 10.1086/211407

Staiti A. The moral significance of death in Georg Simmel's metaphysics of life. *Simmel studies*. – 2017. – Vol. 21, N 1. – P. 73–88. – DOI: 10.7202/1041337ar

Stepanenkova V.M. “The struggle of all for all”: Georg Simmel's theory of conflict. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. – 1999. – N 3–4. – P. 123–138. (In Russian)

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

УДК 316.334.4

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.07

ГЛОТОВ С.А. * РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. В рамках социологии права под углом зрения российской прессы раскрываются актуальные вопросы развития отечественного федерализма в период 2017–2018 гг. и 2024 г. Обращается внимание как на частоту упоминания и характер газетных публикаций, так и на содержание ключевых тем – проблематику вопросов федеральных отношений в Российской Федерации.

Ключевые слова: социология права; конституционное право; Российская Федерация и ее субъекты; федеративные отношения; газетные публикации; учебные пособия; российские издания.

Для цитирования: Глотов С.А. Российский федерализм в зеркале отечественной прессы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2025. – № 2. – С. 107–127. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.07

Статья поступила: 29.08.2024.

Принята к публикации: 05.05.2025.

GLOTOV S.A. ** Russian federalism in the mirror of the domestic press

Abstract. Within the law sociology framework from the point of view of the Russian press, current issues of domestic federalism develop-

---

* Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Международного юридического института; glotov_rgsu@mail.ru

** Glotov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor, International Law Institute; glotov_rgsu@mail.ru

ment in the period 2017–2018 and in 2024 are revealed. Attention is paid to both the frequency of mention and the nature of newspaper publications, as well as the content of key topics – problems of federal relations in the Russian Federation.

Keywords: sociology of law; constitutional law; Russian Federation and its subjects; federal relations; newspaper publications; textbooks; Russian publications.

For citation: Glotov S.A. Russian federalism in the mirror of the domestic press. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 107–127. DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.07

Received: 29.08.2024.

Accepted: 05.05.2025.

Введение

В рамках организации учебного процесса в Международном юридическом институте по дисциплине «Конституционное право» под руководством автора в 2017–2018 гг. было проведено исследование, посвященное освещению проблематики конституционного права в российской печати (см. сборники под ред. автора: [Актуальные вопросы ... , 2017а ; Актуальные вопросы ... , 2017б ; Актуальные вопросы ... , 2017в; Актуальные вопросы ... , 2018а ; Актуальные вопросы ... , 2018б ; Актуальные вопросы ... , 2018в]. Затем оно было продолжено в 2024 г. В ходе работы анализировались статьи, опубликованные в «Российской газете», «Известиях», «Независимой газете», «Московском комсомольце», «Советской России», «Аргументах и фактах», «Коммерсанте», «Парламентской газете», в том числе по темам: «Федеративные государства»; «Понятие и формы государственно-территориального устройства: мировой и отечественный опыт конституционного регулирования»; «Российский федерализм»; «Законодательные (представительные) и исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации: актуальные проблемы».

**Российский федерализм в курсе конституционного права:
частота и характер упоминаний в газетных материалах
2017–2018 гг.**

Нам представляется интересным вновь обратиться к опубликованным и использованным в учебном процессе материалам. Речь идет о шести выпусках учебного пособия, практикумов, сборников заданий для студентов и магистрантов. Сведение их воедино позволяет, по нашему мнению, в тот период времени в определенной мере выявить интерес профессиональных журналистов как к актуальным вопросам конституционного права в целом, так и к тематике федеративных отношений.

За основу был взят тематический план курса «Конституционное право» по указанным ниже темам. Под номерами заданий были расставлены статьи приведенных газетных изданий с тремя-пятью контрольными вопросами для студентов, что позволило тогда актуализировать содержательную часть курса. Такой формат (решение практических задач на материалах прессы) вполне устроил студентов.

Ниже приведем таблицу 1 с частотой упоминаний актуальных вопросов конституционного права в тематическом плане курса «Конституционное право» в шести указанных сборниках заданий.

Таблица 1

№ темы	Наименование раздела (тема)	Номер сборника / частота упоминаний						Всего
		1	2	3	4	5	6	
1	Конституционное право – ведущая отрасль системы национального права	6	12	31	29	24	37	142
2	Конституция Российской Федерации и конституции зарубежных государств	33	48	52	70	56	121	380
3	Основы конституционного строя России	22	23	31	22	25	27	150
4	Конституционно-правовой статус человека и гражданина. Права человека в международном и российском праве	21	40	57	72	67	56	313
5	Федеративные государства. Понятие и формы государственно-правового устройства: мировой и отечественный опыт конституционного регулирования. Российская Федерация: законодательные (представительные) и исполнительные органы власти субъектов РФ	13	39	43	45	30	48	178

6	Президент Российской Федерации. Конституционно-правовой статус главы государства	11	19	20	20	23	40	143
7	Правительство Российской Федерации. Конституционно-правовой статус правительства	18	26	36	49	45	54	228
8	Конституционно-правовой статус органов законодательной власти. Современный парламентаризм. Федеральное собрание Российской Федерации	12	33	27	30	27	18	147
9	Институты избирательного права. Демократические стандарты выборов. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации и в зарубежных странах	6	7	3	8	7	21	52
10	Конституционные основы судебной власти. Органы конституционной юстиции. Судебная власть и прокуратура в России, Конституционный суд Российской Федерации. Правовые позиции Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека	20	16	24	18	29	19	126
11	Конституционно-правовые гарантии деятельности местного самоуправления. Муниципальное право России. Европейский и отечественный опыт организации местного самоуправления. Актуальные проблемы развития местного самоуправления в России	9	17	24	29	22	31	132

Несложно заметить, что проблематика федеративных отношений занимает весьма достойное место в курсе конституционного права: тема 5 оказалась по упоминаемости (выборка была произвольной из числа газетных статей в указанные периоды) на четвертой позиции (178), наряду с популярными у журналистов темами «Конституция РФ и конституции других государств» (259), «Права человека...» (257) и «Правительство...» (174). Отметим, что правительство (в отличие от депутатов) не уходит в отпуск и работает постоянно, а значит, и дает повседневные поводы для освещения своей деятельности.

Это, по мнению автора, еще раз подтверждает важность исследуемой темы, которая в курсе конституционного права и реальной политической жизни во многом сосредоточена вокруг таких вопросов, как:

- 1) унитарные и федеративные государства в мире;
- 2) федерализм в системе конституционного строя России;
- 3) особенности формирования и функционирования российского федерализма;

4) государственно-правовые признаки РФ как федеративного государства;

5) равноправие субъектов РФ;

6) разграничение предметов ведения и полномочия федеральных органов государственной власти с полномочиями органов государственной власти субъектов РФ;

7) конституционно-правовой статус Российской Федерации как суверенного государства;

8) виды субъектов РФ. Конституционно-правовой статус республики в составе РФ;

9) конституционно-правовой статус края, области, города федерального значения, автономной области и автономного округа;

10) законодательные (представительные) и исполнительные органы власти субъектов РФ;

11) организация публичной власти в субъектах РФ.

Обратимся, например, к части 4 сборника «Актуальные вопросы конституционного права» [Актуальные вопросы ... , 2018a] с тем, чтобы определиться с проблематикой в сфере федеральных отношений, вызвавшей широчайший интерес прессы в период мая – августа 2017 г.

Это, во-первых, вопросы взаимодействия «центр – регионы», региональной политики, в том числе на примере Дальнего Востока и Арктического региона. Отмечалось, например, что запустить развитие Дальнего Востока российским чиновникам, включая сотрудников Минвостокразвития, пока не удастся. Зарплаты снижаются, отток населения продолжается (за пять лет более чем на 80 тыс. человек), и это при росте инвестиций, «дальневосточном гектаре», Концепции демографической политики и развития Дальнего Востока, которую разрабатывали полтора года, и т.д. (см. табл. 2)¹.

---

¹ См.: Комраков А. Дальневосточным переселенцам обещают доплату из бюджета // Независимая газета. – 2017. – 30 мая. – URL: https://www.ng.ru/regions/2017-05-30/1_6998_vostok.html (дата обращения: 01.04.2025); Что мешает развитию России на Восток (от редакции) // Независимая газета. – 2017. – 2 июня. – URL: https://www.ng.ru/editorial/2017-06-02/2_7001_red.html (дата обращения: 01.04.2025).

Таблица 2

Отток населения с Дальнего Востока РФ

Год	1991	2000	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Убывшее население (тыс. чел.)	-8064	-6913	-6266	-6251	-6227	-6211	-6195	-6189

Источник: найденные и проанализированные автором данные Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

Кроме того, обсуждалась тема создания и деятельности Фонда развития Дальнего Востока (ФРДВ)¹, который обеспечил бы доступное финансирование дальневосточным компаниям, развивающим актуальные и перспективных технологии, продукты и услуги, в том числе те, что связаны с трансфером технологий из-за рубежа, расширением и модернизацией производства технологической продукции. Фонд уже сформировал портфель из 27 перспективных проектов в различных отраслях высокотехнологичной промышленности в ДФО (рыболовство, добыча полезных ископаемых, туризм, авиасообщение, биотехнологии, робототехника и т.д.). На критическую важность недопущения ухудшения качества человеческого капитала Русского Севера, Арктики в целом, развития науки и образования, интеллектуального развития, наукоемких предприятий в этом большом регионе, обращал внимание М. Мейер и другие авторы². Существенный общественный интерес к указанной выше тематике, видимо, во многом объясняется подготовкой к утверждению 28 июня 2017 г. Концепции демографической политики Дальнего Востока, в обсуждении которой приняли участие как дальневосточные регионы, так и многие другие. Отмечалось, кстати, что до распада СССР существовала целенаправленная политика заселения Дальнего Востока: туда

¹ Березина Е. Подгоняя инновации // Российская газета. – 2017. – 23 мая. – URL: <https://rg.profkiosk.ru/561760> (дата обращения: 01.04.2025).

² См.: Мейер М. Как запустить Север // Известия. – 2017. – 2 августа. – URL: <https://iz.ru/626574/maksim-meier/konsiumerizm-russkoi-arktiki> (дата обращения: 01.04.2025); Кривошапко Ю. Дальнему Востоку предсказали рост населения на 300 тысяч к 2025 году // Российская газета. – 2017. – 28 июня. – URL: <https://rg.ru/2017/06/28/reg-dfo/dalnemu-vostoku-predskazali-rost-naseleniia-na-300-tysiach-k-2025-godu.html> (дата обращения: 01.04.2025).

приезжали работать по распределению, многие молодые специалисты оставались и пр.

Во-вторых, в анализируемый период в медиа была популярна ставшая уже хронической тема перекосов в межбюджетных отношениях РФ и ее субъектов, хозяйственной деятельности самих регионов России.

С 2004 г. в России начало действовать бюджетное правило, согласно которому устанавливалось перераспределение доходов от продажи сырья между федеральным и региональным бюджетами (которые распределялись в то время 50% на 50%), заработал стабилизационный фонд, в который поступали доходы бюджета, полученные от «цены отсечения» на нефть свыше 20 долл. за баррель. С того времени, считает Н. Арефьев¹, ежегодно доходы региональных бюджетов уменьшались, а их полномочия (обязательства) росли. В итоге распределение доходов дошло до того, что федеральному уровню доставалось 70%, а региональному – только 30%. Денег стало не хватать даже на зарплату бюджетникам, ассигнования на социальные отрасли опустились в область отрицательных значений (–2,4 трлн руб. в 2017 г.).

К сожалению, эта тема остается актуальной и сегодня. В анализируемый период (2017 г.) на нее обращал внимание врио губернатора Кировской области И. Васильев, заявив, что госдолг области сравнялся с собственными доходами области – почти 27 млрд рублей, счета администрации заблокированы, деньги нужно возвращать². Выход вскоре был найден посредством правильной эксплуатации лесных ресурсов: более 60% Кировской области покрыто лесами, а общий запас древесины на землях лесного фонда составляет более 1 млрд кубометров. Несмотря на то, что регион веками жил за счет леса, вклад лесопромышленного комплекса до недавнего времени составлял не более 6% (в 2016 г. лесное хозяйство принесло в бюджет всего 300 млн рублей); в области была распространена спекуляция лесом, его дешево покупали, а затем перепродавали. Ситуацию смог исправить региональный закон, устанавливающий требования к организации деятельности пунктов приема и переработки древесины. На сайте правительства

---

¹ *Арефьев Н.* Обескровленная экономика // Советская Россия. – 2017. – 6 июля. – С. 1.

² *Васильев И.* Прививка от недофинансирования // Известия. – 2017. – 30 мая. – URL: <https://iz.ru/news/719516> (дата обращения: 01.04.2025).

Кировской области был создан раздел недобросовестных арендаторов лесных участков.

В похожем журналистском материале сообщается, что на возможности развития сельскохозяйственного производства в Республике Марий Эл (в 2017 г. производство мяса в республике достигло 278% от потребностей, и 2/3 продукции стало можно свободно реализовать на рынках в других регионах) обращал внимание врио главы Марий Эл А. Агафонов¹, что способствовало снятию социального напряжения в регионе, пополнению бюджета, решению социальных вопросов.

В-третьих, важной темой была и остается проблема доступности медицинских услуг. Так, в 2017 г. Вероника Скворцова, в то время министр здравоохранения РФ, сообщила², что электронная запись на прием к врачам внедрена в 82 регионах, кроме Псковской области, Чукотского АО и Чеченской республики. В целом по стране активную запись через Интернет вели 39% медицинских организаций, каждый четвертый россиянин пользовался электронными услугами. На тот момент 75% рабочих мест медработников было автоматизировано, к скоростному Интернету в стране было подключено 72% медицинских организаций, что составляло более 18 тыс. больниц и поликлиник, оставалось подключить около 14 тыс. медучреждений.

В 66 регионах были созданы централизованные порталы Архива медицинских изображений, которые врачи широко использовали для дистанционной передачи изображений с различных приборов по защищенным каналам для постановки диагнозов. В 78 регионах была внедрена электронная система диспетчеризации санитарного автотранспорта, к которой было подключено более 89% станций скорой помощи. Проблематика здорового образа жизни (ЗОЖ), продолжительности жизни, доступности медицинских услуг была включена в качестве поправки в 2020 г. в Конституцию РФ. Журналисты отмечали, что в 2016 г. средняя продолжительность жизни в России выросла до рекордного показателя за всю историю сбора данных – 71,87 года (в 2012 г. она, например, составляла 70,2 года). Ниже всего продолжительность жизни была в Туве (64,1 года), в Чукотском АО (64,4 года) и Еврейской АО

---

¹ *Беляев С.* Сельский акцент // Российская газета. – 2017. – 2 августа.

² *Игнатова О.* Сам себе регистратура // Российская газета. – 2017. – 24 июля. – URL: <https://rg.profkiosk.ru/576826> (дата обращения: 01.04.2025).

(65,8 года), причем разница между первыми и последними регионами в списке – более 15 лет¹.

Сюда же можно отнести и так называемую «мусорную» тему². В анализируемый период (2017 г.) обсуждалась реконструкция полигона «Кучино» в Московской области на условиях софинансирования (70% затрат должен был компенсировать федерально-федеральный бюджет, остальные 30% – подмосковный). Власти Московской области предложили руководству Москвы разделить бремя затрат, поскольку более 80% отходов на территории «Кучино» поступало из столицы. Рекультивация планировалась в 2019–2020 гг. К 2023 г. в Подмоскowie должны были появиться четыре завода по термической обработке мусора, что позволило бы на треть решить «мусорную» проблему в области. По мнению автора материала на эту тему, для полного решения этой проблемы были необходимы 10–15 заводов.

В-четвертых, можно выделить тему активной социальной политики регионов, в том числе на примере выплат по программе «Дети войны»³. Лидером в этом вопросе стали (2017 г.) Ненецкий АО: тогда его «дети войны» получали 7 тыс. руб. в месяц; на втором месте – Ямало-Ненецкий АО, где ежемесячная соцпомощь составляла 1 тыс. руб.; на третьем месте – Волгоградская область с 750 руб. Самые небольшие выплаты были Псковской области (340 руб.), Бурятии (315 руб.) и Оренбургской области (300 руб.). В некоторых регионах выплаты были только ко Дню Победы.

Проблематика федеративных отношений, особенно по линии «центр – регионы», в период с 3 декабря 2017 г. по март 2018 г., представленная в части 6 «Актуальных вопросов конституционного права» [Актуальные вопросы ... , 2018в] во многом схожа с описанной выше, за исключением широкого обсуждения ситуации в Дальневосточном и Арктическом регионах. По-прежнему на первом месте – обсуждение конкретных ситуаций в тех или иных субъектах Российской Федерации (в первую очередь экономиче-

---

¹ См. *Хетагурова Э., Перцева Е.* Продолжительность жизни побила национальный рекорд // Известия. – 2017. – 29 июня. – URL: <https://iz.ru/612100/elina-khetagurova/raznitca-po-prodolzhitelnosti-zhizni-v-regionakh-16-let> (дата обращения: 01.04.2025).

² *Рыбникова И.* Ваша половина // Российская газета. – 2017. – 29 июня.

³ См.: *Богданова Т.* Льготы в регионах. Где помогают «детям войны»? // Аргументы и факты. – 2017. – 12 июня. – URL: https://aif.ru/money/mymoney/lgoty_v_regionah_gde_pomogayut_detyam_voynu (дата обращения: 01.04.2025).

ского и социально-экономического характера), межбюджетные отношения и развитие сферы здравоохранения.

Общая характеристика социально-экономического положения субъектов РФ была представлена рейтинговым агентством «РИА-рейтинг», которое провело исследование качества жизни в регионах России (2017 г.) и определило лучшие и худшие субъекты РФ по этому критерию¹. Рейтинг строился на основе комплексного анализа 72 показателей, объединенных в 11 групп, характеризующих основные аспекты качества жизни в регионах: уровень доходов населения, занятость, состояние рынка труда, безопасность проживания, жилищные условия, демографическая ситуация, экология и климат, здоровье населения, уровень образования, экономический рост, социальная инфраструктура, уровень развития малого и среднего бизнеса, транспорт. Лидерами рейтинга по итогам 2017 г. стали российские мегаполисы, среди отстающих – дальние территории (см. табл. 3)

Таблица 3

Лучшие и худшие регионы РФ по качеству жизни

Пять лучших регионов России по качеству жизни	Пять худших регионов России по качеству жизни
1. Москва	1. Республика Тыва (85 место)
2. Санкт-Петербург	2. Республика Ингушетия (84 место)
3. Московская область	3. Карачаево-Черкесская республика (83 место)
4. Республика Татарстан	4. Республика Алтай (82 место)
5. Белгородская область	5. Забайкальский край (81 место)

О политической и социально-экономической ситуации в Крыму, Псковской, Оренбургской областях, Дагестане, Сахалине, а также в других субъектах РФ рассказывают СМИ в этот период².

¹ Где в России жить хорошо? // Московский комсомолец. – 2018. – 14 февраля. – URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/2018/02/14/gde-v-rossii-zhit-khorosho.html> (дата обращения: 01.04.2025).

² См.: Трифонова Е. Иностранцы признали крымский референдум // Независимая газета. – 2017. – 6 декабря. – URL: https://www.ng.ru/politics/2017-12-06/1_7130_krum.html; Дементьев О. Оценка будет жесткой // Правда. – 2017. – 24 ноября; Министр поплатился за корпоративную шутку // Московский комсомолец. – 2018. – 23 января. – URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/2018/01/23/ministr-poplatislya-za-korporativnuyu-shutku.html> (дата обращения: 01.04.2025); Гарднер Ю. Сядет за взятку // Российская газета. – 2018. – 12 фев.; Аваков А. Новый прокурор Дагестана займется похищениями // Московский Комсомолец. –

Также обращалось внимание общественности на получивший широкое развитие в регионах России неформальный сектор экономики, в котором в 2016 г. было занято 15,4 млн человек, что составляло тогда 21,2% от общего числа трудящихся в нашей стране. Например, по сравнению с 2015 г. неформальный сектор вырос более чем на полмиллиона человек. По данным исследования РАНХиГС, в теневой рынок труда в России так или иначе было вовлечено 30 млн человек, что составляло более 40% экономически активного населения; из них 21,7 млн имели дополнительные к основному заработку неформальные заработки либо получали часть зарплаты «в конвертах» (прежде всего такая практика получила распространение в секторе строительства и ремонта, СМИ, соцсетях и т.д.)¹.

Вновь в острой форме звучала тема здравоохранения, выделяемых средств на поддержание отрасли, в том числе в регионах. В 2017 г. госрасходы на здравоохранение в России были в 2 раза ниже, чем в Европе или странах ОЭСР. По данным Всемирного банка, расходы на здравоохранение в РФ составляли около 3,4% ВВП в 2015 г. и около 3,6% ВВП – в 2016 г. (в ЕС и странах ОЭСР – 7,2% и 6,5 ВВП соответственно, в Китае – 3,1, Индия – 1,4% ВВП). Эксперты Всемирного банка подтверждали, что недофинансирование медицины ставит под угрозу экономический рост и благосостояние населения².

Из новых тем в этот период прозвучала тема ЗАТО³, например, Сарова, где находятся Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ экспериментальной физики, который посетил в свое время президент РАН А. Сергеев.

2018. – 12 февраля. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/02/12/antikorrupcion-nauya-proverka-v-dagestane-podnyala-vopros-o-pokhishhenii-lyudey.html> (дата обращения: 01.04.2025); *Вылезжанин У.* 50 кг Родины // Российская газета. – 2018. – 9 февраля. – URL: <https://rg.profkiosk.ru/622837> (дата обращения: 01.04.2025).

¹ См.: *Игнатьева О.* Персонал невидимок // Российская газета. – 2018. – 13 февраля. – URL: <https://rg.profkiosk.ru/624062> (дата обращения: 01.04.2025).

² См.: *Сергеев М.* Деньги нашей медицине уже не помощь // Независимая газета. – 2017. – 26 декабря. – URL: www.ng.ru/economics/2017-12-26/4_7144_medisc.html (дата обращения: 01.04.2025).

³ См.: *Трутнев Ю., Веденеева Н.* Термоядерная тайна СССР: академик раскрыл секреты создания царь-бомбы // Московский комсомолец. – 2017. – 5 декабря. – URL: <https://www.mk.ru/social/2017/12/05/termoyadernaya-tayna-sssr-akade>
[mik-raskryl-sekretы-sozdaniya-carbomby.html](https://www.mk.ru/social/2017/12/05/termoyadernaya-tayna-sssr-akade) (дата обращения: 01.04.2025).

Таким образом, мы показали, как в российской прессе в 2017–2018 гг. были расставлены приоритеты по актуальным проблемам конституционного права, включая вопросы федерализма. Ниже обратимся к более свежим данным.

Российский федерализм в курсе конституционного права: обзор прессы 2024 г.

Анализ прессы второго полугодия 2024 г. показывает, что повестка дня по указанной выше тематике принципиально (за редким исключением) не меняется. Региональная повестка по-прежнему достаточно активно представлена в отечественной прессе, при этом речь идет как о рассмотрении и оценке положения в отдельных регионах, так и под углом зрения общерегиональных проблем. Например, популярны материалы о помощи дотационным территориям. Среди 89 субъектов Российской Федерации Правительство России решило, например, перезапустить индивидуальные программы развития (ИПР) для десяти наиболее экономически депрессивных регионов (см. обновленный список¹) в формате выделения субсидий из федерального бюджета в 2025–2030 гг. Первый поток ИПР был запущен в 2020 г. путем выделения 50 млрд руб. (были созданы более 16 тыс. рабочих мест и дополнительно выделены примерно 116 млрд руб., что повысило среднегодовые доходы граждан и несколько снизило уровни бедности и безработицы).

С 2025 г. программы индивидуального развития регионов перезапускаются (по 10 млрд руб. на субъект в год), не заменяя при этом нацпроекты и госпрограммы, а дополняя их. Ответственным за финансирование ИПР назначено Минэкономки России².

О современном положении в Республике Саха речь идет в статье Т. Мишина «Победа – в наших сердцах» (Российская газета. – 2024. – 3 декабря); о том, как московские строители продолжают совершенствовать дорожную сеть столицы, рассказывает «Московский комсомолец» в статье Ю. Суханова «Столица прирастает дорогами» (Московский комсомолец. – 2024. – 17 декабря). Об

---

¹ Сегодня это – Чувашская республика, Алтай, Марий-Эл, Калмыкия, Тыва, Адыгея, Псковская и Курская области, Алтайский край и Хакассия.

² См.: *Королева А.* Депрессию подлечат единой субсидией // Коммерсантъ. – 2024. – 23 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7400782> (дата обращения: 01.04.2025).

инвестиционной активности Московской области пишет в своей статье Г. Соловьев «Подмосковные инвестиционные практики дают результат» (Независимая газета. – 2024. – 22 ноября). Кроме того, в прессе уделяется внимание и кадровому вопросу. О ситуации, связанной с созданием новых рабочих мест (их в Московской области каждый год добавляется около 80 тыс.) и росте заработной платы в Подмосковье (в сентябре 2024 г. она составила свыше 96 тыс. руб.) пишет Е. Иванова в газете «Коммерсантъ» (18 декабря 2024).

Также журналисты замечают, что если раньше поддержка депрессивных территорий осуществлялась в целях борьбы с бедностью, то сейчас власти стремятся к лучшему развитию экономики этих регионов. Сами отстающие регионы делают ставку на поиск перспективных направлений своего развития, стараясь нарастить доходы бюджета и создать новые рабочие места. Так, в Республике Марий Эл в качестве одного из направлений развития определено развитие сельского хозяйства, производство сельхозпродукции, сырья, продовольствия. В Республике Адыгея акцент делается на производстве овощей закрытого грунта и ягодных культур, в Чувашии – на развитии отрасли хмелеводства.

Вместе с тем различия в уровнях социально-экономического развития рассмотренных регионов по-прежнему весьма высоки. Разрыв между самыми богатыми и самыми бедными регионами в расходах на душу населения в консолидированных бюджетах – свыше 10 раз. Выделяемые дотационным регионам средства по индивидуальным программам социально-экономического развития составляют от 1,3 до 8,5% от поступающих межбюджетных трансфертов в 2020–2022 гг. (данные Счетной палаты РФ). Из-за разных масштабов субъектов-получателей выдаваемые суммы имели разное значение для бюджетов субъектов РФ. В пересчете на одного жителя средства на реализацию ИПР в среднем составили около 2 тыс. руб. на человека¹.

Также писалось о том, что региональную повестку усилит борьба за увеличение рождаемости в конкретном регионе и в целом по Российской Федерации. Показатели рождаемости теперь будут утверждаться в качестве плановых показателей работы всех

---

¹ См.: Соловьева О. Отстающим регионам подали программу дополнительного финансирования // Независимая газета. – 2024. – 9 декабря. – URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-09/2_9152_regions.html (дата обращения: 01.04.2025).

российских губернаторов, это побуждает региональные власти утвердить местные программы поддержки семей и мер по стимулированию рождаемости¹.

Например, Нижегородская область – одна из наиболее развитых в промышленном (и не только) отношении регионов РФ, находится в числе сорока регионов с низкой рождаемостью, т.е. в зоне «демографической зимы». За 11 месяцев 2024 года здесь родилось более 20 тыс. детей. Область разработала свою стратегию демографического развития до 2035 г., потратив на это 150 млрд руб. из областного бюджета. По заявлениям губернатора Нижегородской области Г. Никитина, за первого рожденного ребенка область будет осуществлять ежемесячные выплаты в размере 10 тыс. руб., в регионе вводится региональная доплата к федеральному материнскому капиталу до 1 млн руб.²

В целом с 2023 г. в Новгородской, Пензенской и Тамбовской областях запущены пилотные проекты стимулирования рождаемости. В 85 российских регионах утверждены программы, направленные на повышение рождаемости. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) с 2019 г. реализуется так называемый Дальневосточный демографический пакет. В Приморском крае работает с 1 января 2023 г. пилотный проект по выплате 1 млн руб. при рождении третьего ребенка; в Якутии с 2024 г. семейные пары в возрасте до 25 лет, впервые вступившие в брак, получают единоразовую денежную выплату в размере 50 тыс. руб. и т.д.³

Внедрением регионального социального стандарта (РСС) – рекомендаций по организации социальных услуг, основанных на лучшей управленческой практике, занимается Агентство стратегических инициатив (АСИ). Сегодня РСС выделяют 77 российских регионов. Например, в Астраханской области заработала школа социальной адаптации – 12-недельный курс для семей бойцов СВО, в Смоленской области созданы деловые центры по профориентации молодежи и т.д.⁴ В России живет более 11 млн граждан с

---

¹ См. подробнее: *Соловьева О.* Региональные власти начали соревнование за повышение рождаемости // Независимая газета. – 2024. – 24 декабря. – URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-24/1_9163_birthrate.html (дата обращения: 01.04.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Агентство стратегических инициатив реализует также стратегию пространственного развития Российской Федерации с определением приоритетных

инвалидностью, и только 17% из них не сталкиваются с трудностями повседневной жизни при получении товаров и услуг, в обучении и работе¹. Для решения этой проблемы АСИ продвигает проект «Открыто для всех», в котором уже участвуют 79 регионов. Целью программы является вовлечение предпринимателей в создание доступной среды и благоприятных условий в сфере трудоустройства, обучения, предоставления услуг людям с инвалидностью. В программе «Открыто для всех» уже участвуют 1,5 тыс. компаний из разных сфер – от IT-компаний до заводов, работу получили более 5700 человек с инвалидностью, создана и внедряется более 8 тыс. единиц продукции и т.д.²

Тема падения или роста рождаемости в стране в региональном разрезе была чрезвычайно популярна СМИ в 2024 г. и наверняка будет в последующие годы. В столичном регионе до 2045 г. будет отмечаться самая большая убыль населения в России, – пишет, ссылаясь на Росстат, С. Одоевцева из «Московского комсомольца». В Москве не досчитаются за 20 лет почти 700 тыс. человек, в Подмосковье – 610 тыс. «Дефицит» народонаселения будут ощущать многие субъекты РФ (по прогнозам экспертов, 12 млн человек), за исключением Чеченской республики, Дагестана, Республики Тыва, ХМАО и Ямала. К 2045 г. Дагестан, по прогнозам, пополнится на 510 тыс. человек, Чечня – на 610 тыс., Ингушетия – на 131,9 тыс., Тюмень – на 170,9 тыс. человек. К 2046 г. так называемый накопительный миграционный прирост в Большой Москве (Москва и Московская область) составит более 2 млн человек³.

территорий развития и национальную экологическую инициативу при поддержке АСИ; уже внедрено более 400 различных передовых решений в сфере экологии. Тем более, что, по подсчетам экспертов, в России сейчас около 100 млн га земли (46,8% всех сельхозугодий) подвергаются опустыниванию; это затрагивает ряд регионов Российской Федерации. См. подробно: *Мамонова Е.* Малые города и села получают развитие // Российская газета. – 2024. – 18 декабря. – URL: <https://rg.ru/2024/12/18/ne-huzhe-chem-v-stolice.html> (дата обращения: 01.04.2025); *Мамонова Е.* Экологические проекты способствуют устойчивому развитию // Российская газета. – 2024. – 18 декабря. – URL: <https://rg.ru/2024/12/18/zelenye-iniciativy.html> (дата обращения: 01.04.2025).

¹ См.: *Колмацкий М.* Социальные проекты АСИ меняют условия жизни людей // Российская газета. – 2024. – 18 декабря. – URL: <https://rg.ru/2024/12/18/podderzhat-kazhdogo.html> (дата обращения: 01.04.2025).

² См.: там же.

³ См. *Одоевцева С.* Спрогнозировано рекордное падение численности населения в Москве и области: спасут мигранты // Московский комсомолец. – 2024. – 31 января. – URL: <https://www.mk.ru/moscow/2024/01/30/sprognozirovano-rekord>

Пессимистические прогнозы экспертов реализуются в том случае, если парламентом и правительством РФ не будут предприняты более значимые, чем сейчас, меры по повышению рождаемости в стране. Полагаем, что пресса наверняка и дальше будет уделять этому вопросу приоритетное внимание.

Относительно новой темой в отечественной прессе стали масштабные антироссийские санкции США, ЕС и других стран. Очевидно, они оказывают негативное воздействие как на всю Россию, так и на большинство ее регионов. По мнению журналиста «Независимой газеты» М. Сергеева¹, за последние три года в РФ радикально изменилась карта регионального роста. Промышленные регионы сильно обогнали экспортные сырьевые территории, которые на протяжении десятилетий были драйверами российской экономики. Наблюдается заметный рост зарплат и строительный бум в регионах Поволжья, Урала и Сибири. Абсолютными лидерами по росту зарплат с конца 2021 г. стали Удмуртия и Курган. Здесь заработки поднялись на 78 и 75%, соответственно, в то время как в среднем по стране рост составил 54–55%. С начала СВО центры экономического роста стали перемещаться на Урал, Поволжье и другие промышленные регионы России, где активно развивается обрабатывающая промышленность и строительство. В то же время сложную адаптацию к антироссийским санкциям пережили Центр и Северо-Запад России. Суммарный валовой региональный продукт (ВРП) здесь в 2023 г. оказался на уровне 2021 г., прирост составил всего 0,4%. В 2023 г. социально-экономические показатели 2022 г. были превышены во всех российских макрорегионах; это говорит о том, что отечественная экономика адаптировалась к санкциям.

Достаточную популярность у журналистов приобрела ранее не очень активно развивающаяся тема разработки (пересмотра) ранее утвержденных показателей эффективности работы региональных властей. Происходит это, видимо, под воздействием по-

---

nove-padenie-chislennosti-naseleniya-v-moskve-i-oblasti-spasut-migranty.html (дата обращения: 01.04.2025).

¹ См. подробно: *Сергеев М.* В условиях санкций новыми центрами роста стали Поволжье и Урал // Независимая газета. – 2024. – 2 декабря. – URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-02/1_9147_map.html (дата обращения: 01.04.2025).

правок 2020 г. в Конституцию РФ, связанных с введением понятия и практики публичной власти¹.

Поступают сообщения о том, что в Администрации Президента РФ разрабатывается новая версия критериев эффективности деятельности региональных администраций – глав регионов². Прежние показатели (20 пунктов) были утверждены Указом Президента России 4 февраля 2021 г. «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации» и включали следующее: доверие к власти, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень бедности, уровень образования, количество семей, улучшивших жилищные условия, объем жилищного строительства, темпы роста реального среднедушевого дохода населения и заработной платы, численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства и т.д. Если раньше оценка этих показателей опиралась в основном на показания статистики, то теперь они будут подкрепляться социологическими оценками, сделанными по результатам опросов жителей регионов.

Российские СМИ с интересом относятся к докладам (отчетам), представляемым Счетной палатой (СП РФ), включая те, в которых фигурируют субъекты Российской Федерации. Например, анализируя эффективность расходов средств, выделяемых на фе-

---

¹ Согласно п. 2 ст. 71 Конституции РФ, в ведении Российской Федерации теперь находятся «организация публичной власти», которую следует понимать как единство действий органов местного самоуправления и органов государственной власти (п. 3 ст. 132 Конституции России). Данные органы входят в единую систему публичной власти Российской Федерации и «осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (п. 3 ст. 132 Конституции РФ). «Органы местного самоуправления, взаимодействуя с органами государственной власти, выполняют ряд порученных им публичных функций» (ст. 133 Конституции РФ). «Особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом», – гласит п. 3 обновленной в 2020 г. ст. 131 Конституции России.

² См. подробно: *Винокуров А.* Больше социологии, хорошей и разной // Коммерсантъ. – 2024. – 26 ноября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7327382> (дата обращения: 01.04.2025). Автор статьи приводит в качестве примера Владимирскую область: у действующего губернатора С. Орловой статистические показатели работы были хорошими, но население ее работу оценивало не очень хорошо. В итоге она проиграла выборы так называемому «техническому кандидату», представителю ЛДПР В. Сипягину.

деральный проект «Спорт – норма жизни» (время действия – 2019–2023 гг., объем – 141,4 млрд руб.), аудиторы обратили внимание на то, что было израсходовано всего 87% указанных средств, при этом большая часть финансов (свыше 80%) пошла на строительство и оснащение спортивных объектов. Однако больше половины этих объектов возведено в регионах, которые уже имели уровень обеспеченности спортивными объектами выше среднего по стране. Обеспокоила аудиторов значительная разница в сметах и фактических затратах на строительство типовых объектов спорта, в некоторых случаях она различалась в 2–4 раза. Например, стоимость строительства катка в Бийске составила 10,9 млрд руб., в Борисоглебске – 7,1 млрд рублей, а в Мурманске – 3,7 млрд руб. Как обнаружилось, низкой остается и эффективность государственных закупок в сфере физической культуры и спорта. Оказалось, что доля закупок у единственного поставщика составляла более 99%, что уже само по себе нонсенс. А завышение стоимости поставленного спортивного оборудования по результатам закупок больше, чем вдвое, отличается от стоимости закупок, которые проводились регионами самостоятельно. Экспертов СП удивило, почему заявленное фактическое количество участников физкультурно-спортивных предприятий за четыре года реализации проекта «Спорт – норма жизни» снижалась, а численность населения, систематически занимающихся спортом, росла¹.

В завершение перейдем к обобщенным показателям деятельности российских регионов. Их регулярно публикует «Российская газета». Согласно Основным показателям социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в I полугодии 2024 г.², лидерами остаются территории, упомянутые ранее. Это – Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан и, как ни странно, Белгородская область, которая сегодня находится в сложных условиях.

Стоит упомянуть и о такой важной территории, как Арктический регион, в котором размещается несколько субъектов РФ.

---

¹ См. подробно: *Соловьева О.* Рост числа физкультурников вызвал сомнения аудиторов // Независимая газета. – 2024. – 10 декабря. – URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-10/4_9153_sport.html (дата обращения: 01.04.2025).

² См. подробно: Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2024 года // Российская газета. – 2024. – 10 сентября. – URL: <https://rg.ru/documents/2024/09/10/document-socialno-ehkonomicheskoe-polozhenie.html> (дата обращения: 01.04.2025).

Выше мы отмечали некоторый всплеск интереса со стороны прессы к арктической и дальневосточной тематике и проблеме развития Русского Севера. В последние годы вопросы Арктики, Северного морского пути, строительства ледокольного флота России и пр. стали активно освещаться в отечественных СМИ, став важной темой в курсе конституционного и международного права. Указанные регионы в силу ряда обстоятельств жизненно важны для России во все времена, тем более сейчас – в условиях санкций со стороны ряда стран (включая северные).

Еще одной актуальной для прессы темой стала поддержка отстающих регионов. Так, в декабре 2024 г. Правительство РФ утвердило индивидуальные программы (ИПР) социально-экономического развития для республик Чувашии, Адыгеи, Марий Эл, Тывы, Хакасии, Калмыкии, Псковской области. Стимулирование отстающих субъектов Российской Федерации будет осуществляться за счет федерального бюджета до 2030 г., планируется выделять каждому региону по 6 млрд руб. в год; при этом каждая ИПР «нацелена на формирование условий для опережающего социально-экономического развития на основе эффективного использования потенциала увеличения конкурентной способности региона»¹.

Фактически речь идет о перезапуске уже ранее осуществляемой программы развития депрессивных территорий (общий объем ее финансирования в 2020–2022 гг. составил 30,3 млрд руб., а на предстоящую пятилетку выделено 52 млрд руб.). При этом меняется порядок доведения средств до указанных территорий. Теперь это будет осуществляться Минэкономразвития РФ через механизм единой субсидии – такой порядок должен упростить и ускорить исполнение программ на месте; что касается эффективности реализации ИПР, то практика предыдущих трех лет показала позитивные результаты в Псковской области, республиках Марий Эл, Адыгее и Чувашии. Наименьшие изменения произошли в республиках Алтай и Калмыкия².

---

¹ См. подробно: *Соловьева О.* Отстающим регионам продлили программу дополнительного финансирования // Независимая газета. – 2024. – 9 декабря. – URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-09/2_9152_regions.html (дата обращения: 01.04.2025).

² *Королева А.* Депрессию подлечат единой субсидией // Коммерсантъ. – 2024. – 23 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7400782> (дата обращения: 01.04.2025). По данным Минэкономразвития, первый поток ИПР был реализован успешно. В регионах с 2020 по 2024 гг. было создано 16 тыс. рабочих мест (на 4% больше, чем по плану), привлечено 116 млрд руб. инвестиций (на 1/3 больше плановых показателей).

Заключение

В целом, как показывает анализ российской прессы 2017–2018 и 2024 гг., тема федерализма, постоянно происходящих изменений в этой важной области государственной и общественной жизни страны является у журналистов востребованной. И это понятно: от того, в каком социально-экономическом состоянии находятся российские регионы, каким образом они осуществляют взаимодействие между собой и по линии «центр–регионы», во многом зависят экономическое развитие субъектов нашей страны, благополучие и социальные настроения россиян.

Как демонстрируют результаты проведенного исследования, в определенные периоды времени на первый план выходит та или иная актуальная проблематика, связанная как с текущей повесткой дня, так и с международной (санкции США и ЕС против РФ, президентские, парламентские и региональные выборы, эффективность деятельности региональных властей, развитие Арктики, помощь депрессивным регионам и пр.). При этом важен постоянный мониторинг происходящих процессов, оказание как своевременной помощи конкретным регионам, так и дальнейшее развитие республик, краев и областей, нацеленных на опережающий рост. Хочется надеяться, что социология права будет в этом играть свою позитивную роль, подсказывая представителям власти направление эффективных правовых решений возникающих проблем.

Список литературы

Актуальные вопросы конституционного права: сборник заданий / под ред. С.А. Глотова. – Москва: Международный юридический институт; Щит-М, 2017а. – Ч. 1. – 260 с.

Актуальные вопросы конституционного права: учебное пособие / под ред. С.А. Глотова. – Москва: Международный юридический институт; Щит-М, 2017б. – Ч. 2. – 298 с.

Актуальные вопросы конституционного права: практикум для бакалавров / под ред. С.А. Глотова. – Москва: Щит-М, 2017в. – Ч. 3. – 308 с.

Актуальные вопросы конституционного права: практикум для бакалавров / под ред. С.А. Глотова. – Москва: Федеральный центр образовательного законодательства, 2018а. – Ч. 4. – 330 с.

Актуальные вопросы конституционного права: учебно-методическое пособие / под ред. С.А. Глотова. – Москва: Федеральный центр образовательного законодательства, 2018б. – Ч. 5. – 322 с.

Актуальные вопросы конституционного права: учебно-методическое пособие / под ред. С.А. Глотова. – Москва: Федеральный центр образовательного законодательства, 2018в. – Ч. 6. – 328 с.

References

Current issues of constitutional law: collections of tasks. Ed. by S.A. Glotov. – Moscow: International law institute; Shchit-M, 2017a. – Part 1. – 260 p. (In Russian)

Current issues of constitutional law: textbook. Ed. by S.A. Glotov. – Moscow: International law institute; Shchit-M, 2017b. – Part 2. – 298 p. (In Russian)

Current issues of constitutional law: practical training for bachelors. Ed. by S.A. Glotov. – Moscow: Shchit-M, 2017c. – Part 3. – 308 p. (In Russian)

Current issues of constitutional law: practical training for bachelors. Ed. by S.A. Glotov. – Moscow: Federal center for educational legislation, 2018a. – Part 4. – 330 p. (In Russian)

Current issues of constitutional law: teaching manual. Ed. by S.A. Glotov. – Moscow: Federal center for educational legislation, 2018b. – Part 5. – 322 p. (In Russian)

Current issues of constitutional law: teaching manual. Ed. by S.A. Glotov. – Moscow: Federal center for educational legislation, 2018c. – Part 6. – 328 p. (In Russian)

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

УДК 316.35

DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.08

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ЧЕРНОВА Ж., ШПАКОВСКАЯ Л. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ, КЛАССОВОМ НЕРАВЕНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОМ ИСКЛЮЧЕНИИ В РОССИИ. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 224 с.

Аннотация. Книга Ж.В. Черновой и Л.Л. Шпаковской «Путевка в жизнь: социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России» посвящена особенностям взросления в разных социальных группах (сильноресурсных и слабонересурсных) России. Авторы, опираясь на богатый эмпирический материал, описывают жизненные траектории молодежи из среднего класса и выпускников детдомов.

Ключевые слова: российское общество; взросление; контрастные социальные группы; молодежь; жизненные траектории.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 128–134. – Рец. на кн.: Чернова Ж., Шпаковская Л. Путевка в жизнь: социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 224 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.08

Рецензия поступила: 10.02.2025.

Принята к публикации: 21.02.2025.

---

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

YADOVA M.A. ** Book review: Chernova Zh., Shpakovskaya L. A ticket to life: sociological essays on education, class inequality, and social exclusion in Russia. – St. Petersburg: EuSPb Press, 2023. – 224 p.

Abstract. The book “A ticket to life: sociological essays on education, class inequality, and social exclusion in Russia” by Zh.V. Chernova and L.L. Shpakovskaya is devoted to the peculiarities of growing up in different (high-resource and low-resource) social groups in Russia. Based on rich empirical material, the authors describe the life trajectories of middle-class youth and graduates of orphanages.

Keywords: Russian society; growing up; contrast social groups; youth; life trajectories.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 128–134. – Book review: Chernova Zh., Shpakovskaya L. A ticket to life: sociological essays on education, class inequality, and social exclusion in Russia. – St. Petersburg: EuSPb Press, 2023. – 224 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2025.02.08

Received: 10.02.2025.

Accepted: 21.02.2025.

Книга известных отечественных специалистов в области социологии семьи д-ра социол. наук Жанны Владимировны Черновой (Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) и канд. социол. наук Ларисы Леонидовны Шпаковской «Путевка в жизнь: социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России» посвящена особенностям взросления в нашей стране. Используя социологическую оптику, авторы анализируют опыт транзита к взрослости представителей двух контрастных по социальному статусу групп: образованного городского среднего класса и выпускников детских домов. В рецензируемой работе убедительно показано, как по-разному взрослеют представители этих социальных групп. Молодые горожане из среднего класса располагают возможностью получить качественное образование и опираются на ресурсный капитал родительских семей, что во много раз повышает их шансы на

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

достижение социального успеха и занятие престижных профессиональных позиций. Выпускники детских домов, напротив, имеют высокие риски «социального провала», им проще быть втянутыми в воронку безработицы, бедности, маргинализации; они лишены поддержки родительской семьи, а недостатки современной социальной и образовательной политики нередко, к сожалению, провоцируют их социальное исключение.

Основу настоящей работы составляет уникальный эмпирический материал, собранный исследовательницами: интервью с молодыми информантами, представляющими сильно- и слабонересурсные социальные группы, чиновниками, учителями и сотрудниками НКО, официальные документы, педагогические и культурные дискурсы о детстве и взрослости.

Книга логично структурирована и разделена на три части, включающие восемь глав. Первая часть «Изучая взросление: теоретические и эмпирические подходы» посвящена научным подходам к проблеме взросления. Здесь авторы знакомят читателей с основными концепциями, которые составили теоретическую базу проведенного исследования. Они обращаются к классическим и актуальным подходам в социологических исследованиях классового неравенства, образования, семьи и родительства. Феномен взросления вписан ими в широкий контекст анализа взросления, который связан с характерным для современных обществ процессом индивидуализации жизненного пути, а также с политическими и социальными реалиями, определяющими взросление в России. Авторы предлагают рассматривать процесс взросления сквозь призму трендов индивидуализации жизненного выбора современного человека. Большинство современных исследователей в России и за рубежом полагает, что в сегодняшнем глобализированном мире ключевые «вехи» биографических маршрутов миллениалов и зумеров, связанные с браком, выбором профессии и образования, не являются заданными и зависят большей частью от индивидуального выбора человека (см., например: [Serracant, 2015 ; Радаев, 2019]). Авторы, ссылаясь на идеи Э. Гидденса, называют этот процесс свободным выбором рефлексивной индивидуализацией. Вместе с тем они задаются вопросом, нет ли в таком подходе упрощения и стремления объяснить личные проблемы, связанные с социальными трудностями и неравенством, исключительно личностными способностями или недостаточными усилиями со стороны того или иного человека, ведь зачастую выбор за человека совершают «семья и институты, что задает определенную персо-

нальную и профессиональную колею» [Чернова, Шпаковская, 2023, с. 21]. Если попытаться учитывать подобный эффект колеи при конструировании биографических маршрутов, становится очевидным, что в зависимости от социального и индивидуального контекста иному человеку нужно сильно постараться, чтобы достичь как успеха, так и неудачи.

Стоит отметить явные пересечения с идеями известного американского экономиста Г. Кларка, исследовавшего механизмы социальной мобильности за последние несколько веков и обнаружившего, что в современном мире, даже в демократических высококомобильных обществах со значительным уровнем социального равенства, судьбу человека по-прежнему во многом определяет социальное происхождение его предков [Clark, 2014]. Это дает возможность спрогнозировать примерные социальные перспективы и жизненные траектории любого человека с детства. По словам Кларка, выходцы из высокостатусных семей традиционно воспроизводят иные паттерны поведения, мышления, нежели те, кто рос в менее благополучных условиях; нередко наследование эффективных поведенческих паттернов существенно повышают шансы индивида на жизненный успех.

Вторая часть книги «Производство культурной нормы и биографические инновации» посвящена специфике взросления представителей среднего класса. Авторы анализируют стиль жизни среднего класса и особенности транзита его юных представителей к взрослости (со свойственными тому пролонгированными или отложенными периодами обучения, начала профессиональной карьеры, тестирования семейных отношений и пр.). В этой части исследуются биографические нарративы молодых горожанок. Авторы фокусируются на феномене интенсивного родительства как нормативного образа жизни среднего класса, жизненных притязаниях родителей из среднего класса, помогающих детям выстраивать образовательную и профессиональную траектории. Обращаясь к жизненным траекториям некоторых представительниц среднего класса, родившихся уже в постсоветский период и выросших в благополучных социальных условиях, Ж.В. Чернова и Л.Л. Шпаковская отмечают в качестве их жизненного кредо следование принципам прагматического индивидуализма. Эти девушки мало чем отличаются от своих западных сверстниц, стремясь «сочетать построение собственного индивидуального жизненного проекта <...>, отвечающего индивидуальным потребностям и желаниям, с доступными ресурсами и возможностями» [Чернова, Шпаковская,

2023, с. 93]. Они выступают полноценными актерами собственной жизни, рационально и прагматично выстраивая образовательный, профессиональный и семейно-брачный маршруты своей биографии, в случае необходимости опираясь на социальный капитал родителей. В свое время родители участниц исследования инвестировали в их образование, теперь и сами информантки готовы интенсивно вкладываться в образование собственных детей с самого юного возраста. Авторы книги, например, отмечают разницу в требованиях родителей из рабочего класса и родителей, принадлежащих к среднему образованному классу, к системе дошкольного / школьного образования: во втором случае они гораздо выше [там же, 2023, с. 107]. Внимательно изучая индивидуальные биографии выпускников одного из престижных российских вузов, авторы показывают, как амбиции и семейный капитал родителей превращается в классовые привилегии. Благодаря «семейной страховке» юноши и девушки узнают о том, «как устроен стиль жизни и мир профессий среднего класса», проще говоря, овладевают «искусством жить» [там же, с. 113]. Авторы справедливо замечают, что «средний класс обладает гегемонией на производство культурной нормы, успешной модели взросления, привлекательных гендерных и семейных образцов и профессиональных биографий» [там же, с. 74].

Третья часть книги «За пределами нормальности: взросление как социальное исключение и попытка его преодоления» посвящена анализу индивидуальных биографических маршрутов, образовательных и профессиональных траекторий молодежи, имеющей опыт воспитания в «учреждениях институциональной заботы» (авторы предлагают так называть детские дома) [Чернова, Шпаковская, 2023, с. 14]. Авторы изучают, как детские дома готовят своих воспитанников к самостоятельной жизни, какие педагогические подходы и воспитательные дискурсы (зачастую сильно архаичные и не соответствующие духу и обстоятельствам современной жизни) там преобладают, с какими барьерами приходится сталкиваться их выпускникам. Исследовательницы показывают, как образование позволяет представителям этой считающейся социально неблагополучной группы снижать риски социального исключения, уязвимости и маргинализации. Обычно выпускники российских детдомов вынуждены стартовать с наименее престижных образовательных и карьерных позиций.

Опираясь на подход М. Штейна, выделяющего в качестве основных моделей взросления выпускников европейских детских

домов «движение вперед», «приспособление» и «скатывание» [Stein, 2006], авторы книги исследуют, как работают эти стратегии в российских реалиях. На основе анализа нескольких биографических кейсов молодых людей и девушек, имеющих опыт проживания в российском детском доме, авторы описывают типичные современные модели транзита к взрослой жизни в социально уязвимых группах. Авторы книги внимательны к деталям и сострадательны к тем, кого изучают, их цель показать, что происходит с молодежью при отсутствии семейной поддержки, с какими трудностями она может столкнуться в повседневной жизни и насколько отличаются биографии выпускников детских домов от биографических маршрутов их сверстников из благополучных семей, всегда имеющих в резерве те или иные способы подстраховки. Даже, казалось бы, находящиеся в распоряжении сирот страхующие механизмы в виде мер государственной поддержки и НКО не всегда срабатывают, так как у подопечных институтов заботы зачастую нет «адекватных знаний о работе государственных учреждений» и «компетенций, связанных с обращением к специалистам из органов опеки и попечительства» [Чернова, Шпаковская, 2023, с. 195] при возникновении проблем. Например, в качестве успешной модели взросления выпускницы детского дома рассматривается история Светланы, которая открыла в себе с помощью наставников спортивные способности: на момент исследования она училась в педагогическом колледже на учителя физкультуры и уже имела опыт участия в молодежной сборной РФ по женскому футболу [там же, с. 186]. В то же время трагически выглядит кейс другой девушки-сироты, Насти, потерявшей возможность учиться и скоропостижно скончавшейся в 19 лет от не полученной вовремя медицинской помощи. По словам авторов, Настю можно было бы спасти, если бы она «смогла вписаться в предусмотренный для выпускников детских домов переход через систему профессионального образования на производство» [там же, с. 197], но, к сожалению, ей не хватило как внутренних ресурсов, так и внешней социальной поддержки.

В рецензируемой книге наглядно показано, что сценарий перехода к взрослой жизни во многом детерминирован государственными идеологией и политикой, а также нормативными культурными представлениями о молодости и взрослении. Очевидно, что ключевую роль в транзите современной молодежи к взрослости играют семья и образование как основные «социальные институты, поддерживающие ту или иную нормативную модель взрос-

ления» [Чернова, Шпаковская, 2023, с. 200]. В целом полученные Ж.В. Черновой и Л.Л. Шпаковской результаты согласуются с данными схожей тематики, собранными другими исследователями, в том числе автором этой рецензии (см., например: [Ядова, 2018]). Не сомневаемся, что настоящая работа будет полезна всем, кто интересуется молодежной проблематикой и кого волнует тема взросления в современном российском обществе.

Список литературы

Радаяев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Путевка в жизнь: социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 224 с.

Ядова М.А. Молодежь в современном мире: тенденции взросления // Россия и современный мир. – 2018. – № 4. – С. 104–111. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.09

Clark G. The son also rises: surnames and the history of social mobility. – Princeton (NJ): Princeton university press, 2014. – 384 p.

Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajectories: a case study from Southern Europe // Young. – 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58.

Stein M. Young people aging out of care: the poverty of theory // Children and youth services review. – 2006. – Vol. 28, N 4. – P. 422–434.

References

Chernova Zh., Shpakovskaya L. *A ticket to life: sociological essays on education, class inequality, and social exclusion in Russia*. – St. Petersburg: EuSPb Press, 2023. – 224 p. (In Russian)

Clark G. *The son also rises: surnames and the history of social mobility*. – Princeton (NJ): Princeton university press, 2014. – 384 p.

Radaev V.V. *Millennials: how the Russian society changes*. – Moscow: HSE university publishing house, 2019. – 224 p. (In Russian)

Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajectories: a case study from Southern Europe. *Young*. – 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58.

Stein M. Young people aging out of care: the poverty of theory. *Children and youth services review*. – 2006. – Vol. 28, N 4. – P. 422–434.

Yadova M.A. Youth in the contemporary world: trends of growing up. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world]. – 2018. – N 4. – P. 104–111. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.09 (In Russian)

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

САМНЕР У.Г. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ (Избранные фрагменты).
(Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: народные обычаи; нравы; традиция; мы-группа (ин-группа); они-группа (аут-группа); этноцентризм; патриотизм; шовинизм; борьба за существование; конкуренция; комбинация; антагонистическое сотрудничество; голод, любовь; честолюбие; страх.

Для цитирования: Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 2. – С. 135–154.

Перевод поступил: 15.01.2025.

Принят к публикации: 22.01.2025.

SUMNER W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)

Keywords: folkways; mores; tradition; we-group (in-group); others-group (out-group); ethnocentrism; patriotism; chauvinism; struggle for existence; competition; combination; antagonistic cooperation; hunger; love; vanity; fear.

For citation: Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 2. – P. 135–154.

---

¹ Перевод сделан по: *Sumner W.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals.* – Boston: Ginn & Company, 1906. – P. 2–8, 8–9, 11–20.

Received: 15.01.2025.

Accepted: 22.01.2025.

От переводчика. Уильям Грэм Самнер (1840–1910) – американский социолог, консервативный мыслитель, экономист, публицист, один из основоположников американской социологии. Его наследие включает более двух десятков книг, брошюр, сборников очерков. Наибольшее значение для социологии имела его книга «Народные обычаи», изданная в 1906 г., в которой была введена целая серия понятий, получивших позже широкое хождение: «народные обычаи» (folkways), «нравы» (mores), «мы-группа», «они-группа», «этноцентризм» и др. В книге 20 глав. Они строятся на обширных классифицированных этнографических материалах и охватывают широчайший круг тем: трудовые и хозяйственные обычаи и практики, рабство, социальные кодексы, институты брака и родства, половые нравы, аборт, инфантицид, канибализм, инцест, кровную месть, правосудие, нечистоту и зло, обычаи воспитания, развлечения, искусства, аскетизм и т.д. Методичное рассмотрение этих тем сопровождается обобщениями и интерпретациями. Хотя ключевые понятия и принципы социологии так или иначе затрагиваются во всех главах книги, наиболее полно и развернуто они представлены в первых двух, особенно в первой. Вниманию читателя предлагается подборка параграфов из этих двух глав. На русский язык книга ранее не переводилась.

Глава 1. Фундаментальные понятия народных обычаев и нравов

Определение народных обычаев и их происхождение. Если сложить все, что мы узнали из антропологии и этнографии о примитивных людях и примитивном обществе, то станет ясно, что первая жизненная задача состоит в том, чтобы жить. Люди начинают с действий, а не с мыслей. Каждое мгновение несет потребности, которые должны быть сразу удовлетворены. Прежде ощущалась нужда, а за ней сразу следовала неловкая попытка ее удовлетворить. Обычно принимается на веру, что некоторые из руководящих ими инстинктов люди унаследовали от своих диких предков, и, может быть, так оно и есть, хотя никто этого еще не доказал. Если такие наследственные свойства действительно были, то именно они управляли первыми попытками удовлетворения нужд и оказывали им содействие. Аналогия позволяет с легкостью

предположить, что способы поведения зверей создали те каналы привычек и предрасположений, в русле которых легко укладывались навыки и другие психофизические активности. Эксперименты с новорожденными животными показывают, что в отсутствие опыта, связывающего средства и цели, попытки удовлетворения потребностей неуклюжи и слепы. Это метод проб и ошибок, постоянно несущий страдания, потери и разочарования. Тем не менее это метод грубого эксперимента и отбора. Вначале усилия человека были такого рода. Движущей силой была нужда. Удовольствия и страдания, с одной стороны и с другой, задавали примерные ограничения, определявшие траекторию его усилий. Способность различать удовольствие и страдание – единственная психическая сила, которую следует допустить. Так отбирались выгодные способы действия. Они лучше соответствовали цели, чем другие, требовали меньше труда и мучений. В том русле, в котором вынуждены были развертываться усилия, развивались привычка, рутина и навык. Борьба за сохранение существования велась индивидуально, но в группах. Каждый извлекал выгоду из опыта другого; следовательно, происходило согласование в сторону того, что оказывалось наиболее целесообразным. В конце концов все принимали один и тот же способ действий для достижения одной и той же цели; тем самым способы действий превращались в обычаи и становились массовыми феноменами. В связке с ними развивались инстинкты. Так возникают народные обычаи. Молодежь усваивает их благодаря традиции, подражанию и авторитету. Народные обычаи везде и всюду обеспечивают все жизненные потребности. Они единообразны, универсальны для группы, императивны и неизменны. Со временем обычаи становятся все более и более деспотичными, позитивными и императивными. Если спросить дикаря, почему он в том или ином случае действует так-то, он неизменно отвечает, что поступает так потому, что он всегда так делал и так всегда делали его предки. Из страха перед духами рождается санкция. Духи и предки были бы рассержены, если бы живущие изменили древние народные обычаи (см. § 6).

2. Народные обычаи как социетальная сила. Операция создания народных обычаев состоит в частом повторении небольших актов, часто большим числом людей, действующих согласованно или, по крайней мере, действующих одинаково при столкновении с одной и той же потребностью. Непосредственным мотивом является интерес. Он производит привычку у индивида и обычай в группе. Он, следовательно, в высшей степени изначален и элемен-

тарен. Через привычку и обычай он оказывает давление на каждого индивида, находящегося в сфере его влияния; следовательно, он вырастает до уровня социетальной силы, определяющей широкие классы общественных явлений. Можно изучить его ранние стадии, ход его развития и его законы, а также его влияние на индивидов и их реакцию на него. Это и есть цель нашего исследования. Мы должны признать интерес одной из главных сил, благодаря которому общество становится тем, что оно есть. Из неосознанного эксперимента, заключенного в каждом повторении действий, проистекают удовольствие или страдание, а затем, поскольку люди способны к рефлексии, вырастает убеждение, что эти виды действий способствуют общественному благополучию. Опыт удовольствия и опыт страдания неравноценны. Самые нецивилизованные люди как при поисках пропитания, так и на войне делают то, что приносит им страдания, но было сочтено целесообразным. Эти случаи учат человека чувствовать общественное благо, пожалуй, лучше, чем те, при которых действие приятно и способствует благополучию. Ведь они требуют разумного осмысления опыта. Когда к народным обычаям добавляется эта уверенность в их связи с благополучием, они превращаются в нравы (*mores*), а благодаря добавлению к ним философского или этического элемента они обретают полезность и важность, становясь источником науки и искусства жизни.

3. Народные обычаи создаются неосознанно. Прежде всего важно заметить, что среди первых действий, посредством которых люди пытаются удовлетворять потребности, каждый акт стоит особняком и не ищет ничего, кроме непосредственного удовлетворения. Из повторяющихся потребностей возникают привычки индивида и обычаи группы, но эти последствия никогда не были ни сознательными, ни заранее предусмотренными, ни преднамеренными. Они не замечаются до тех пор, пока не оказываются уже долгое время существующими, и проходит еще много времени, прежде чем их можно будет оценить. Далее требуется еще много времени и достижение более высокого уровня умственного развития, чтобы они смогли составить основу для выведения правил решения в будущем тех проблем, давление которых можно предвидеть. Народные обычаи, следовательно, не творение человеческих умыслов, не плод человеческой изобретательности. Они сродни продуктам природных сил, неосознанно приведенных в действие человеком; они подобны инстинктивным способам поведения животных, которые развиваются из опыта, достигают в ко-

нечной форме максимальной адаптации к интересу, передаются по традиции и не допускают никаких исключений, никаких вариаций, хотя и меняются для приспособления к новым условиям, делая это в рамках тех же ограниченных методов, без всякой рациональной рефлексии и цели. Выходит, что вся жизнь человеческая во все времена и на всех ступенях культуры управляется прежде всего огромной массой народных обычаев, унаследованных от самых ранних начал существования человеческого рода, соприродных способам поведения иных животных, лишь на самых поверхностных уровнях поддающихся изменению и контролю и в какой-то мере преобразенных человеческой философией, этикой и религией или иными актами разумной рефлексии. Нам говорят о дикарях, что «трудно составить исчерпывающий список обычаев и мелких церемониальных обыкновений дикарского народа. Обычай регулирует весь круг человеческих действий – как он моется, умывается, стрижет волосы, ест, пьет, голодает. От колыбели и до гробовой доски он раб древнего обычая. В его жизни нет ничего свободного, ничего оригинального, ничего спонтанного, никакого прогресса в сторону высшей и лучшей жизни, никакой попытки улучшить свое положение в умственном, моральном или духовном отношении»¹. Все люди действуют таким образом, и степень произвольных отклонений крайне незначительна.

4. Импульс и инстинкт. Изначальная глупость. Магия.

«Нравы (*Sitten*) покоятся на чувствах удовольствия или страдания, которые либо напрямую производят действия, либо вызывают желания, становящиеся причинами действия»². «Импульс – не атрибут живых существ, как инстинкт. Единственным явлением, к которому относится импульс, является то, что люди и другие животные подражают тому, что они видят делающими других, особенно своего вида, и то, что они осуществляют это подражание тем легче, чем чаще их предки практиковали этот же самый акт. То, чему подражают, следовательно, должно уже существовать и не может быть объяснено как импульс». «Как только инстинкт перестал быть единственным правителем живых существ, включая зарождающегося человека, последний должен был делать ошибки

---

¹ *MacDonald J.* Manners, customs, superstitions, and religions of South African tribes // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.* – 1891. – Vol. 20, N 2. – P. 140.

² *Lazarus M.* Ueber den Ursprung der Sitten // *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.* – 1860. – Bd. 1. – S. 452.

в борьбе за существование, которые скоро завершили бы его карьеру, не будь у него инстинкта и подражания существующему, которые направляли его. Эта человеческая изначальная глупость – конечная основа религии и искусства, ибо они возникают без всякого промежутка из магии, которая становится непосредственным следствием борьбы за существование, когда выходит за пределы инстинкта». «Если нам нужно определить истоки одежды, если нам нужно определить социальные отношения и достижения, например происхождение брака, войны, земледелия, скотоводства и т.д., если мы хотим провести исследования души природных народов, – то мы всегда должны проходить через магию и веру в магию. У того, кто слаб в магии, например у ритуально нечистого человека, “плохое тело”, и он не достигает успеха. Примитивные люди, с другой стороны, достигают успеха с помощью своей магической силы и магических приготовлений, становясь тем самым “благородными и достойными”. Для них нет другой нравственности [нежели этот успех]. Даже технические шноровки определенно не были свободными от влияния веры в магию»¹.

5. Тяга к совершенствованию и согласованности. Народные обычаи как способы удовлетворения потребностей преуспевали лучше или хуже и, следовательно, порождали больше или меньше удовольствия или страдания. Их качество всегда заключалось в их приспособлении к цели. Если они были несовершенно к ней приспособлены и безуспешны, то причиняли страдание, и это будило людей учиться действовать лучше. Следовательно, народные обычаи (1) подчинены тяге к совершенствованию в направлении лучшего приспособления средств к целям до тех пор, пока приспособление остается несовершенным и причиняет страдания. Также они (2) подчинены тяге к согласованности друг с другом, поскольку все они соответствуют своим целям с меньшими трениями и антагонизмами, если помогают друг другу и взаимно друг друга поддерживают. Формы промышленности, формы семьи, представления о собственности, конструкции прав, типы религии – все они проявляют тягу к согласованию друг с другом на протяжении всей истории цивилизации. Два великих культурных подразделения человеческого рода – восточное и западное. Каждое внутренне согласованно; в каждом есть своя философия и собственный дух; их разделяют от вершины до основания разные нравы, разные

---

¹ Preuss K.Th. Der Ursprung der Religion und Kunst // Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. – 1905. – Bd. 87, N 24. – S. 419.

точки зрения, разные обычаи и разные представления о том, какие общественное устройство предпочтительно. Своим контрастом они удерживают перед нашим умственным взором возможный диапазон расхождения в решении великих проблем человеческой жизни и во взглядах на земное существование, которыми может контролироваться жизненная политика. Даже если бы две планеты соединились в одной, их обитатели не могли бы разойтись больше во взглядах на то, к чему лучше всего стремиться или какие обычаи наиболее целесообразны для благополучной жизни.

6. Алеаторный интерес. Если бы мы попытались найти образцовое общество, в котором целесообразные способы удовлетворения потребностей и интересов были найдены путем проб и ошибок и путем длительного отбора из опыта, как мы его в целом описали выше в § 1, то, может быть, оказалось бы невозможно такое отыскать. Такая практическая и утилитарная модель процедуры, даже будучи смешанной с духовной санкцией, рационалистична. Она не подошла бы к обычаям и темпераменту примитивных людей. В самом элементарном опыте присутствовал элемент, который был иррациональным и противостоял любым целесообразным методам. Можно использовать с величайшей тщательностью самые известные средства и все же не получить результата. С другой стороны, можно получить блестящий результат, вообще не прилагая усилий. Можно также навлечь бедствие без малейшей ошибки со своей стороны. Это был алеаторный элемент жизни, элемент риска и потери, удачи или неудачи. Этот элемент никогда не исчезает из человеческих дел. Он существенно повлиял на их жизненную философию и политику. С одной стороны, удача может означать получение чего-то из ничего, крайний случай процветания и счастья. С другой стороны, неудача может означать провал, потерю, бедствие и разочарование вопреки самым добросовестным и хорошо спланированным усилиям. Людские умы всегда больше залипают на неудаче. Обычное процветание воспринимается ими как само собой разумеющееся. Неудачи же приковывают их внимание и остаются в памяти. Следовательно, жизненные невзгоды – это способ проявления алеаторного элемента, больше всего повлиявший на жизненную политику. Примитивные люди относили все случайности на счет вмешательства либо людей, либо призраков и духов. Удача и неудача приписывались сверхъестественным силам и, как считалось, были обусловлены тем, довольны или недовольны последние поведением людей. Эта группа представлений образует гоблинизм. В ней предлагается

завершенная философия мира. Элемент удачи всегда присутствует в борьбе за существование. Вот почему примитивные люди никогда не могли вести борьбу за существование, пренебрегая алеаторным элементом и используя один лишь утилитарный метод. Алеаторный элемент всегда был связующим звеном между борьбой за существование и религией. Только религиозными обрядами алеаторный элемент, заключенный в борьбе за существование, мог контролироваться. Представления о духах, демонах, ином мире и т.д. были всецело фантастическими. Им недоставало какой-либо связи с фактами; они были произвольными построениями, накладывающимися на опыт. Они были поэтичными и развивались путем поэтического построения и воображаемой дедукции. Нексус между ними и событиями не был причинно-следственной связью, он был магическим. Следовательно, они вели к обманчивым выводам в отношении жизни и ее смысла, и эти выводы вторгались в последующее действие как направляющие верования и императивные представления об условиях успеха. Авторитет религии и авторитет обычая сливались в одно неделимое обязательство. Стало быть, простое утверждение об эксперименте и целесообразности, приведенное выше в § 1, не выведено напрямую из действительных случаев, а является продуктом анализа и умозаключения. Нужно также добавить, что честолюбие и страх перед духами создали нужды, которые человек пытался удовлетворить так же старательно, как и голод или потребность в семье. Народные обычаи так же возникали из первых, как и из последних (см. § 9).

7. Все истоки теряются в тайне. Против этого постулата о способе появления обычаев, в силу содержащегося в нем элемента умозаключения, нечего возразить. Все истоки теряются в тайне, и, видимо, напрасны всякие надежды на то, что покров тайны с происхождения обычаев удастся когда-то сбросить. Мы входим в поток истории и доходим до предельной точки, когда можно что-либо выяснить о ее ходе. Дальше, за границей самой отдаленной заметности хода исторического потока, мы вынуждены окунуться в полную темноту. С этим нам приходится иметь дело при изучении капитала, языка, семьи, государства, религии, прав. Нам не суждено узреть зарождение любой из этих вещей. Всегда только продукты и результаты. Обычаям и привычкам что-то предшествовало, но нам не дано найти и увидеть первые звенья этой цепи. Только путем анализа и умозаключения мы можем составить какое-то представление о «началах», которые нам так хотелось бы знать.

9. Удача и неудача; жизненные невзгоды; добродетель и счастье. В природе есть многочисленные силы роста, или созидания, и разрушения. Интересы человека размещаются между теми и другими и могут поддерживаться или попираются ими. Надо правильно знать те и другие, чтобы получить преимущества и избежать ущерба. Пока это знание не станет адекватным, следствия, с которыми человек сталкивается, кажутся ему случайностями, делом везения. В природе нет бережливости. Скорее расточительность. Человеческие интересы требуют бережливости, отбора и сохранения. Капитал – это состояние, предшествующее всяким приобретениям в безопасности и могуществе, а он создается отбором и бережливостью. Ему угрожает все, что губит материальные блага. Следовательно, капитал – это существенное средство вобретении человеком могущества над природой, и он предполагает чистейшее понятие способности интеллекта отбирать процессы природы и распоряжаться ими для человеческого благополучия. Все старейшие усилия в этом направлении были неуклюжими промахами. Люди отбирали вещи, стоившие желания и сохранения, под влиянием тщеславия и предрассудков и неверно понимали пользу и интерес. Ошибки входили в их народные обычаи, образовывали их часть и оберегались ими. Ошибка, случай и везение казались единственным смыслом, который есть в примитивной жизни. Только знание ограничивает их власть и, по крайней мере, меняет масштаб и форму их владычества. Примитивные народные обычаи отмечены непредусмотрительностью, расточительностью и беззаботностью, из которых постепенно, мучительно и с потерями, по мере того как накапливается опыт и растет знание, отдающее предпочтение лучшим методам, развиваются благоразумие, дальновидность, терпение и непоколебимость. Последствия ошибки и следствия везения всегда смешивались. Как мы видели, жизненные невзгоды связывались с недовольством духов. *Per contra*, поведение, согласующееся с волей духов, было добродетелью и, как считали, приносило блаженство и процветание. Так в веру людей вошло соответствие между добродетелью и счастьем, и на этом соответствии выстроилось искусство счастья. Оно состояло в неукоснительном выполнении обрядов поклонения по отношению к вышестоящим силам и в использовании удачных времен, мест, слов и т.д. при избегании неудачных. Все нецивилизованные люди требуют и ожидают особой реакции на это. В той мере, в какой они ее не получали, – а искусство счастья всегда промахивалось с результатами – великий вопрос всей мировой философии всегда

звучал так: «Какова реальная связь между счастьем и добродетелью?» Только считанные поколения назад люди нашли в себе смелость сказать, что таковой нет. Вся сила представления о том, что они связаны, заключена в противоположном опыте, доказывающем, что никакие плохие дела счастья не приносят. Старейшая религиозная литература состоит из формул почитания и молитв, при помощи которых преданность и послушание должны были доставить убажание богам и добиться их благосклонности и процветания для людей¹. Слова «плохо» и «зло» никогда еще не были избавлены от двусмысленности, смешивающей греховность с бедой. Эти две идеи доходят до нас в связке или в сочетании. Именно обряды были объектом традиции, а не идеи, которые в них воплощались².

12. Традиция и ее ограничения. Очевидно, что в любой примитивной группе «обычай» старших и более опытных членов общества пользуются большим авторитетом. Мы обнаруживаем, что этот рациональный авторитет порождает обычаи почтения и этикета по отношению к старшим. Старшие, в свою очередь, строго следуют традиции и примеру своих предшественников. Таким образом, традиция и обычай переплетаются друг с другом, становясь могущественным принуждением, направляющим общество на проторенные пути и удушающим всякую свободу. Дети видят, как их родители постоянно подчиняются одному и тому же обычаю, повинуются одним и тем же людям. Они видят, что старшим разрешается говорить обо всем, что, когда в дом входит посторонний, все домочадцы приветствуют его согласно рангу и в установленном порядке. Все это становится для детей правилом и помогает придать всем примитивным обычаям свойственную им стереотипную форму. «Фиксированные способы смотреть на вещи, прививаемые воспитанием и племенной дисциплиной, – это осадок старого культурного развития, и в своем непрерывном действии они слу-

---

¹ Rogers R.W. A history of Babylon and Assyria. – New York: Eaton & Maines, 1901. – Vol. 1. – P. 304; Jastrow M., jr. Religion of Babylonia and Assyria // Dictionary of the Bible / ed. by J. Hastings. – New York: Charles Scribner's sons, 1904. – P. 554.

² Pietschmann R. Geschichte der Phoenizier. – Berlin: G. Grote'sche Verlagsbuchhandlung, 1889. – S. 154.

жат индейцу моральным якорем, хотя это также и оковы, сдерживающие его индивидуальную волю»¹.

13. Понятие «примитивного общества»; мы-группа и они-группа. Понятие «примитивное общество», которое нам надлежит сформулировать, обозначает небольшие группы, рассеянные по территории. Размер этих групп определяется условиями борьбы за существование. Внутренняя организация каждой группы соответствует ее размеру. В рамках более широкой группы между составляющими ее группами могут быть узы (родственные, соседские, союзнические, брачные и торговые), связывающие их воедино и отличающие их от других. Так возникает дифференциация между нами, мы-группой, или ин-группой, и всеми прочими, т.е. они-группами, или аут-группами. Люди, состоящие в мы-группе, находятся друг с другом в отношениях мира, порядка, права, управления и промышленности. Их отношения со всеми аутсайдерами, или они-группами, являются отношениями войны и грабежа, если только не модифицированы какими-нибудь соглашениями. Если группа экзогамна, то женщины в ней родом из каких-то других мест. Прочие чужаки, которых можно в ней обнаружить, – это принятые под опеку лица, гостящие друзья и рабы.

14. Чувства в мы-группе и по отношению к они-группе. Отношение товарищества и мира в мы-группе и отношение вражды и войны с они-группами соотносятся друг с другом. Именно нужды войны с чужаками создают мир внутри, иначе внутренний разлад ослабил бы мы-группу для войны. Кроме того, эти нужды создают в мы-группе правительство и право, дабы не допускать раздоров и добиваться дисциплины. Таким образом, война и мир реагировали друг на друга и развивали друг друга, один внутри группы, а другая – в межгрупповых отношениях. Чем ближе соседи и чем они сильнее, тем интенсивнее война и, следовательно, крепче внутренняя организация и дисциплина в каждой из групп. Чувства производятся соответственно. Преданность группе, принесение жертв ради нее, ненависть и презрение к аутсайдерам, братство внутри, воинственность вовне – все это вырастает вместе, все это общие продукты одной и той же ситуации. Эти отношения и чувства образуют социальную философию. Она освящается свястью с религией. Люди из другой группы – это аутсайдеры, с предками которых воевали предки мы-группы. Духам последней будет

---

¹ *Sapper K.* Der Charakter der mittelamerikanischen Indianer // *Globus.* Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. – 1905. – Bd. 87, N 7. – S. 128.

приятно видеть, как их потомки продолжают борьбу, и они будут им помогать. Доблесть состоит в убиении, ограблении и порабощении чужаков.

15. Этноцентризм. Это специальный термин для обозначения такого взгляда на вещи, в котором собственная группа является центром всего, а все прочие оцениваются и ранжируются в соотношении с ней. Народные обычаи соответствуют ему, охватывая как внутренние, так и внешние связи. Каждая группа делеет свою гордость, тешит свое тщеславие, хвастливо ставит себя превыше всего, превозносит своих богов и с презрением смотрит на чужаков. Каждая считает свои народные обычаи единственно правильными, а если замечает, что у других групп другие обычаи, то это вызывает в ней только презрительные насмешки. Из этих различий проистекают оскорбительные эпитеты. «Свиноед», «коровоед», «необрезанный», «тараторы» – вот эпитеты презрения и отвращения. Тупи обзывали португальцев из-за их штанов с помощью насмешливого эпитета, описывающего птиц с перьями вокруг лап¹. Для наших целей здесь важнее всего то, что этноцентризм заставляет людей превозносить и усиливать все, что специфично для их обычаев и отличает их от других. Следовательно, он служит укреплению народных обычаев.

16. Иллюстрации этноцентризма. Папуасы в Новой Гвинее разбиты на деревни, удерживаемые в раздельности враждебностью, канныбализмом, охотой за головами и расхождениями в языке и религии. Каждая деревня интегрирована собственным языком, религией и интересами. Группа деревень иногда объединяется в ограниченное единство коннубиумом. Жена, взятая из данной групповой единицы, имеет полный статус; жена, взятая извне ее, его не имеет. Мелкие групповые единицы являются мирными группами внутри и враждебны по отношению ко всем аутсайдерам². Мбайя в Южной Америке верили, что их божество велело им жить, ведя войны с другими, забирая их жен и имущество и убивая их мужчин³.

---

¹ *Martius C.F.P. von. Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerikas zumal Brasiliens.* – Leipzig: Friedrich Fleischer, 1867. – S. 51.

² *Krieger M. Neu-Guinea.* – Berlin: Alfred Schall Verlagsbuchhandlung, 1899. – S. 192.

³ *Tylor E.B. Anthropology: an introduction to the study of man and civilization.* – London: Macmillan and Co., 1881. – P. 225.

17. Когда карибов спрашивали, откуда они пришли, они отвечали: «Мы единственные люди»¹. Значение названия «кайова» – «настоящие, или основные люди»². Лаппы называют сами себя «людьми», или «человеческими существами»³. Гренландские эскимосы думают, что европейцы были посланы в Гренландию научиться добродетели и хорошим манерам у гренландцев. Высшей формой похвалы европейца у них служит то, что он так же хорош, как гренландец, или вот-вот таковым станет⁴. Тунгусы называют себя «людьми»⁵. Как правило, обнаруживается, что естественные народы называют себя «людьми». Другие являются чем-то другим – возможно, не определенным точно, но это не настоящие люди. В мифах происхождение собственного племени – это происхождение подлинного человеческого рода. Другие не принимаются в расчет. Айны выводят свое название из имени первого человека, которого они почитают как божество. Очевидно, это имя бога производно от названия племени⁶. Когда название племени имеет другой смысл, оно всегда хвастливо или надменно. Название «овамбо» – это испорченное самоназвание племени, означающее «богатые»⁷. К числу народов мира с особенно примечательным этноцентризмом относятся сери Нижней Калифорнии. Они соблюдают установку подозрительности и враждебности ко всем аутсайдерам, и браки с чужаками у них строго запрещены⁸.

18. Евреи делили все человечество на самих себя и гоев. Они были «избранным народом». Греки и римляне называли всех аут-

---

¹ *Martius C.F.P. von.* Op. cit. – S. 51.

² Fourteenth annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1892–1893. – Washington: Government printing office, 1896. – Part 2. – P. 1078.

³ *Wicklund K.B.* Om lapparna i Sverige. – Stockholm: Albert Bonnier, 1899. – S. 5.

⁴ *Fries Th.M.* Grönland, dess natur och innevånare: eften äldre och nyare författares skildringar samt egen erfarenhet. – Upsala: Esaias Edquist, 1872. – S. 139.

⁵ *Hiekish C.* Tungusen: eine ethnologische Monographie. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1897. – S. 48.

⁶ *Hitchcock R.* The Ainos of Yezo, Japan // Report of the National Museum for 1890. – Washington: Government printing office, 1892. – P. 432.

⁷ *Ratzel F.* The history of mankind. – London: Macmillan and Co., 1896. – Vol. 2. – P. 539.

⁸ Seventeenth annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1895–1896. – Washington: Government printing office, 1898. – Part 1. – P. 154.

сайдеров «варварами». В трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» Ифигения говорит, что поистине греки должны владычествовать над варварами, а не наоборот, потому что греки свободные, а варвары – рабы. Арабы считали себя благороднейшим народом, а всех других – более или менее варварскими¹. В 1896 г. китайский министр образования и его советники выпустили руководство, в котором содержалось такое утверждение: «Сколь велика и славна Китайская империя, срединное царство! Она крупнее и богаче всех в мире. Все величайшие в мире люди вышли из срединного царства»². Повсюду в литературе всех государств встречаются эквивалентные утверждения, пусть и не столь наивно выраженные. В русских книгах и газетах говорится о цивилизующей миссии России, и точно так же в книгах и журналах Франции, Германии и Соединенных Штатов цивилизующая миссия этих стран полагается и подразумевается как нечто само собой понятное. Каждое государство ныне считает себя лидером цивилизации, самым лучшим, самым свободным и самым мудрым, а все прочие – низшими. В последние годы наш обыватель научился классифицировать всех иностранцев латинского происхождения как «даго», и слово «даго» стало презрительным эпитетом. Все это случаи этноцентризма.

19. Патриотизм – это чувство, относящееся к современным государствам. Оно выступает как противоположность средневековому понятию соборности. Патриотизм – это лояльность гражданской группе, к которой человек принадлежит от рождения, или иным групповым узам. Это чувство товарищества и сотрудничества во всех чаяниях, трудах и страданиях группы. Средневековая соборность сделала бы всех христиан ин-группой и настроила бы их на враждебное отношение ко всем магометанам и иным нехристианам. Она никогда не могла быть реализована. Когда сформировались и обрели контроль над общественными интересами великие современные государства, групповые чувства стали производиться в связи с этими государствами. Люди охотно откликались на запрос о поддержке и помощи со стороны института, который мог служить и действительно служил их интересам. Государство оттянуло к себе лояльность, которая отдавалась людям (лордам), и ста-

---

¹ *Kremer A. von. Culturgeschichte des Orients unter des Chalifen.* – Wien: Wilhelm Braumüller, 1875. – Bd. 2. – S. 236.

² *Bishop I.B. Korea and her neighbors: a narrative of travel, with an account of the recent vicissitudes and present position of the country.* – New York; Chicago; Toronto: Fleming H. Revell Company, 1897. – P. 438.

ло объектом того группового тщеславия и антагонизма, которые были этноцентрическими. Для современного человека патриотизм стал одной из первейших обязанностей и одним из благороднейших чувств. Это то, что он должен государству за то, что оно делает для него, а государство для современного человека – это кластер гражданских институтов, от которых он получает безопасность и условия благополучия. Массы всегда патриотичны. Для них старые этноцентрические ревность, тщеславие, свирепость и амбиции – сильнейшие элементы патриотизма. Такие чувства легко будятся в толпе. Они наверняка будут популярными. Более широкое знание всегда доказывает, что они не основываются на фактах. То, что мы хорошие, а другие плохие, никогда не бывает истинным. Благодаря истории, литературе, путешествиям и науке люди становятся космополитичными. Избранные классы всех государств становятся ассоциированными; их связывают взаимные браки. Дифференциация по государствам утрачивает значение. Все государства дают одни и те же безопасность и условия благополучия всем. Стандарты гражданских институтов одинаковы или стремятся стать таковыми, и предметом гордости в каждом государстве становится предложение гражданского статуса и возможностей, равных наилучшим. Каждая группа какого угодно рода требует от каждого своего члена, чтобы он помогал защищать групповые интересы. Каждая группа стигматизирует любого, кто дает слабину в рвении, труде и жертвах ради групповых интересов. Таким образом, чувство лояльности группе или главе группы, столь сильное в Средние века, сохраняется, насколько возможно, в отношении современных государств и правительств. Сила группы также используется для навязывания обязательств преданности групповым интересам. Отсюда вытекает недопущение оценочных суждений и замалчивание критики.

20. Шовинизм. То, что патриотизм может выродиться в порок, демонстрируется самим изобретением названия для этого порока: шовинизм. Так называется хвастливое и свирепое групповое самоутверждение. Оно отменяет личную рассудительность и характер и отдает всю группу на милость правящей в данный момент клики. Оно создает власть паролей, кличей и лозунгов, подменяющих разум и совесть в детерминации поведения. Патриотический перекося – признанная перверсия мышления и суждения, от которой наше образование должно нас оберегать.

21. Борьба за существование и жизненная конкуренция; антагонистическое сотрудничество. Борьба за существование

должна осуществляться в жизненных условиях и связке с жизненной конкуренцией. Жизненные условия включают изменчивые элементы среды, обеспеченность материалами, необходимыми для поддержания жизни, трудности в их эксплуатации, состояние ремесел, а также физиографические, климатические, метеорологические и прочие обстоятельства, благоприятные для жизни или, наоборот, ей мешающие. Борьба за существование – это процесс, в котором участвуют индивид и природа. Индивид втянут в процесс, посредством которого он добывает из своей среды все необходимое для сохранения своего существования. В жизненной конкуренции участниками являются люди и другие организмы. Люди борются друг с другом, а также с флорой и фауной, с которыми они связаны. Жизненная конкуренция – это соперничество, антагонизм и взаимное вытеснение, в которое индивид втягивается наряду с другими организмами в силу собственных попыток отстоять в борьбе свое существование. Следовательно, именно жизненная конкуренция является общественным началом, и именно она создает общественную организацию. Численность присутствующих и конкурирующих – еще одно из жизненных условий. В одном и том же месте в одно и то же время жизненные условия одинаковы для некоторого множества присутствующих в них людей, и перед ними стоят одни и те же проблемы жизненной политики. Это еще одна из причин того, что попытки удовлетворения интереса становятся массовыми явлениями и увенчиваются народными обычаями. Индивид и социальные элементы всегда взаимодействуют друг с другом, когда есть некоторое множество присутствующих. Когда кто-то пытается вести с природой борьбу за существование, тот факт, что то же самое в этой же среде делают и другие люди, становится для него существенным условием. Тогда появляется альтернатива. Либо он и другие мешают друг другу настолько, что все терпят поражение, либо они могут соединить усилия в борьбе с природой и за счет сотрудничества возвысить их до высочайшей мощи. Этот последний метод – промышленная организация. Кризис, рождающий ее, постоянно повторяется снова, и людям приходится поднимать организацию на уровень большей сложности и нарастающей мощи, и так без предела. Интересы – это связи действия и реакции между индивидом и жизненными условиями; через эти связи совершается эволюция индивида. Эта эволюция, пока она протекает успешно, есть благополучная жизнь, и она ведет к самореализации индивида, ибо каждого можно представить способным осуществить какую-то карьеру и достичь неко-

торого характера и состояния могущества путем развития тех предрасположенностей, которыми он обладает. Было бы, однако, ошибкой предполагать, что вся природа – хаос войны и конкуренции. Комбинация и кооперация столь фундаментально необходимы, что даже в низших формах жизни обнаруживаются симбиоз, взаимозависимость и взаимопомощь. Комбинация может существовать там, где каждому из его членов иначе грозила бы гибель. Конкуренция и комбинация – две формы жизненной связи, пронизывающие собой все органические и сверхорганические сферы. Пренебрежение этим фактом ведет ко многим социалистическим ошибкам. Комбинирование – суть организации, а организация есть великий механизм умножения силы множеством неравных и несхожих единиц, связанных ради достижения общей цели. Макги говорит о пустыне Папагерия на юго-западе Аризоны, что «большая часть растений и животных пустыни обитают вместе в гармонии и взаимной поддержке [которую он детально показывает], ибо их силы направлены не столько друг против друга, сколько против суровых природных условий, проистекающих из недостатка воды. Это сообщество не подразумевает потери индивидуальности... растения и животные и впрямь характеризуются большей индивидуальностью, чем выраженная в регионах, где выживание вида меньше зависит от сохранения индивидов»¹. Исходя из этого, он говорит о «солидарности жизни» в пустыне. «Цереус – чудовище и фактически, и на вид, продукт скрещивания между растением и животным, вероятно, зависящий в своей форме жизненной истории, если не в самом своем существовании, от своих комменсалов»². Сери защищают пеликанов от самих себя частичным табу, которое не понимается. Видимо, они не могли уважить период размножения, или установить сезон запрета на охоту, но при этом питали такую страсть к этим птицам и их яйцам, что быстро истребили бы их, если бы не было никаких ограничений. Эта комбинация была удачно названа антагонистическим сотрудничеством. Оно состоит в таком сочетании двух лиц или групп для удовлетворения крупного общего интереса, при котором мелкие антагонизмы интересов, которые существуют между ними, подавляются. В

---

¹ *McGee W.J.* The beginning of agriculture // *American anthropologist.* – 1895. – Vol. 8, N 4. – P. 365.

² Ср. также: *Seventeenth annual report of the Bureau of ethnology to the secretary of the Smithsonian institution, 1895–1896.* – Washington: Government printing office, 1898. – Part I. – P. 190.

пустыне растения и животные соперничают в борьбе за воду, но комбинируются друг с другом, словно руководствуясь разумной целью обеспечить максимум жизни, возможный в таких условиях. Есть множество случаев, когда животные сотрудничают таким же образом. Наши фермеры подводят ворон и малиновок под защитительное табу, поскольку эти птицы уничтожают насекомых. Эти птицы также портят посевы и плоды, но это терпят ввиду той службы, которую они приносят. Мадам Помроль говорит о жителях Сахары, что горожане и кочевники – враги по касте и расе, но по интересу союзники. Кочевникам нужны прибежище и кров. Горожанам нужны посланники и перевозки. Отсюда узы договора, ссоры, битвы, набеги, возмездия и примирения ради общих грабительских предприятий¹. Антагонистическое сотрудничество – самая продуктивная форма комбинации в развитой цивилизации. Не замечать мелких антагонизмов, дабы сообща трудиться во имя великих интересов, – высокое проявление разума. Политические партии постоянно вынуждены это делать. В искусстве государственного мужа это постоянная политика. Разница между большими партиями и фракциями в любой парламентской системе первоначально важна; эта разница состоит в том, что партии могут подавлять небольшие различия и комбинироваться ради того, что они считают существенным для общественного благополучия, тогда как фракции делятся и подразделяются на основе мелких разногласий. Поскольку подавление мелких разногласий означает подавление эмоционального начала, иная же политика потворствует узким вопросам, в отношении которых чувства всегда наиболее интенсивны, то первая политика допускает гораздо меньше разгула чувств и страстей.

22. Голод, любовь, честолюбие и страх. Есть четыре великих мотива человеческого поведения, вступающих в игру, когда некоторое множество людей оказывается помещено в одни и те же жизненные условия. Это голод, половая страсть, честолюбие и страх (перед призраками и духами). В основе каждого из этих мотивов лежат интересы. Жизнь состоит в удовлетворении интересов, ибо «жизнь» в обществе – это карьера действий и усилий, направленных на материальную и социальную среду. Как бы ни были велики ошибки и заблуждения, включающиеся в эти усилия, целью всегда является выгода и польза. Усилия идут в параллель-

---

¹ *Pommerol J.* Une femme chez les Sahariennes (entre Laghouat et In-Salah). – Paris: Ernest Flammarion, 1900. – P. 105.

ных направлениях, ведь условия и интересы одинаковы. Ныне признано – и, может быть так оно и есть, – что люди унаследовали от своих диких предков психофизические особенности, инстинкты и сноровку, или по крайней мере предрасположенности, которые оказывают им помощь в решении проблем, связанных с добычей пропитания, сексуальным общением и честолюбием. В итоге возникли массовые явления, течения сходства, сближения и взаимного обогащения; и отсюда выросли народные обычаи. Эти обычаи неосознанны, спонтанны и несогласованы. Никогда не известно, кто их изобрел, хотя нужно верить, что во все времена верховодил талант. Теперь народные обычаи возникают все время. В пору конных экипажей существовали обычаи, приспособленные к этому способу передвижения. Ныне трамваи создали в городах обычаи, соответствующие новому способу транспортировки. Телефон создал обычаи, которые не были никем ни изобретены, ни навязаны, но устроены так, чтобы с удобством удовлетворять интересы, сопряженные с пользованием этим аппаратом.

23. Процесс создания обычаев. Хотя процесс создания обычаев можно видеть во все времена, анализ этого процесса крайне труден. По-видимому, существовал некий «разум» толпы, отличный от умов отдельных индивидов, ее составляющих. Некоторые и в самом деле приняли такую доктрину. Путем самовнушения более сильные умы создают идеи, которые затем, войдя в оборот, переходят от ума к уму. Действия, созвучные этим идеям, находят подражание. Между человеком и человеком происходит взаимный обмен. Это и есть процесс развития. Новые предложения разносятся все дальше. Они воплощаются в деле. Они совмещаются с тем, что уже существовало. Каждый новый шаг множит число примеров, за которые другие люди могут ухватиться. Видимо, именно так производятся великие изобретения. Знание завоевывалось и разносилось этим процессом. Словно в толпе есть какая-то мистическая сила, превосходящая сумму сил ее членов. Для объяснения этого явления, однако, достаточно будет заметить, что есть сотрудничество и постоянное внушение, которое очень продуктивно, когда действует в толпе, поскольку оно извлекает скрытую силу, концентрирует то, что иначе было бы рассеянным, подтверждает и исправляет то, что нами предпринимается, устраняет ошибки и созидает путем комбинирования. Поскольку выгоды от коллективной деятельности полностью объясняются этой точкой зрения, то теории *Völkerpsychologie* следует за ненадобностью отвергнуть.

Народные обычаи на протяжении всей истории цивилизации возникали из описанного процесса.

Некоторого внимания требуют явления внушения и внушаемости, ибо члены группы непрерывно воздействуют ими друг на друга, и крупные массовые явления очень часто объясняются ими.

Пер. с англ. В.Г. Николаева*

(Продолжение следует)

---

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2025 № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 06.08.2025 г.

Формат 60×84/16

Цена свободная

Усл. печ. л. 9,75

Уч.-изд. л. 8,6

Тираж 800 экз.

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6

